СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

44

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XLIV.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1170

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ; жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній; а меньшому дали
Кота; и былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья (разсуждалъ онъ),
Сложившися, себя прокормятъ. Я же,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ въ-слухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту — самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ котомъ своимъ хозяинъ;
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапахъ

Внизъ головой, то пудрился мукою,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ-комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи. И онъ не долго ждалъ; какъ-разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ посвойски.
Побѣдою довольный, во дворецъ
Пошелъ онъ къ Королю, и приказалъ,
Чтобы о немъ немедля доложили.
Велѣлъ ввести кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ-поясъ;
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій Государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина
Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь

Онъ Вашему Величеству свое
Глубокое почтенье изъявить,
И проситъ васъ принять его гостинецъ. —
Скажи Маркизу, отвѣчалъ Король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ. — Королю
Откланявшися, котъ пошелъ домой;
Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ, и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому, что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ Королемъ
И съ нимъ наединѣ (и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ.
И ихъ немедленно онъ къ Королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего Маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ Король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота и, перепелокъ самъ принявши,
Благодарить Маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. Недѣли три,
Четыре котъ усердно къ Королю
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что Король
Сбирается прогуливаться въ полѣ

Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди-себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. Такой
Совѣтъ принять Маркизу Карабасу
Не трудно было: день былъ жаркой; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ Король ужъ близко.
Вдругъ началъ котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ! — Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ Король. «Маркиза Карабаса
«Ограбили и бросили въ рѣку;
«Онъ тонетъ.» — Тутъ, по слову Короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ Маркиза.
А Королю котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ Вашему Величеству донесть,
Что бѣдный мой Маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли
(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его Маркизу.

Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли,
И котъ его представилъ Королю;
И Королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ-какъ онъ красавецъ былъ лицемъ,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной Королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ-обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому, что брюхо было
У Королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ — короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его Король;
А смѣтливый нашъ котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; котъ имъ закричалъ:
«Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
«Не скажете, что этотъ лугъ
«Принадлежитъ Маркизу Карабасу,
«То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
«На мелкіе куски.» Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасной лугъ
Принадлежитъ? — Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный котъ).
Богатые луга у васъ, Маркизъ,
Король замѣтилъ. А Маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. Тѣмъ временемъ, поспѣшно
Впередъ ушедши, котъ увидѣлъ въ полѣ

Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
«Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
«Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
«Не скажете ему вы, что она
«Принадлежитъ Маркизу Карабасу,
«То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
«На мелкіе куски.» Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? онъ
Спросилъ жнецовъ. — Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: Маркизъ! у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ Королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами Маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный зáмокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную. Въ-минуту онъ
Смѣкнулъ, что дѣлать: въ зáмокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи; и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: какую нужду
Вы, котъ, во мнѣ имѣете? На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умѣете во всякой превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? «Это правда; сами, котъ,

Увидите.» И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, котъ
Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ на примѣръ, въ мышенка превратиться?
«Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,
Что жъ тутъ мудренаго?» И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ цапъ! и съѣлъ мышенка.
Король тѣмъ временемъ подъѣхалъ къ зáмку,
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ
И въ-поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, Государь,
Пожаловать на перепутьи въ зáмокъ
Къ Маркизу Карабасу? — Какъ, Маркизъ,
Спросилъ Король, и этотъ зáмокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ.—
И приказалъ Король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ Маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ

(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ за́мкѣ
Король былъ, не вошли, и всѣ домой
Отправились). И, сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ Маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у Короля
Вино позашумѣло, онъ Маркизу
Сказалъ: «хотите ли, Маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ?» Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ-старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

В. Жуковскій.

1845, въ Мартѣ.

ЖИЗНЬ МОЕЙ МАТЕРИ.

Всѣ у насъ гоняются теперь за эффектностью; всѣ въ повѣстяхъ и романахъ ищутъ необыкновенныхъ событій, странныхъ характеровъ, запутанныхъ завязокъ и т. п. Наши журналы наполняются переводами повѣстей и романовъ, назначенныхъ для забавы празднаго любопытства, но далекихъ отъ того, чтобы художническими способами разрѣшать человѣку высшіе вопросы. Журналисты, обязанные указывать читателямъ на лучшія произведенія изящной словесности, равнодушно проходятъ мимо лучшихъ повѣстей, неоснованныхъ на многосложной интригѣ, хотя бы въ нихъ каждая страница казалась взятою изъ сердца человѣческаго. Если жъ иногда и попадаетъ въ журналъ подобная повѣсть, то читатели, притупивъ свой вкусъ на эффектныхъ изчадіяхъ новѣйшей литературы, пробѣгаютъ ее безъ участія и скоро о ней забываютъ. Такъ, на примѣръ, у насъ всякому извѣстны *Парижскія Тайны*, и весьма немногимъ — Записки бѣднаго Вильчерскаго священника, послужившія Гольдсмиту основаніемъ для прекраснаго его романа, хотя между романомъ Сю и этими Записками столько же разницы, сколько между масленичными представленіями и дѣйствительною драмою жизни. *Современникъ*, какъ журналъ, основанный Поэтомъ высокихъ

думъ и изящной простоты, постоянно имѣлъ въ виду обратить своихъ читателей отъ изысканнаго, обманчиво-блестящаго къ простому, истинно-художественному изображенію природы и человѣка. Съ этою мыслію онъ предлагаетъ и теперь своимъ читателямъ простой, но трогательный и поучительный расказъ о жизни одной бѣдной женщины, расказъ, написанный ея сыномъ, занимающимъ теперь мѣсто, достойное его ума и таланта.

П. К.

*

Не уже ли одни только славные и великіе люди (начинаетъ авторъ) достойны занимать насъ? Иногда и въ жизни обыкновенной, чуждой громкихъ дѣяній, посреди нуждъ и горестей, является великій характеръ; а въ простыхъ, повседневныхъ событіяхъ нерѣдко можно найти высокую занимательность и спасительное поученіе. Вотъ какая идея побудила меня передать свѣту повѣсть о жизни моей матери.

Мать моя родилась въ 1771 году, на Волыни, въ Межирѣчѣ-Корецкомъ, въ дворянскомъ родѣ Ленскихъ, и въ крещеніи получила имя Доминики. Родители ея были ни богатые, ни бѣдные люди. Бабушка моя, Клара Ленская, была женщина характера суроваго и вспыльчиваго. Она держала въ рукахъ своего мужа, который, напротивъ, былъ флегматикъ и заботился только о томъ, чтобы хорошо пожить на свѣтѣ. Онъ усердно подвизался на сеймикахъ и еще усерднѣе воевалъ съ старымъ Вен-

грипомъ *, а дома не входилъ ни во что, и предоволенъ былъ, что жена взяла на себя всѣ хозяйственныя распоряженія. Не обращая никакаго вниманія на разстройство своего имѣнія, онъ безпечно доживалъ вѣкъ, любилъ жену отъ всей души и повторялъ при всякомъ случаѣ: *Осипъ да Клара — славная пара!* У нихъ было шесть дочерей и одинъ сынъ. Бабушка моя баловала сына, съ дочерьми жъ, напротивъ, обходилась сурово и строго. Больше всего доставалось отъ нея Доминикѣ, которая съ дѣтства отличалась проницательностью и необыкновенною живостью характера. Однажды бабушка открыла въ своей кладовой пропажу варенья. Вина, какъ обыкновенно, была сложена на Доминику—и когда Доминика вздумала оправдываться, то бабушка, державшая въ рукѣ большой кусокъ сахару, швырнула въ нее этимъ кускомъ и такъ хватила по головѣ, что та безъ чувствъ и вся въ крови грянулась о-земь. Что жъ? вы думаете, это бабушку сильно встревожило? Ничуть! Заложили хлѣбомъ пробитое въ головѣ мѣсто, да тѣмъ и кончились заботы объ ея ранѣ. Подобными наставленіями ограничивалось тогда все воспитаніе дѣвицъ, которыя и въ богатѣйшихъ домахъ не многому учились. Бабушка была убѣждена, что, кромѣ чтенія молитвъ, дѣвушки ничего больше знать не должны; даже умѣнье писать, по ея мнѣнію, было только средствомъ къ порчѣ нравовъ и могло сдѣлаться въ рукахъ дѣвушки нечестивымъ орудіемъ для любов-

* Венгерскимъ.

ныхъ записокъ. Такое смутное начало жизни моей матери, исполненное горестей и ничѣмъ не услаждаемое, предвѣщало по-видимому не лучшую и будущность.

Скоро разныя неблагопріятныя обстоятельства лишили родителей моей матери всѣхъ ихъ доходовъ. Они переѣхали съ остаткомъ своего состоянія на постоянное жительство въ Межирѣчь-Корецкій, гдѣ у нихъ былъ собственный домикъ и гдѣ жилъ одинъ добрый ихъ родственникъ, который всегда помогалъ имъ. Выдать выгодно за-мужъ дочерей въ такихъ обстоятельствахъ было очень трудно. Надобно было развѣ спуститься пониже, чтобъ освободиться отъ этаго бремени. Когда Доминикѣ было около шестнадцати лѣтъ, пріѣхалъ къ нимъ тотъ, кто въ послѣдствіи сталъ моимъ отцемъ (его имя Петръ), съ старшимъ братомъ своимъ Яковомъ, искать ея руки—и панна Доминика, мучимая любопытствомъ, подслушала у двери слѣдующій разговоръ двухъ братьевъ, оставшихся наединѣ въ отведенной имъ комнатѣ. «Все это прекрасно, говорилъ Петръ; она умна; у нея благородный характеръ — но какъ жаль, что недостаетъ ей красоты!» — Э, братецъ ты мой! отвѣчалъ Яковъ, красоты на тарелкѣ рѣзать не станешь и вѣнка изъ нея носить не будешь. —

Панъ Петръ согласился съ мнѣніемъ своего брата и, познакомившись съ Доминикою поближе, рѣшился на ней жениться.

Отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный—и замуж-

ство понизило мою мать еще одною ступенью въ обществѣ. Впрочемъ молодость и веселый характеръ помогли ей сродниться и съ низшимъ состояніемъ.

Мать моего отца, женщина стараго вѣка, простая, но почтенная, неслишкомъ была довольна его женитьбою. Она считала свою невѣстку барынею, неспособною къ трудамъ и хозяйству. Въ первые мѣсяцы еще, когда отецъ мой отлучился однажды изъ дому, свекровь, чтобы испытать свою невѣстку, услала служанку со двора и не мѣшалась сама ни въ какую работу. Вдругъ изъ горшка начало сбѣгать. Доминика въ торопяхъ надѣваетъ перчатки, чтобы пособить горю, но обожгла руки и ничего не сдѣлала. Глядя на это, свекровь сказала, покачавъ головою: «пропалъ мой Петръ! съѣли его волки!» а та приняла эти слова буквально и начала прегорько плакать. Тогда бѣдная свекровь должна была не только отодвинуть отъ огня горшокъ, но еще и утѣшать невѣстку. Навѣстивши однако же, чрезъ годъ послѣ того, сына, она увидѣла въ домѣ чистоту и порядокъ. Доминика готовила кушанье, качала дитя, подметала комнату — и все это вмѣстѣ. «Слава Богу! сказала тогда съ-радостью свекровь, ожилъ мой Петръ и не съѣдятъ его волки!» Въ самомъ дѣлѣ мать моя успѣла уже сдѣлаться отличною хозяйкою. Съ каждымъ почти годомъ увеличивалось ея семейство, а вмѣстѣ съ нимъ расходы и заботы; однако жъ она, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, не только не роптала на умноженіе се-

мейства, напротивъ, радовалась и принимала дѣтей какъ благословеніе Божіе. «Пусть богачи, обыкновенно говорила она, восхищаются своими имѣніями, а мы будемъ восхищаться дѣтьми.» И дѣйствительно: ни одинъ богатый скупецъ не любилъ такъ своихъ сокровищъ, какъ насъ любила она.

Отецъ мой былъ слабаго сложенія, и въ лѣтахъ еще молодыхъ началъ хворать. Чувствуя себя болѣе и болѣе ослабѣвающимъ и наскучивъ службою, онъ, по совѣту своего брата Людвига, рѣшился испытать счастья въ торговлѣ лѣсомъ. Этотъ панъ Людвигъ служилъ когда-то въ кавалеріи, былъ человѣкъ самонадѣянный, смѣлый и любилъ покутить — только не на свои деньги. Денегъ своихъ у него никогда не водилось, и онъ обладалъ необыкновеннымъ искуствомъ занимать ихъ у всѣхъ до вѣчной расплаты. Отецъ мой, будучи характера кроткаго, чувствителенъ, справедливъ, не подозрѣвалъ ни въ комъ обмана и совершенно довѣрился удальцу-брату. Переѣхали въ деревню Дынесовичи, близъ Чернобыля, и начали торговать лѣсомъ. Мать моя, съ свойственною ей проницательностью и здравомысліемъ, скоро поняла, что эта мнимая торговля худо кончится. Она старалась отвратить мужа отъ его спекуляціи, совѣтовала по крайней мѣрѣ не вполнѣ довѣряться брату. Но отецъ мой былъ такъ простодушенъ, что даже намѣкнулъ брату о недовѣрчивости къ нему своей жены. «Пустяки, братецъ! отвѣчалъ тотъ. Стоитъ ли обращать вниманіе на бабьи толки? Развѣ не знаешь,

что у женщины волосъ дологъ, да умъ короткокъ? Положись на меня; скоро такъ разбогатѣешь, что только лысину будешь поглаживать.»

Дѣла отца моего разстроивались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; но довѣренность его къ брату не поколебалась: онъ давалъ да давалъ ему деньги, а тотъ гулялъ да гулялъ на его счетъ. Отсюда произошли домашнія безпокойства. Мать моя, видя уже явный убытокъ, напоминала мужу объ участи стольких дѣтей. Отецъ сталъ избѣгать дома и почти по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у брата, который угощалъ его на его же деньги. Наконецъ Людвигъ не могъ уже больше скрывать своихъ продѣлокъ, и отецъ мой понялъ обманъ его.

Когда я представлю себѣ положеніе матери, то не могу надивиться, какъ она умѣла сохранить и свѣтскую пріятность, и природный умъ, и чистоту своихъ правилъ, будучи окружена людьми необразованными, по большой части злонравными и суевѣрными. Высокій характеръ ея обнаружился наиболѣе въ несчастіи. Въ-слѣдъ за разстройствомъ денежнымъ, весь скотъ палъ отъ заразы, и семейство наше вдругъ лишилось всего необходимаго для существованія. Но духъ моей матери нисколько не упалъ въ такомъ ужасномъ положеніи.

Отецъ же, напротивъ, почувствовавъ теперь истину ея предостереженій, впалъ въ крайнюю горесть. Имъ овладѣла какая-то меланхолія. Несчастный иногда даже ночью оставлялъ домъ и бродилъ по полямъ и по лѣсамъ. Тогда-то выразилась

прекрасная душа моей матери. Перенося съ твердостію свое горе, она не упрекала мужа; напротивъ, со всею нѣжностью любящей женщины, старалась утѣшать его скорбную душу и поддерживать его разумъ, поколебавшійся отъ горести. Какъ-то удалось ей выпросить для него у Базиліанскаго опата * мѣсто эконома въ одномъ монастырскомъ имѣніи. Два года прожили мы въ томъ имѣніи; но, при всѣхъ стараніяхъ матери, отецъ мой никогда не могъ развеселиться. Потеря состоянія въ-особенности бываетъ страшна для человѣка въ то время, когда приближается старость, а тутъ окружаетъ его многочисленное семейство. Горесть сильно подѣйствовала на здоровье моего отца. Онъ долженъ былъ оставить свою должность и поселиться въ деревнѣ Вязовкѣ, гдѣ больной пролежалъ цѣлый годъ. Какъ описать положеніе бѣдной женщины, которая должна и воспитывать дѣтей и ходить за больнымъ мужемъ? Мать моя продала за-безцѣнокъ весь свой домашній скарбъ, и сверхъ того трудилась всѣми силами для прокормленія своего семейства. Наконецъ отецъ мой умеръ и оставилъ насъ въ полномъ смыслѣ на волю Божію. Мнѣ было тогда десять лѣтъ, и я все хорошо помню. Съ какою невыразимою заботливостью хлопотала моя мать по цѣлымъ днямъ и по ночамъ во время продолжительной его болѣзни! Какъ, при величайшей бѣдности, умѣла она находить средства къ тому, чтобы больной ни въ чемъ не имѣлъ недостатка! Наконецъ, какъ могла она

* Настоятеля монастыря.

перенести потерю мужа, съ которымъ прожила двадцать лѣтъ и котораго нѣжно любила! Я плакалъ и боялся за ея собственную жизнь. Бѣдная! когда хоронили мужа, нѣсколько разъ падала она въ-обморокъ, а мы, дѣти, уже думали, что и она умерла, потому-что съ великимъ трудомъ можно было привести ее въ чувство. Наконецъ совершенъ коекакъ убогій обрядъ погребенія. Несчастная женщина, пораженная неутѣшною горестію, видитъ подлѣ себя восемь сиротъ, остающихся безъ копѣйки денегъ, безъ пристанища, безъ помощи и безъ родныхъ. Прижимая насъ однаго за другимъ къ груди, она горько плакала и повторяла: «ахъ, дѣти мои! что мнѣ съ вами дѣлать?» Въ самомъ дѣлѣ, что было дѣлать одинокой, безпомощной женщинѣ, брошенной какъ игрушка въ широкій свѣтъ съ бѣдными сиротами, которые только изъ ея рукъ ожидали насущнаго хлѣба?

Если бъ столько несчастій обрушилось вдругъ на мущину, онъ упалъ бы подъ ихъ бременемъ; но душа матери, твердо уповающая на Провидѣніе, при новыхъ бѣдствіяхъ становилась еще сильнѣе и мужественнѣе. Одинъ мелкопомѣстный дворянинъ, зная добродѣтельную жизнь моей матери, опытность и распорядительность ея въ хозяйствѣ, началъ искать ея руки. При такой крайней бѣдности ея, это было чудомъ для всѣхъ сосѣдей. Но мать и слышать не хотѣла о замужствѣ. «Я могу найти себѣ мужа, отвѣчала она, но не найду отца дѣтямъ моимъ.» Отказъ этотъ раздосадовалъ всѣхъ ея знако-

мыхъ, которые старались ее увѣрить, что, не принявъ такаго благодѣтельнаго предложенія, она погибнетъ съ своими малолѣтними дѣтьми. «Не погибну! отвѣчала она: Отецъ всѣхъ вдовицъ и сиротъ и меня не оставитъ!» Въ Овручской сторонѣ, гдѣ мы тогда жили, не было у нея ни роду, ни племени. Она переѣхала съ нами въ окрестности Корца, гдѣ была родина всей ея фамиліи. Но и тамъ горе: кто приметъ бѣдную вдову съ восьмью сиротами, изъ которыхъ старшему сыну было около осмнадцати лѣтъ, а меньшему дитяти нѣсколько мѣсяцевъ? Съ трудомъ успѣла она помѣстить старшаго сына, Николая, въ Острожскую канцелярію, а половину остальныхъ дѣтей принуждена была раздать въ чужія руки, чтобы имѣть возможность найти себѣ гдѣ-нибудь пристанище и придумать какія-нибудь средства для воспитанія сыновей. Это было самое мучительное для нея время, и она часто вспоминала эту горестную эпоху своей жизни. «Боже мой! говорила она. Какъ ужасно было мое положеніе! Дѣтей моихъ, мое все, я должна была разбрасывать въ разныя стороны! должна была напрашиваться къ людямъ, чтобъ взяли у меня то, что для меня всего дороже, на что я не могла наглядѣться! Кто самъ не испыталъ чего-нибудь подобнаго, тому трудно понять, что̀ это за мученіе для материнскаго сердца.»

И такъ, поручивъ людской сострадательности прочихъ дѣтей своихъ, мать оставила при себѣ груднаго сына, меня и самую старшую дочь, Ѳеклу. Съ нами

поселилась она у родной сестры своей, которая пожизненно владѣла нѣсколькими избами въ деревнѣ Садкахъ. Тягостно было и здѣсь житье матери: хоть она и работала съ дочерью какъ простая поденщица, однако жъ все-таки обременяла небогатую женщину. Это иногда даже слишкомъ явно давали намъ чувствовать. Скоро мы лишились и этаго пристанища. У тетки сгорѣлъ домъ. Тогда сестра Ѳекла пошла въ услуженіе въ одинъ панской домъ. Судья Горлинскій и его жена приняли на воспитаніе меньшаго моего брата, которому едва минулъ годъ; а меня взяла къ себѣ еще прежде двоюродная сестра матери, довольно богатая женщина. У нея также жила вмѣстѣ со мною и сестра Кристина, подъ видомъ воспитанницы, а въ самомъ дѣлѣ она была безплатною служанкою, какъ обыкновенно водится у родныхъ.

О! этой тетушки я никогда не забуду. Въ ея характерѣ господствовало странное противорѣчіе: она любила общество, забавы и была довольно весела, но къ домашнимъ была строга необыкновенно. Я у нея садился за столъ напрасно: между мною и лучшими блюдами стояла непреодолимая преграда, именно — полная тарелка борщу. Я не въ состояніи былъ опорожнить ее, а потому и не дотрагивался до другихъ кушаньевъ: такова была воля моей благодѣтельницы. Тотъ же самый борщъ оставлялся для меня и на полдникъ, и на ужинъ, и на завтракъ другаго дня; словомъ—ненавистный борщъ преслѣдовалъ меня до тѣхъ поръ, пока голодъ не за-

ставлялъ меня наконецъ опорожнить тарелку, а тутъ наступалъ и новый. Кромѣ того я никакъ не могъ избѣжать нѣсколькихъ розгъ ежедневно, и вотъ почему: я былъ обязанъ каждый день надрать извѣстную мѣру пуху; но какъ ни старался это выполнить, никогда не былъ въ состояніи: тетушка придавливала мой пухъ рукою; мѣра оказывалась неполною, и меня дѣлали виноватымъ. Когда у тетушки бывали гости, меня будили въ-полночь и заставляли пѣть Украинскія пѣсни. Испуганный и полусонный я пѣлъ ихъ рыдая, и это очень смѣшило собраніе. Не лучше обходились и съ моей сестрою.

Мать, узнавъ о такомъ воспитаніи, пріѣхала къ теткѣ; но пріѣздъ ея не слишкомъ усладилъ мою участь. Тетка нисколько не отступила отъ своей обыкновенной методы. Не имѣя никогда дѣтей, она не понимала мученій матери, которая должна была смотрѣть, какъ безжалостно обходятся съ ея дѣтьми, и не могла спасти ихъ. Наконецъ жестокосердіе тетки дошло до того, что и самая бѣдность не могла удержать мать мою въ границахъ безмолвнаго терпѣнія. Однажды тетушка за что-то разсердилась на сестру мою и начала бранить ее самыми грубыми словами. Старшій братъ мой, хлопотавшій безпрестано по дѣламъ тетки, пріѣхалъ на то время къ ней изъ Острога, однако же не смѣлъ вступиться за сестру; но мать осмѣлилась бросить нѣсколько словъ въ защиту бѣдной дѣвочки. Тетка вспылила и такъ ударила мою сестру по головѣ, что зубцы гребня вонзились въ темя—и кровь брызнула сквозь волосы. Вся

эта сцена до сихъ поръ стоитъ передъ моими глазами. Окровавленная сестра, огорченный братъ, пораженная отчаяніемъ мать, горестный вопль, гнѣвный крикъ, сбѣжавшіеся слуги — все это никогда не исчезнетъ изъ моей памяти. Драма эта кончилась однако жъ, что касается собственно до меня, очень весело, потому-что тетка выгнала насъ изъ дому. Ночь была темная, хоть глазъ выколи; грязь на дворѣ страшная, и дождь лилъ немилосердо. Тетушка строго запретила своимъ мужикамъ впускать насъ къ себѣ въ хату; но одинъ кузнецъ изъ состраданія далъ намъ тайкомъ въ кузницѣ убѣжище отъ непогоды. Братъ и сестра остались тамъ ночевать съ тѣмъ, чтобы на-разсвѣтѣ отправиться въ Острогъ; но мать рѣшилась просить ради Христа хоть временнаго пристанища у близкаго сосѣда тетки. Было уже довольно поздо, и потому она, не теряя времени, простилась съ старшимъ сыномъ и дочерью—и, взявъ меня на плеча, пошла бѣдная по проливному дождю къ этому сосѣду. Дорогою она горько плакала; а я, не понимая печали ея, особенно послѣ избавленія отъ ужасной тетки, думалъ, что она боится за меня, и безпрестанно повторялъ: «Не плачь, мама, я крѣпко держусь за шею.» Чужіе люди приняли насъ съ искреннимъ участіемъ. Дотолѣ я не видѣлъ ласки ни отъ кого, кромѣ матери, и не могъ надивиться, что сама хозяйка дома оказывала мнѣ невыразимую заботливость, такъ-что въ дѣтствѣ я не иначе понималъ ученіе о раѣ и адѣ, какъ сравнивая эти два дома.

Дѣти подрастали; пора было думать объ ихъ ученьѣ; но моей матери не представлялось къ тому никакихъ средствъ. Всѣ сожалѣли объ ея положеніи; всѣ были увѣрены, что мы обречены вѣчной нищетѣ и необразованности; всѣ кивали головою, слушая мечтательныя надежды матери касательно нашего воспитанія; но это нисколько не поколебало ни ея предпріятій, ни упованій на милосердіе Отца небеснаго. Она твердо вѣровала, что Богъ пошлетъ ей средства для воспитанія дѣтей, и что подъ-старость она насладится плодами своихъ заботъ и усилій. Послѣ долгихъ размышленій, слезъ и молитвъ она рѣшилась переселиться въ Межирѣчь, гдѣ было училище, и гдѣ трудами своихъ рукъ она могла содержать и образовать дѣтей своихъ. Къ этому времени сестра Ѳекла успѣла сберечь изъ выслуженныхъ денегъ 200 злотыхъ, и не только отдала ихъ матери, но и себя предложила для услугъ и пособія при воспитаніи братьевъ. Такимъ-то самоотверженіемъ сестры и матери положено было начало нашему образованію.

Переѣхавши въ Межирѣчь, мать надѣялась найти средства къ своему существованію, содержа учениковъ на квартирѣ. Но на первыхъ порахъ намъ было тамъ очень трудно. Цѣлый годъ, никому неизвѣстная, мать не могла имѣть учениковъ, а потому не на что было ей нанять и служанки: ночью, чтобы никто не видалъ, она съ сестрою носила воду, мыла бѣлье и исполняла самыя низкія работы, а днемъ шила и вязала чулки, чтобъ какъ-нибудь за-

работать копѣйку на пропитаніе. Но всего этаго не ставало, и она должна была ѣздить къ богатымъ роднымъ просить пособія. Мать отъ природы имѣла характеръ благородный, не любила кланяться, всегда чувствовала свое достоинство; но крайняя бѣдность и такое важное дѣло, какъ воспитаніе дѣтей, побѣдили ея отвращеніе къ просьбамъ. Съ мольбами къ Богу, съ трепетомъ и страхомъ въ сердцѣ, приближалась она къ порогу своихъ родныхъ, не столько боясь отказа, сколько худаго пріема: она не просила много; дѣло шло о какомъ-нибудь корцѣ * муки или огородныхъ овощей — а родные, какъ обыкновенно, одни понемножку помогали, другіе же сердились и отказывали.

Наконецъ положеніе матери нѣсколько улучшилось. Сосѣди стали уважать ее, принимали участіе въ ея положеніи, и съ той поры въ ученикахъ не было недостатка. Правда, подобная жизнь была очень безпокойна, а скудная плата учениковъ, состоявшая въ нѣсколькихъ рубляхъ и корцахъ хлѣба за годъ, не могла удовлетворить всѣхъ нашихъ потребностей; однако жъ время, проведенное въ Межирѣчѣ, мать считала счастливѣйшимъ въ своей жизни. Уже миновала эпоха, когда она должна была тереться по чужимъ угламъ, гдѣ, по словамъ ея, нужно было пить чашу горести до самаго дна; теперь посѣтила ее великая радость: она имѣла возможность собрать вокругъ себя разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ дѣтей, и видѣть постепенное раз-

* Семь мѣръ.

витіе ихъ ума и сердца. Съ помощію Божіею, сыновья, особенно старшіе, учились прекрасно—и какъ она восхищалась при концѣ года, когда въ публичномъ собраніи давали награды Антонію и Яну, и читали ихъ имена, записанныя въ такъ называемой *золотой книгѣ!* Она обращала тогда на себя всеобщее вниманіе; ее называли счастливою матерью — и дѣйствительно, она была въ то время очень счастлива, ибо вкушала прекраснѣйшіе плоды своихъ необыкновенныхъ усилій. Но этотъ благословенный домашній покой былъ нарушенъ страшнымъ ударомъ для ея материнскаго сердца. Шестнадцатилѣтняя прекрасная дочь ея, Элеонора, уже обрученная съ однимъ благороднымъ и довольно богатымъ юношею, скончалась на рукахъ ея. Я не буду изображать ея горести; скажу только, что при погребеніи всѣ присутствующіе плакали отъ жалости.

Съ каждымъ годомъ положеніе матери улучшалось, потому-что старшіе сыновья не только не были ей въ-тягость, но, сдѣлавшись наставниками богатыхъ учениковъ, могли даже дѣлиться съ матерью сбереженными деньгами. При убожествѣ, у насъ было тогда много пріятнаго — и я съ сожалѣніемъ обращаю глаза на минувшіе годы. Донынѣ живо мнѣ представляется наше жилище въ Межирѣчѣ. Первую комнату занимала мать; другая, довольно обширная, полна была ученическихъ кроватей. Въ первой комнатѣ стояла въ одномъ углу кровать матери, въ другомъ—сестры; печка и кухня у порога, и одно довольно-высоко прорубленное окошко, гдѣ

была лавка, на которой мать любила заниматься работой и совершать молитвы, или пѣть набожныя пѣсни. Она особенно любила пѣснь о Божіемъ Провидѣніи, на которое безгранично уповала, и старалась утвердить это упованіе въ дѣтяхъ. Я помню, какое неизгладимое произвела на меня впечатлѣніе маленькая картинка, на которой одна рука изъ облаковъ сыпала зерна птицамъ, а другая бросала хлѣбъ сиротамъ. О, любилъ я слушать наставленія объ этой благости и попеченіи Божіемъ, когда мать, развернувъ молитвенникъ, въ которомъ находилась эта картинка, объясняла мнѣ ея значеніе! Какую трогательную картину представляла бѣдная мать, окруженная малолѣтними дѣтьми, живущая только вѣрою въ Провидѣніе и воспѣвающая это Провидѣніе! Долго послѣ того не слыхалъ я этой пѣсни, какъ однажды показали мнѣ первое изданіе духовныхъ пѣснопѣній: я случайно развернулъ книжку на пѣсни о Божественномъ Провидѣніи—и вдругъ, къ удивленію присутствующихъ, залился слезами. Ахъ! съ этою пѣснію связывалась цѣлая жизнь бѣднаго семейства, а въ словахъ запечатлѣлся для меня навѣки и напѣвъ и голосъ моей бѣдной матери!

Мало по малу жилище матери опять начало пустѣть, потому-что сыновья, одинъ за другимъ, переѣзжали въ Виленскій Университетъ. Мать и сестра Ѳекла между-тѣмъ могли пользоваться бо̀льшими выгодами жизни, получая вспоможеніе отъ старшихъ братьевъ, которые, по мѣрѣ возможности, присылали имъ часть своихъ доходовъ. Спокойно и тихо текло

послѣднее время пребыванія моей матери въ Межирѣчѣ. Одна только тоска по разсѣянныхъ по свѣту дѣтяхъ нарушала ея спокойствіе. За то — каждое письмо, каждое извѣстіе объ ихъ успѣхахъ, а наиболѣе каждый пріѣздъ сына, превращали ея бѣдное жилище въ настоящую обитель счастія и радости.

Неисповѣдимыя судьбы Божіи предназначили новое испытаніе для материнскаго терпѣнія, и открыли снова поприще для пріобрѣтенія вѣчной награды. Въ короткое время мать моя перенесла два болѣзненные удара. Самый старшій сынъ ея, Николай, умеръ въ Кіевѣ; а самый младшій, Гавріилъ, полный надеждъ и юношескаго чувства, погибъ въ походѣ 1831 года—и даже могила его намъ неизвѣстна. О, кто любилъ такъ дѣтей своихъ, кто прилагалъ столько трудовъ и попеченія объ ихъ воспитаніи, тотъ пойметъ страданія матери! И еще не конецъ: въ тоже почти время она перенесла гораздо прискорбнѣйшую еще потерю: ей суждено было лишиться и дочери Ѳеклы, неразлучной ея спутницы во всѣхъ житейскихъ превратностяхъ. Характеръ этой чистой и благоговѣйной души подаетъ мнѣ смѣлость представить болѣе подробныя о ней воспоминанія. При томъ, этѣ двѣ особы такъ тѣсно между собою связаны, что, вспоминая объ одной, невозможно умолчать о другой. Я уже сказалъ, какъ героически посвятила себя Ѳекла служенію матери и воспитанію братьевъ. Истинно, это была другая мать. Особенно она занималась домашнимъ хозяйствомъ, потому-что въ первые годы мать не только выѣзжала

къ роднымъ для полученія какаго-нибудь корца хлѣба, но часто должна была и проживать у нихъ нѣкоторое время, если они того хотѣли, чтобы хоть этимъ отплатить за ихъ благотворительность. Конечно, хозяйство наше было небольшое; но, при малыхъ средствахъ; оно требовало величайшаго порядка и бережливости. Добрая моя сестра заботилась обо всемъ — и о выгодѣ квартировавшихъ у насъ учениковъ, и о потребностяхъ малолѣтнихъ братьевъ; сама присматривала за нашимъ бѣльемъ и платьемъ—и мы ни о чемъ не заботились. Съ одной служанкой, она должна была завѣдывать пропитаніемъ столькихъ человѣкъ, и потому принуждена была заниматься самыми тяжелыми работами, что, при ея нѣжномъ сложеніи и непривычкѣ къ такимъ занятіямъ, повредило ея здоровью. Сколько хлопотъ переносила эта бѣдная дѣвушка! Цѣлый день была на-ногахъ, и ввечеру не имѣла времени отдохнуть; ибо извѣстно, что за бремя — содержать на квартирѣ двенадцать бѣдныхъ мальчиковъ, рѣдко хорошо воспитанныхъ и по большей части величайшихъ шалуновъ, которые, какъ скоро уходилъ изъ дому надзиратель, что случалось обыкновенно вечеромъ, казалось, готовы были опрокинуть все вверхъ дномъ: шумъ, крикъ, драка! Несчастная сестра, чтобъ сохранить тишину, расказывала имъ разныя поучительныя повѣсти, или сказочки — и въ этомъ была неистощима. Я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ слушалъ ее чуть ли не всякій вечеръ—и никогда не повторяла она однаго и того же. Все, что читаю теперь въ различныхъ

сборникахъ, я уже слыхалъ отъ нея, и еще недостаетъ въ нихъ многаго. Ея повѣствовательный талантъ былъ необыкновенно привлекателенъ; всякой мелочи она умѣла придать интересъ. Но когда вниманіе мое останавливается на ея характерѣ, на образѣ ея жизни и дѣйствій, я вижу, что величіе ея превосходитъ всякій вымыселъ, и боюсь, чтобы словъ моихъ не приписали братской любви. Но Богъ и люди, которые знали сестру мою, могутъ лучше моего засвидѣтельствовать истину того, что говорю. Больше всего поражаетъ меня въ этой молодой дѣвушкѣ совершенное и добровольное самоотверженіе изъ любви къ матери и братьямъ. Не трудно въ минутномъ увлеченіи пожертвовать жизнію за милыхъ нашему сердцу: но это ежедневное приношеніе себя въ жертву—во сколько разъ оно труднѣе! Молодая и прекрасная передъ началомъ страданій, причиненныхъ ей тяжкими трудами, она совершенно забыла о себѣ, и я никогда не замѣчалъ въ ней ни малѣйшаго расположенія, не говорю къ шалости, но даже и къ невиннымъ увеселеніямъ. Изъ дому она выходила только въ церковь и на базаръ за покупками, и никогда не видали ее ни въ какомъ обществѣ. Кажется, цѣлый свѣтъ потерялъ для нея свою прелесть. Партіи, представлявшіяся ей въ первой ея молодости, она всегда отвергала: одному Богу и семейству была предана она всею душою. Съ своимъ нѣжнымъ, тихимъ и кроткимъ характеромъ, она съ невыразимою покорностію волѣ Божіей переносила всѣ хлопоты, несчастія, страданія и болѣз-

ни, потому-что во все пребываніе въ Межирѣчѣ не была здорова; однако жъ работала изо всѣхъ силъ. Какая ангельская скромность сопровождала всѣ ея дѣйствія! Она была невинна и застѣнчива какъ дитя. Всю жизнь этой прекрасной души составляли двѣ чистѣйшія любви: одна земная любовь—къ ея семейству, а другая небесная — къ Творцу. Какъ описать ея чистосердечную и необычайную набожность! Счастливѣйшею почитала она себя, когда могла выслушать обѣдню, когда дома могла предаться чтенію набожныхъ книгъ, или молитвѣ; и часто, въ углу церкви, она такъ погружалась въ Богѣ, что не замѣчала, какъ всѣ выйдутъ, какъ старикъ запретъ двери, и, только зная ея обыкновеніе, мы легко отыскивали потерянную. Всѣ обряды и занятія, предписываемыя вѣрою, выполняла она съ величайшею точностію, и въ каждомъ дѣйствіи своемъ была послѣдовательницею Спасителя. И все это было исполнено такой простоты, простосердечія и дѣтской наивности, что никто не могъ усомниться въ ея благочестіи. Отъ того всѣ называли ее *святою дѣвушкою*. Такова-то была неразлучная подруга матери и наша вторая мать. Ихъ соединяла величайшая дружба, укрѣпленная кровною любовію и несчастіями, претерпѣнными вмѣстѣ. Онѣ свыклись одна съ другою въ теченіе цѣлой жизни, какъ бы слились въ одно существо, и не могли обойтись одна безъ другой. Боже мой! кто изобразитъ скорбь матери, когда она воздавала послѣдній долгъ своей любезной дочери и подругѣ! Кто представитъ печаль ея, ко-

гда, по возвращеніи съ кладбища, она, шестидесятилѣтняя старуха, увидѣла себя одну въ томъ домѣ, гдѣ возросло почти все наше семейство, гдѣ каждый уголокъ сохранялъ для памяти тысячу воспоминаній! Посреди глухой, какъ бы могильной тишины, изнеможенная, садится она на той любимой скамеечкѣ у окна, на которой обыкновенно молилась и пѣла пѣснь Провидѣнію — и, не видя подлѣ себя ни однаго дитяти, съ отчаяніемъ глядитъ по пустой комнатѣ, подымаетъ жалобный плачь — и нѣтъ никого, кто бы промолвилъ ей хоть одно слово утѣшенія. Ужасно подобное состояніе, и потому-то мать часто говорила: *страданія и печаль никого не убиваютъ; иначе мнѣ давно бы не жить на свѣтѣ.*

Оставить мать въ ея положеніи было бы жестоко, и я упросилъ ее переѣхать къ намъ изъ Межирѣча, въ которомъ она прожила семнадцать лѣтъ и съ которымъ ей тяжело было разстаться.

Мы сами могли уже содержать ее. Это было довольно счастливое время, потому-что всѣ удобства жизни ея были очень хорошо обезпечены. Она утѣшалась нашими успѣхами въ наукахъ и развлекалась присмотромъ за нашимъ небольшимъ хозяйствомъ. Мы радовались, что она проведетъ хоть послѣднія лѣта въ довольствѣ и спокойствіи. Но иначе угодно было Богу: въ груди у нея образовалась рана, угрожавшая со-временемъ превратиться въ ракъ; и хотя мы таили отъ нея опасность этой болѣзни, но какъ ужасно было предвидѣть разлуку

съ самымъ милымъ въ мірѣ существомъ! Впрочемъ приближеніе смерти, при ея надеждѣ на милосердіе Божіе, нимало ея не тревожило. Правда, сначала, когда открылся ракъ, она печально повторяла иногда, что всю жизнь должна была бороться съ нищетой—и умираетъ, когда наступило лучшее время. Но подъ-конецъ жизни не тревожило ея болѣе никакое сожалѣніе—и она, съ величайшимъ самозабвеніемъ въ Богѣ, любила разговаривать о приближающейся смерти. Съ этѣхъ поръ ея рѣчи исполнены были удивительной торжественности. Догматы вѣры не только услаждали наступающую кончину, но еще едва не дѣлали ей желанною. «Я довольно жила съ вами, говоритъ-бывало она; пора пойти къ мужу и къ другимъ дѣтямъ моимъ, которые меня тамъ ожидаютъ, а потомъ вскорѣ и всѣ соединимся.» Въ послѣднія минуты жизни, при величайшихъ страданіяхъ, всегда оказывала она невыразимую материнскую любовь: тысячу разъ благословляла отсутствующихъ дѣтей, а меня, прижимая холодными уже руками, все еще цѣловала; потомъ, погрузившись въ молитву и выразительно произнесши: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» она въ полномъ сознаніи приняла поданную ей освященную восковую свѣчу и скончалась на моихъ рукахъ 9-го Апрѣля, въ полдень, 1837 г., 66-ти лѣтъ отъ роду. Я похоронилъ ее въ Острогѣ, съ должнымъ почетомъ, и на могилѣ положилъ камень съ надписью: *Дражайшей матери благодарные сыновья.* Такъ кончилась жизнь женщины добродѣтельной и чувст-

вительной, которая отъ колыбели до гроба боролась съ страданiями и побѣдила ихъ упованiемъ на Бога.

Самая жизнь ея выразила уже ея характеръ; но я осмѣливаюсь пополнить изображенiе его еще нѣсколькими чертами. Она отличалась живостью чувствъ, сохранившеюся до самой смерти. Это выражалось въ ея движенiяхъ, трудѣ, образѣ мыслей и сужденiй, словомъ—во всѣхъ дѣйствiяхъ. Подъ внѣшнею веселостью она скрывала глубокое воззрѣнiе на предметы и расположенность къ печали. Но эта веселость была непритворна и невольно овладѣвала ею въ обществѣ. Зная перенесенныя ею страданiя, часто удивлялись ея счастливому расположенiю духа, которое рѣдко оставляло ее между людьми. Но надобно было видѣть эту женщину въ уединенiи, или жить съ нею неразлучно, чтобы узнать ее совершенно съ иной стороны. Она была прiятна въ обществѣ, потому-что умѣла оживить его и могла принаровиться къ каждому собранiю. Ея разговоръ былъ живъ, гибокъ— и въ самомъ выраженiи мыслей можно было замѣтить необыкновенную силу и точность. Вовлеченная судьбою въ безпрерывную борьбу съ нищетою, она не имѣла возможности и времени образовать умъ посредствомъ чтенiя книгъ. Но за то великiй даръ наблюдательности, глубокая опытность, знанiе людей, которыхъ легче всего узнать человѣку бѣдному, придали ея образу мыслей удивительную основательность, полную глубочайшей практической фи-

лософіи, и отъ того-то въ ея легкомъ и веселомъ разговорѣ всегда блистали важныя истины. Не знаю никого, кто бы больше ея зналъ пословицъ, и кто бы примѣнялъ ихъ удачнѣе. Кромѣ врожденной проницательности, изощренной еще опытомъ, она обладала истинно-изумительнымъ талантомъ познавать людей. Для нея достаточно было взглянуть, услышать нѣсколько словъ, чтобы произнесть о человѣкѣ сужденіе — и, скажу искренно, я не помню, чтобы она когда-нибудь ошиблась. Часто я думалъ, что въ комъ-нибудь немного и ошибается она; но въ послѣдствіи, слова ея всегда оправдывались. Въ ежедневномъ обхожденіи съ дѣтьми она не изливалась ни въ чувствительныхъ выраженіяхъ, ни въ ласкахъ— и хотя сильная привязанность ея была очевидна; однако жъ, судя по ея спокойному виду, трудно было замѣтить въ ней ту невыразимую чувствительность, которая всегда таилась во глубинѣ ея сердца. Порывы ея чувства обнаруживались только тогда, когда что-нибудь потрясало ея душу. Боже мой! что дѣлалось у насъ въ домѣ, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ дѣтей! Это былъ настоящій праздникъ радости. Но грусть всегда въ ней преобладала. Послѣ перваго дня радости уже наступало сожалѣніе о будущемъ отъѣздѣ сына, или дочери — и это съ каждымъ днемъ сильнѣе возрастало. Нельзя было даже и въ-шутку сказать: «я хочу скорѣе уѣхать, потому-что маменька неслишкомъ мнѣ рада.» Она, казалось, готова была броситьтя къ ногамъ, чтобы только удержать милаго сына. Трудно мнѣ

безъ сердечной тоски воспоминать минуты отъѣзда, когда грустная мать, въ молчаніи, смотрѣла съ тихими слезами на приготовленія въ дорогу. Боже мой! донынѣ хранится въ моей памяти этотъ печальный образъ матери въ слезахъ, которая, провожая меня изъ дому, старается собрать мои мелочи. Напрасно я прошу ее не безпокоиться: возьму изъ ея рукъ перчатки—шляпа займетъ ихъ мѣсто; а если и шляпу возьму — она съ другою вещію стоитъ передо мною въ нѣмой печали. Это не было слѣдствіе ея почтенія къ дѣтямъ; никто лучше ея не умѣлъ сохранить материнскаго достоинства: это было выраженіе чрезвычайной любви, которая, передъ разлукою, находитъ величайшее удовольствіе въ малѣйшей услугѣ любимому предмету. О, грустенъ былъ каждый выѣздъ, который долго, долго провожала мать плачущими глазами! Еще грустнѣе, еще тяжелѣе подумать, что послѣ нея ничто уже не замѣнитъ любви!

Но, безъ авторскаго дарованія и растроганный воспоминаніями, напрасно бы усиливался я обнять этотъ предметъ и начертать этотъ милый образецъ; чувствую всю слабость изображенія; а люди еще подумаютъ, что сыновняя любовь все преувеличила. Но что мнѣ до людей! Давно уже Господь оцѣнилъ тебя, незабвенная мать наша, ибо ты предстала предъ Него въ свѣтлой одеждѣ упованія и страданій. Уже борьба смѣнилася благимъ успокоеніемъ, и путь жизни счастливо оконченъ. Трудами своихъ рукъ ты доставила намъ воспитаніе; своими

молитвами и благословеніемъ ты помогла намъ найти приличное мѣсто въ обществѣ. Ахъ, если возможно, будь и нынѣ нашимъ ангеломъ-хранителемъ! навѣщай насъ добрыми помыслами и спасительными предостереженіями! навѣщай утѣшеніемъ въ страданіяхъ, и мужествомъ въ борьбѣ за истину!

РУССКІЕ САМОѢДЫ.

Изъ писемъ Кастрена *.

Исправникъ помогъ мнѣ наконецъ найти Самоѣдскаго учителя, знающаго по-Русски, и съ умомъ, необыкновенно яснымъ для Самоѣда. Онъ чувствовалъ свое превосходство, и потому, во время исправленія учительской должности, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на прочихъ изъ своей братіи. Однажды другіе Самоѣды хотѣли поправить что-то въ его переводѣ; но онъ сказалъ имъ съ важностію: «молчите, вы не ученые люди.» Я всѣми средствами старался надолго привязать къ себѣ этаго рѣдкаго Самоѣда, платилъ ему щедро, давалъ ему каждый день водки, и никогда не отказывалъ ему въ ней, лишь только являлась у него охота выпить. Не смотря на то, онъ сталъ скучать, и все желалъ возвратиться въ тундру. «Ты обходишься со мною ласково, и потому я люблю тебя,» сказалъ онъ мнѣ однажды; «но я не могу жить въ домѣ. Будь милостивъ, отпусти меня.» Я увеличилъ ему плату, давалъ ему больше водки, послалъ за его женою и дѣтьми, давалъ водки и женѣ, и всячески старался развеселить Самоѣда. Такимъ образомъ удалось мнѣ удержать его еще нѣсколько дней. На полу въ моей комнатѣ, какъ

* Современникъ. XXIX, 145.

въ чумѣ, сидѣли мужъ, жена и ихъ дѣти, окруженные оленьими шкурами, лапчатыми лоскутьями, ножами, ящиками и другими надобностями. Мужъ былъ совершенно занятъ мною; жена шила Самоѣдскія платья, и иногда помогала мужу при переводѣ. Я часто слышалъ, какъ она тяжко вздыхала; и когда я однажды спросилъ о причинѣ ея грусти, она зарыдала и отвѣчала со слезами, что она тоскуетъ о своемъ мужѣ, который долженъ жить въ-заперти. «Твоему мужу» возразилъ я, «не хуже, какъ и самой тебѣ. Скажи, какъ ты сама довольна своимъ состояніемъ?» «Я не думаю о себѣ; я тужу только о моемъ мужѣ,» былъ простодушный отвѣтъ ея. Потомъ мужъ и жена такъ неотступно стали упрашивать меня, что я долѣе не могъ противиться ихъ просьбамъ. Другой Самоѣдъ вызвался поступить ко мнѣ въ учители, но онъ былъ изъ обыкновенныхъ Самоѣдовъ — тупъ и непонятливъ. Каждый вопросъ я долженъ былъ повторять ему по нѣскольку разъ, и всё-таки онъ рѣдко понималъ меня совершенно. Когда я, на прим., просилъ его перевести фразу: «моя жена больна», онъ переводилъ: «твоя жена больна.» «Скажи, не *твоя*, а *моя* жена.» «Какъ я сказалъ, такъ оно и есть,» возразилъ Самоѣдъ. Потомъ я просилъ его перевести слова: «твоя жена больна.» На это возразилъ онъ: «если ты говоришь о моей женѣ, то она такъ же здорова, какъ я.» «Но, прибавилъ я, вѣдь могло бы случиться, что и твоя жена заболѣла бы. Если бы ты когда-нибудь пришелъ расказать мнѣ, что жена твоя зане-

могла, какъ бы ты это выразилъ на своемъ языкѣ?» Самоѣдъ отвѣчалъ: «когда я уѣхалъ изъ дому, жена моя была здорова; а заболѣла ли она послѣ того, не могу сказать.»

Выведенный изъ терпѣнія безтолковостью новаго учителя моего, я очень обрадовался, когда жена священника въ одно утро предложила мнѣ съѣздить съ нею на Самоѣдскую свадьбу, которую праздновали верстахъ въ 30 отъ церкви. Покуда моя спутница приготовлялась къ поѣздкѣ, я призвалъ къ себѣ Самоѣдскихъ проводниковъ, и просилъ ихъ объяснить мнѣ брачные обряды Самоѣдовъ. Вотъ вкратцѣ расказъ ихъ.

Когда Самоѣдъ хочетъ жениться, то онъ пріискиваетъ себѣ свата, и съ нимъ отправляется къ родителямъ выбранной имъ дѣвушки. По прибытіи туда, женихъ остается передъ чумомъ у своихъ саней. Сватъ входитъ и тотчасъ говоритъ отцу, или ближайшему родственнику дѣвушки: «молодой парень послалъ меня свататься; согласенъ ли ты, или нѣтъ?» Если на это отвѣчаютъ: *нѣтъ,* то пріѣхавшіе тотчасъ возвращаются домой, и женихъ совсѣмъ не показывается въ чумѣ. Но если отецъ изъявляетъ согласіе, то сватъ снова спрашиваетъ: «когда будетъ свадьба,» хотя неизвѣстно, будетъ ли она, или нѣтъ, потому-что у Самоѣдовъ женихъ долженъ выкупить дѣвушку у ея отца. Уже напередъ невѣста оцѣнена со стороны жениха, и свату эта цѣна извѣстна. Но если отецъ дѣвушки оцѣнитъ дочь свою выше, то сватъ идетъ къ жениху и съ

нимъ совѣтуется, согласенъ ли онъ будетъ прибавить еще нѣсколько оленей. Такимъ образомъ торгуются, пока не рѣшатъ дѣла·тѣмъ, или другимъ образомъ. Если не сойдутся въ цѣнѣ, то женихъ не войдетъ въ чумъ. Но если свату удастся заключить торгъ, то онъ введетъ жениха въ чумъ.

Послѣ обрученія женихъ не ѣдетъ къ невѣстѣ, а все дѣло производитъ сватъ. Передъ свадьбою родственники невѣсты ѣдутъ погостить у жениха. Когда всѣ наѣдятся и напьются вдоволь, сватъ выводитъ гусемъ четырехъ оленей, двухъ самцевъ и двухъ самокъ, покрываетъ первыхъ краснымъ сукномъ, навѣшиваетъ колокольчикъ на шею главнаго, обводитъ оленей три раза кругомъ чума и потомъ запрягаетъ ихъ въ жениховы сани. Ѣдутъ къ невѣстѣ; женихъ впереди; оленями его правитъ сватъ. Доѣхавъ до жилища родителей невѣсты, сватъ три раза объѣзжаетъ свадебный чумъ, останавливается позади его и идетъ къ собравшимся, а женихъ не выходитъ изъ саней. При пріѣздѣ ихъ, убиваютъ оленя. Выпиваютъ рюмку водки—и начинается пиръ; но жениху не позволено лично участвовать въ немъ, и сватъ выноситъ къ нему кушанья и водку. По окончаніи ѣды, сватъ наконецъ вводитъ въ чумъ и жениха. Здѣсь съ одной стороны очага сидятъ родственники жениха, съ другой родные невѣсты. Женихъ подходитъ къ родственникамъ невѣсты и садится по правую сторону отъ нея. Сватъ садится у ногъ жениха и невѣсты. Когда всѣ усядутся по мѣстамъ, хозяинъ начинаетъ угощать гостей водкою.

Первыя рюмки онъ черезъ свата подаетъ жениху; тотъ выпиваетъ половину, а другую половину отдаетъ невѣстѣ. Когда всѣ гости выпьютъ по нѣскольку рюмокъ, начинаютъ ѣсть вареную оленину; сердце отдаютъ молодымъ. Послѣ стола уже всѣ церемоніи отлагаются въ-сторону; каждый пьетъ, что есть силы. Свадьба кончится, когда кончится водка. Но если вся водка выйдетъ уже въ первый день свадьбы, то женихъ все-таки долженъ остаться тутъ до завтрашняго дня. Тогда отправляются въ его чумъ. Новобрачная лежитъ въ своихъ саняхъ, покрытая; ея оленями правитъ мать жениха. Доѣхавъ до дому, свекровь съ невѣстою три раза объѣзжаетъ чумъ. Снимаютъ покрывало съ невѣсты, и свекровь вводитъ ее въ чумъ. Здѣсь начинается новый пиръ. Убиваютъ оленей, подаютъ водку, поютъ, спорятъ, шутятъ и дерутся.

Съ женою священника я поѣхалъ посмотрѣть одинъ актъ, или вѣрнѣе, сцену этой романтической драмы. При нашемъ пріѣздѣ на мѣсто свадьбы, всѣ были уже порядочно употчеваны. Нѣкоторые лежали на землѣ. Непокрытыя головы вдавились въ сугробы, и вѣтеръ заносилъ снѣгомъ багровыя лица. Но вотъ идетъ почтенный супругъ, ощупываетъ одного за другимъ этихъ мертвецовъ—и, узнавъ наконецъ свою жену, потряхиваетъ ея голову, и поворачиваетъ ее спиною къ вѣтру, и потомъ ложится подлѣ нея, носъ объ носъ. Вотъ идетъ другой съ кофейникомъ въ рукахъ, ищетъ своей возлюбленной—и, нашедши ее, начинаетъ вливать ей въ горло водки изъ носка ко-

ѳейника. Третій, наткнувшись на своего непріятеля, наноситъ нѣсколько измѣнническихъ ударовъ и удаляется: а несчастнаго сажаютъ въ сани; привязываютъ его къ нимъ, берутъ его оленей и уѣзжаютъ. Между-тѣмъ, какъ я стоялъ и смотрѣлъ на этѣ Вакханальныя сцены, кругомъ меня толпилось множество полупьяныхъ свадебныхъ гостей. Каждый хотѣлъ сказать что-нибудь, спросить о чемъ-нибудь: всякій требовалъ, чтобъ его слушали. Не имѣя возможности разговаривать вдругъ со всѣми, обратился я къ тому, который казался мнѣ трезвѣе другихъ. Тутъ прочіе взяли меня за шубу, стали тянуть и рвать меня, каждый въ свою сторону. Я сдѣлалъ отчаянный отпоръ и счастливо вырвался изъ круга. Я побѣжалъ отъ своихъ преслѣдователей— и, увидѣвши вдали толпу дѣвушекъ, бросился къ нимъ. Онѣ занимались особеннаго рода игрою. Раздѣлившись на двѣ группы, по семи человѣкъ въ каждой, онѣ шапкою играли въ-мячики, ловя ее на-лету. Та группа, къ которой кидали шапку, отворачивалась и старалась, какъ можно лучше, упратате ее. Потомъ этѣ дѣвушки бросались бѣгомъ на снѣжный сугробъ, а другія семеро нападали на нихъ— и у нихъ завязалась борьба изъ-за шапки. Сперва усердно кувыркались въ снѣгу; потомъ вставали и продолжали споръ, пока не найдется шапка. Онѣ играли съ такимъ жаромъ. что долго меня не замѣчали. Потомъ, узнавъ о моемъ присутствіи, убѣжали во всю прыть далеко на тундру. Я пошелъ назадъ въ чумъ. Хозяинъ встрѣтилъ меня и предло-

жилъ мнѣ чашку чаю. Мы вошли въ чумъ, просторный, но не круглый и не пирамидальный, какъ вообще шалаши Самоѣдовъ, а овальный и сложенный изъ двухъ обыкновенныхъ шалашей. Здѣсь толпились мущины, женщины, старики и молодыя дѣвушки. Въ числѣ побитыхъ гостей былъ и женихъ. Я сѣлъ пить чай вмѣстѣ съ хозяиномъ и сватомъ. Съ трудомъ могъ я уговорить хозяина пригласить и жену священника въ наше почетное общество. Послѣ чаю хозяинъ велѣлъ убить хорошаго оленя. Отъ легкаго удара топоромъ въ лобъ повалился олень на-земь. Ему вонзили ножъ въ грудь и вынули дыхательное горло. Объ немъ-то завязался между гостями жаркій споръ, кончившійся тѣмъ, что ближайшіе родственники новобрачныхъ раздѣлили между собою горло, и тотчасъ съѣли свою долю. Съ оленя содрали кожу, разрѣзали животъ; негодныя части выбросили, и положили животное на спину. Оно представляло видъ большаго, овальнаго блюда, на которомъ въ морѣ крови плавали легкія, печенка и другія лакомства. Хозяинъ, взявъ меня за руку, подвелъ къ оленю, и просилъ меня отвѣдать приготовленнаго кушанья.

Какъ ни ясно онъ выразилъ свое предложеніе, однако же я былъ такъ глупъ, что не понялъ его. Я совершенно праздно стоялъ у оленя. Между-тѣмъ свадебные гости собирались кругомъ его, вынимали свои длинные ножи, отрѣзывали куски теплаго, дымящагося мяса—и, обмакнувъ ихъ въ крови, подносили ко рту, жевали мясо, закинувъ назадъ голову,

и во время жеванія отрѣзывали часть куска. Потомъ опять обмакивали мясо въ крови, и опять подносили ко рту. Кровь текла у нихъ по губамъ и по вытянутымъ шеямъ. Легкія и печенка служили десертомъ. Когда этотъ отвратительный обѣдъ былъ конченъ, я попросилъ, чтобы для меня и моей спутницы сварили кусокъ мяса. Но въ чумѣ и безъ того уже кипѣлъ большой котелъ. Мясо вынули изъ котла полусваренными, и на большихъ блюдахъ подавали его почетнѣйшимъ гостямъ. Меня просили откушать изъ однаго блюда съ хозяиномъ и сватомъ. Попадьѣ подали на дощечкѣ нѣсколько кусковъ мяса, въ лѣвой, менѣе почетной сторонѣ чума. Во время стола дѣвушки пѣли Самоѣдскія пѣсни, по содержанію прекрасныя, но по напѣву почти похожія на музыку лягушекъ. Пѣсни и ѣда были прерваны трагическимъ событіемъ. Въ дверь всунулось остроконечное Самоѣдское лицо, пискливымъ голосомъ прося позволенія принять участіе въ свадебномъ пиршествѣ. Кто-то изъ гостей просилъ его войти. Онъ вошелъ: но это сдѣлалось безъ-вѣдома хозяина. Этотъ, замѣтивъ незванаго гостя, велѣлъ вытолкать его. Множество готовыхъ рукъ тотчасъ спѣшило исполнить приказаніе. Другіе встали для сопротивленія. Хозяинъ и сватъ схватили другъ друга за волосы. Я былъ страшно сдавленъ между ними. Въ шалашѣ сдѣлалась общая тревога; кричали, бранились и тузили другъ друга; горшки, кофейники, блюда съ мясомъ и небольшія кадки — все перевернулось вверхъ дномъ. Кончилось тѣмъ, что незванаго Са-

моѣда выпроводили. Какъ скоро спокойствiе возстановилось, хозяинъ расказалъ, что этотъ наглецъ недавно предъявилъ ему бумагу, будто бы мною составленную, въ которой объявлялось, что Самоѣду этому поручено въ каждомъ чумѣ собирать для меня по 20 руб. асс.; а кто будетъ прекословить, того отправлять скованнаго въ Архангельскъ. За такой подлый обманъ хозяинъ мой теперь хотѣлъ наказать своего безсовѣстнаго земляка, и поклялся передъ иконою, что обманщикъ никогда не войдетъ безнаказанно въ его чумъ.

Пора бы теперь сообщить что-нибудь о новобрачныхъ; но о женихѣ нечего сказать, кромѣ того, что онъ лежалъ пьяный у дверей шалаша во все время, пока я былъ на свадьбѣ. Кромѣ окровавленнаго лица, я въ немъ не замѣтилъ ничего особеннаго. На немъ была обыкновенная *малица*, т. е. оленья шуба, надѣтая мѣхомъ внутрь, похожая на рубашку. На малицѣ не было ни пестрой матерiи, ниже богатаго подола изъ собачьей шкуры. Наружностью женихъ былъ похожъ на другихъ Самоѣдовъ: у него были широкiя щеки, толстыя губы, маленькiе глаза, низенькiй лобъ, небольшой носъ, составлявшiй почти прямую линiю со лбомъ, большiя ноздри, черныя какъ смоль, щетинистые волосы, рѣдкая борода, смуглое лицо, со многими признаками Монгольской природы, особливо Калмыцкаго племени. Невѣста была ребенокъ тринадцати лѣтъ, но прекрасная, каковы обыкновенно Самоѣдскiя дѣвушки. Небольшое кругленькое личико, полненькiя

розовыя щеки и губы, бѣлый лобъ, черные кудри, маленькіе, плутовскіе темные глаза — вотъ отличительныя принадлежности красавицы-Самоѣдки. Такъ въ Самоѣдской пѣснѣ дѣвушку хвалятъ за ея «маленькіе глазки, широкое лицо и румянецъ, похожій на утреннюю зарю передъ непогодой, за прямой носъ и вывороченныя ножки.» Этотъ идеалъ я видѣлъ здѣсь на свадьбѣ, и меня очень забавляло, какъ всѣ молодые парни хотѣли цѣловать ее, не въ носъ, какъ у нихъ обыкновенно дѣлается, а въ алыя губы. Къ миловидности молодой Самоѣдки много содѣйствуетъ и прелестная ея одежда — куртка изъ оленьей шкуры, которая плотно обхватываетъ станъ, а къ низу расширяется; у колѣнъ она оканчивается обшивкою изъ пушистой собачьей шкуры. Откинутый воротникъ ея, застегнутый на полной груди, пріятенъ для глазъ. Икры покрыты пестрыми, вмѣстѣ сшитыми оленьими шкурами. Повѣсить эту одежду на стѣну и съ анатомическою точностію разсматривать всю неимовѣрную пестроту ея—было бы уморительно забавно; но на живой Самоѣдкѣ это очень естественное украшеніе. Развѣ ты не найдешь естественности въ томъ, что дѣвственное существо стыдится покрыть свой гибкій станъ косматою звѣриною шкурою? Она конечно не можетъ вполнѣ обойтись безъ этой шкуры, но, по крайней мѣрѣ, принаравливаетъ ее къ своимъ нѣжнымъ членамъ, вшивая въ нее множество красныхъ, желтыхъ, голубыхъ лоскутьевъ, чтобъ ее не сочли за собаку, за оленя, за волка, или за что-нибудь подобное. Но

существенно-комическое въ убранствѣ Самоѣдки — косы ея, двойныя, сплетенныя тесмами, и пуговками или другимъ чѣмъ украшенныя, иногда висящія до пятъ. Въ этой національной одеждѣ была и невѣста на свадьбѣ. Только двѣ нитки голубыхъ бусъ отличали ее отъ другихъ. Впрочемъ она не была такъ пьяна, какъ другія дѣвушки. Въ амазонскихъ играхъ ихъ она, сколько я могъ замѣтить, вовсе не участвовала. Въ числѣ прочихъ дѣвушекъ и свадебныхъ гостей вообще трудно было отыскать кого-нибудь, кто бы на лицѣ не носилъ кровавыхъ слѣдовъ бывшей драки. Сварливость гостей увеличилась особливо къ-вечеру. Куда ни глядѣлъ я, вездѣ дрались. Прежде всего подвергались нападенію черные, всклоченные волосы; потомъ тузили другъ друга кулаками, а нерѣдко брали въ помощь и что-нибудь другое. Драка завязывалась безъ всякой причины. Какъ скоро двое встрѣчались, они непремѣнно нападали другъ на друга, не разбирая возраста и пола. Здѣсь не давали, да и не просили пощады; всякій отбивался, сколько было силъ. Побѣжденный обыкновенно оставался на сугробѣ, гдѣ его повалили; побѣдитель шелъ совершать новые подвиги. Насмотрѣвшись на это зрѣлище, мы, когда стемнѣло, отправились назадъ.

Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ изъ Неса. Путь мой лежалъ къ востоку, къ Ческой Губѣ. Ѣхать къ самому Канинскому полуострову—было бы безполезно, потому-что тамъ, въ эту зиму, нѣтъ ни одной человѣческой души. Нерѣдко случается, что

полуостровъ совершенно пустѣетъ. Морскіе берега у Канина Носа очень низменны и топки. Въ дождливую осень и сухія мѣста дѣлаются чрезвычайно вязкими. Если зима начнется сильными морозами, то вездѣ образуется толстая ледяная кора, а она — смерть для оленя, который своими копытами не можетъ пробить льда и добраться до моху. Я полагаю, что оленій мохъ растетъ и на горахъ; но отъ этаго Самоѣдамъ мало пользы, потому-что они зимой и лѣтомъ промышляютъ морской ловлею и слѣдовательно вынуждены жить близъ моря. Вообще мало посѣщаютъ Канинъ Носъ. И Канинскіе Самоѣды болѣе держатся на Тиманскомъ берегу. Около Рождества они толпами отправляются въ окрестности Мезени и Сомжи, гдѣ продаютъ свои оленьи и лисьи шкуры и все, что имъ удалось достать на землѣ и въ морѣ; запасаются мукою, коровьимъ масломъ, кислымъ молокомъ, порохомъ, свинцомъ, водкою и другими потребностями. Послѣ Святокъ они возвращаются къ морю, исключая нѣкоторыхъ самыхъ бѣдныхъ, которые отправляются даже до Пинеги, Холмогоръ, Архангельска, гдѣ мущины промышляютъ извозомъ, а женщины питаются милостынею. При отъѣздѣ моемъ изъ Неса, 19-го Января, большая часть Самоѣдовъ уже отправилась въ обратный путь. Я проѣхалъ около 160 верстъ, и видѣлъ всего одинъ только шалашъ, да и то хозяинъ его мнѣ былъ недругъ. Онъ между Канинскими Самоѣдами распространилъ слухъ, будто я, какъ иностранецъ, не могъ быть по-

сланъ отъ Русскаго Правительства, а что меня отрядилъ «Нѣмецкій народъ» провѣдать, какъ бы удобнѣе убить всѣхъ Самоѣдовъ и потомъ увести ихъ оленей. При рѣкахъ Висѣ, Омѣ, Снопѣ и Вискѣ встрѣчалъ я отдѣльные Русскіе хутора̀ и испорченный народъ. Нерѣдко попадались мнѣ навстрѣчу Русскіе караваны, возвращающіеся изъ Самоѣдскихъ чумовъ съ дорого̀ю добычею. На рѣкѣ Пёшѣ, за нѣсколько верстъ отъ ея устья, наткнулся я наконецъ на три Самоѣдскія чума. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ тому тадибу, который въ Сомжѣ открылъ мнѣ свои тайныя знанія. Теперь я условился съ нимъ, чтобы онъ черезъ нѣсколько дней отыскалъ меня у Тимонской церкви, верстахъ въ сорока отъ чума вверхъ по рѣкѣ Пёшѣ, и тамъ нѣкоторое время поучилъ бы меня своему языку. Условіе скрѣплено было нѣсколькими шнапсами—и я довольный поѣхалъ къ церкви. Изъ людей здѣсь были одни дѣти и нѣсколько стариковъ, потому-что священникъ, дьячекъ и ихъ жены, которые одни составляютъ двѣ трети народонаселенія этаго мѣстечка, отправились въ Мезень. Недостатокъ въ обществѣ щедро вознаграждался для меня прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ я увидѣлъ здѣсь вновь лѣса и холмы. Чтобы вполнѣ насладиться этѣми красотами природы, я досталъ себѣ пару лыжей; взялъ ружье и покатился въ лѣсъ. Вскорѣ я увидѣлъ стаю бѣлыхъ куропатокъ. Подкрадываясь къ нимъ, я чуть-чуть самъ не погибъ, вкатившись на лыжахъ въ незамерзшій источникъ, покрытый

рыхлымъ снѣгомъ. Съ большимъ трудомъ я выбрался изъ него; а на возвратномъ пути едва не замерзъ въ мокромъ своемъ платьѣ. Я поспѣшилъ въ баню, и такимъ образомъ предупредилъ всѣ дурныя послѣдствія этой бѣды. Но меня ожидала другая неудача: тадибъ не сдержалъ слова. Конечно, я могъ бы обойтись безъ его руководства; но гораздо непріятнѣе было то, что при церкви не было ни одного оленя, который бы могъ довезти меня хоть до хутора, лежащаго въ двадцати верстахъ ниже на рѣкѣ Пёшѣ. Послѣ десятидневнаго ареста, я изъ этаго затрудненія выведенъ былъ двумя Тиманскими Самоѣдами, пронюхавшими, видно, что у меня еще осталось немного водки. Проѣхавъ для нея почти 100 верстъ, они предложили не только прислать мнѣ оленей, но и отправить нарочнаго по всѣмъ чумамъ для извѣщенія Самоѣдовъ о пріѣздѣ чиновника, путешествующаго по «казенному дѣлу.» Послѣдняя мѣра показалась мнѣ излишнею; но Самоѣды стояли на своемъ, говоря, что *«тундра не совершенно безопасна»* — выраженіе, на которое я, въ продолженіе самой поѣздки, уже собралъ надлежащіе комментаріи. Въ сущности я, согласился на это предложеніе потому, что, не имѣя понятія о положеніи чумовъ, непремѣнно долженъ бы былъ поиграть въ жмурки на тундрѣ.

Послѣ такихъ мѣръ предосторожности, я отправился 1-го Февраля отъ Пешской церкви. Скоро поднялась сильная непогода, заставившая меня остановиться у хутора, лежавшаго близъ рѣки. Ямщикъ

съ своими оленями отправился къ ближнему чуму, а я остался въ хуторѣ. До самой полуночи вѣтеръ шумѣлъ безпрестанно. Потомъ я заснулъ; но скоро меня разбудилъ лай собакъ. Я подошелъ къ окну, но ничего нельзя было видѣть сквозь ледяную кору, покрывавшую стекла. Вѣтеръ испускалъ послѣдніе тяжелые вздохи. Между-тѣмъ, какъ я прислушивался къ этимъ благоговѣйнымъ звукамъ, выходившимъ изъ сердца природы, отворилась дверь въ мою комнату. «Кто тамъ?» «Прекрасный день будетъ, баринъ!» отвѣчалъ ямщикъ. Запрягли оленей, и я продолжалъ путь. Задолго до разсвѣта мы достигли первыхъ чумовъ. Здѣсь я опять нашелъ своего тадиба. Онъ сначала прятался; но когда я уже готовъ былъ къ отъѣзду, онъ подошелъ къ моимъ санямъ и сталъ просить шнапсу. «Водка далеко, а для тебя не стоитъ безпокоиться,» отвѣчалъ я неотвязчивому просителю. «Сдѣлай это не для меня, а для царствія небеснаго; вѣдь въ священномъ писаніи сказано, что кто хочетъ наслѣдовать царствіе небесное, тотъ долженъ безпокоиться на землѣ!» возразилъ плутъ. При отъѣздѣ моемъ отъ чума, солнце уже начинало восходить. Огненныя облака разстилались по большей части небосвода, носясь въ воздухѣ подобно сѣверному сіянію. Предчувствуя непогоду, я хотѣлъ ускорить ѣзду; но на Самоѣдской тундрѣ не всегда легко исполнять свои предположенія. Я полагалъ, что принялъ всѣ мѣры предосторожности, предувѣдомивъ жителей тундры о моемъ прибытіи; но я упустилъ самое главное: взять въ

проводники блюстителя закона — предосторожность, которую всегда доселѣ соблюдали всѣ проѣзжавшіе, и которую впредь вѣроятно и я сочту нужною: Самоѣдовъ я не боюсь; не смотря на ихъ грубость, ихъ можно всегда унять водкою и добрымъ словомъ; но на тундрахъ кочуетъ, кромѣ Самоѣдовъ, большое число Русскихъ Зырянъ, издревле привыкшихъ производить родъ разбойничества въ пустыняхъ. Несправедливостями всякаго рода, отчасти явнымъ грабежемъ, они захватили оленьи стада Самоѣдовъ и мало по малу сдѣлались господами въ землѣ ихъ. Чтобы положить конецъ постыднымъ ихъ притѣсненіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучить Самоѣдовъ къ нѣкоторой гражданственности, Правительство недавно издало Уставъ, который, по моему понятію, идеалъ совершенства. Но само собою разумѣется, что око закона, какъ бы бдительно ни было, не можетъ усмотрѣть всего, что случается въ глуши Самоѣдской пустыни. Притѣсненія продолжаются безпрерывно, рѣже подъ видомъ разбоя, но тѣмъ чаще подъ видомъ обмана. Главный источникъ этаго зла—водка, которую, вопреки строгому запрещенію закона, по-прежнему привозятъ, и вѣроятно привозить до тѣхъ поръ будутъ къ чумамъ Самоѣдскимъ, пока не признается необходимымъ, тамъ и сямъ на тундрахъ (какъ дѣлается уже въ Сомжѣ, Пустозерскѣ, Ижмѣ и пр.), ставить воинскій караулъ — съ правомъ конфисковать водку и другіе товары, Уставомъ запрещенные. Это было бы полезно и вообще для содержанія порядка и благочинія, въ особенности

во время сходокъ Самоѣдскихъ. И на мой счетъ эти люди хотѣли поживиться. Дѣйствуя въ духѣ братскаго согласія, они возили меня не къ жилищамъ Самоѣдовъ, а отъ однаго Русскаго чума къ другому. Я проѣзжалъ пять-шесть верстъ, а прогоны всегда долженъ былъ платить за пятнадцать. Наконецъ я получилъ Самоѣдскаго ямщика. Онъ везъ меня, по показанію всѣхъ Самоѣдовъ, 20-ть верстъ, а потребовалъ прогоны за 30-ть. Когда я слегка протестовалъ противъ этаго, онъ объявилъ, что доволенъ будетъ всякою платою. Смягчившись его уступчивостію, я уже хотѣлъ дать ему, сколько онъ сперва запросилъ. Когда я уже отсчитывалъ ему деньги, вдругъ подошелъ къ моимъ санямъ Русскій съ дикимъ взглядомъ и въ изорванномъ платьѣ. Страшно сверкали бѣлые зубы изъ-подъ черной бороды; глаза блистали злобной радостію. Онъ похожъ былъ на разъяреннаго звѣря, который готовъ напасть на свою добычу, но еще собираетъ силы и присматривается, въ какое мѣсто нанести смертный ударъ. «Ты не хочешь заплатить прогоновъ,» вскричалъ онъ наконецъ съ дикою яростію: «но мы тебя проучимъ! Мы выпряжемъ оленей и оставимъ тебя на тундрѣ. Пошелъ пѣшкомъ, собачій сынъ!» Такимъ образомъ онъ неистовствовалъ долго. «Въ полномъ ли онъ умѣ?» спросилъ я наконецъ у Самоѣда. «Совершенно,» отвѣчалъ Самоѣдъ; «но у него такой буйный нравъ отъ природы.» Тогда гнѣвъ вспыхнулъ и въ моей грѣшной душѣ: я металъ въ разбойника такими молніями слова, что онъ опустилъ

протянутую руку. Записавъ имя его, я уѣхалъ. Черезъ часъ ѣзды я достигъ одинокаго шалаша. Выходя изъ саней, я замѣтилъ, что по тундрѣ ѣхало нѣсколько четверокъ, направлявшихъ путь къ шалашу. Не обративъ на нихъ вниманія, я вошелъ въ чумъ. За мною туда послѣдовало множество Самоѣдовъ, прибывшихъ изъ становища, недавно оставленнаго мною. Они ѣхали жаловаться на того самаго Русскаго, который осыпалъ меня угрозами и ругательствами. Его и многихъ другихъ Русскихъ, кочующихъ на тундрѣ, обвиняли въ покражахъ и насильствахъ всякаго рода. До такой степени эти незваные гости могли раздражить мирныхъ Самоѣдовъ, что на Канинской тундрѣ теперь занимались проектомъ просить высшее начальтсво объ удаленіи Русскихъ промышленниковъ, по крайней мѣрѣ отъ морскаго берега. Эту просьбу полагали утвердить главнѣйше на томъ, что обширныя оленьи стада Русскихъ въ скоромъ времени поѣдятъ весь оленій мохъ на морскихъ берегахъ, отъ чего произойдетъ неминуемо, что Самоѣды вынуждены будутъ вовсе оставить морскую ловлю, которая нынѣ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ ихъ, или же отказаться отъ оленеводства. И это зло совершенно отвращается постановленіемъ, предоставляющимъ каждому издавна-осѣдлому обывателю тундры по шестидесяти десятинъ земли, внѣ предѣловъ которой ему запрещено пасти свои оленьи стада. Когда Самоѣды при этомъ случаѣ открыли мнѣ свой проектъ, я совѣтовалъ имъ предваритель-

но справиться касательно ихъ обширныхъ привиллегій, и потомъ обратиться въ губернскія присутственныя мѣста съ просьбою, чтобы существующее уже постановленіе приводимо было въ дѣйствіе.

Пока я разговаривалъ, стало такъ поздно, что ужъ нельзя было думать объ отъѣздѣ: до слѣдующей станціи оставалось еще шестдесятъ верстъ, и непогода опять разыгралась. Я даже не чувствовалъ охоты оставить своихъ добрыхъ хозяевъ. Я теперь находился у Тиманскихъ Самоѣдовъ; а они, не смотря на свою бѣдность, самые благородные изъ этаго племени. Чтобы охарактеризировать ихъ, надобно сказать кое-что о нравѣ Самоѣдовъ вообще. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, у нихъ много общаго съ Финнами. Они чрезвычайно нерѣшительны, скрытны и смирны, осторожны, упрямы и своенравны, въ предпріятіяхъ своихъ медленны, въ исполненіи настоійчивы. Подобно Лопарямъ, они недовѣрчивы, раздражительны, прихотливы, плутоваты и ненадежны. Оба послѣднія качества преимущественно принадлежатъ Канинскимъ Самоѣдамъ—и потому, по-настоящему, не слѣдовало бы упоминать объ этихъ свойствахъ, когда рѣчь идетъ о народномъ характерѣ Самоѣдовъ вообще. Общая черта ихъ — мрачное воззрѣніе на жизнь и на ея отношенія. Какъ все наружное, такъ и внутренній міръ Самоѣда носитъ цвѣтъ ночи. Если бы въ этомъ внутреннемъ мірѣ страсти горѣли сильнѣе, то Самоѣды безъ сомнѣнія были бы тѣмъ, чѣмъ ихъ почитаютъ — самымъ

дикимъ народомъ на земномъ шарѣ. Но благое Провидѣніе устроило такъ, что они съ совершеннымъ равнодушіемъ могутъ смотрѣть на многія важныя житейскія условія. Разумѣется, жирно поѣсть—это, по философіи Самоѣда, одинъ изъ главныхъ вопросовъ жизни. Но самый отчаянный циникъ едва ли могъ бы смотрѣть на этотъ предметъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ Самоѣдъ. Изъ-за бòльшаго наслажденія — спать, онъ даже часто лишаетъ себя мèньшаго — ѣсть. Для своей лѣни онъ готовъ голодать, жаждать и терпѣть всякаго рода непріятности. Но задѣньте-ка однаго изъ этихъ сыновъ Ледовитаго моря за живое; оскорбите его словами, или возбудите въ немъ только мысль о нанесеніи ему обиды—и вы увидите, что въ душѣ его, хотя и помраченной и охлажденной вліяніемъ полярнаго неба, скрывается градусъ температуры, вѣроятно принятой сю подъ солнцемъ болѣе палящимъ. Объ этомъ можно сказать многое; но такой предметъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ я, изъ разныхъ личныхъ причинъ, покуда говорю неохотно. Для поясненія дѣла я однако жъ приведу разговоръ, недавно бывшій между мною и Самоѣдами Большеземельской тундры. «Ты богатъ оленями, другъ мой! Богатъ ли ты и женами?» спросилъ я Самоѣда. «Теперь у меня двѣ жены; прежде ихъ было у меня три, но третью я отправилъ къ ея отцу;» отвѣчалъ онъ. «Скажи мнѣ, братецъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» продолжалъ я. «Она родила сына, который былъ не мой;» сухо отвѣчалъ Самоѣдъ. «А ты

какъ это узналъ?» — «Она сама въ этомъ призналась повивальной бабкѣ; вѣдь у насъ есть обычай, что мужъ и жена, передъ рожденіемъ дитяти, должны исповѣдывать свои супружескіе грѣхи, если хотятъ, чтобъ были счастливы.» «Знаешь ли ты также обольстителя?» спросилъ я далѣе. «Если бъ я зналъ его, то, ей Богу, копье мое проткнуло бы ему сердце,» вскричалъ разъярившись Самоѣдъ. Скажите, могъ ли бы, или можетъ ли Финнъ когда-нибудь выговорить такое слово? Этотъ мрачный, дикій и по-своему страстный нравъ обнаруживается преимущественно у Самоѣдовъ Канинской тундры. Онъ поддерживается здѣсь благосостояніемъ народа, происходящею отъ того гордостію, и упорною привязанностію къ языческому богослуженію. Совершенно не то на Тиманской тундрѣ. Здѣсь въ 1831—33 годахъ свирѣпствовала язва, отъ которой пало до 20,000 оленей, и которая ввергла обывателей въ нищету. Большая часть самихъ Самоѣдовъ погибла отъ язвы, потому-что они ѣли мясо зараженныхъ оленей своихъ. Послѣ этаго бѣдствія Тиманскіе Самоѣды сдѣлались народомъ мирнымъ и тихонравнымъ, и всѣ обратились къ Христіанскому Богу. Конечно и имъ жизнь представляется мрачною; но дикая страсть укрощена. Сердце ихъ мягко, нравъ кротокъ; печаль живетъ во глубинѣ. Этѣ черты, принадлежащія существенно Финскому племени, здѣсь проявляются особенно у женщинъ, какъ слабѣйшаго, утѣсняемаго пола. Потому пѣсни Самоѣдскихъ женщинъ представляютъ

разительное сходство съ Финскими пѣснями. Если переодѣть ихъ въ траурное платье руническаго размѣра, то ихъ почти можно выдавать за Финскія народныя пѣсни. Вотъ опытъ такаго переложенія съ Самоѣдскаго, впрочемъ въ буквальномъ переводѣ:

Какъ пришлось мнѣ вытти замужъ,
Тяжело я горевала
По кормилицѣ родимой.
Но недолго пожила я
Съ мужемъ. съ миленькимъ дружечкомъ—
И кручину всю забыла.
Прежде думала я, будто
Нѣтъ инаго въ жизни горя,
Какъ съ родимою разстаться.
Но пришло другое горе:
Мужъ, дружечикъ милый, померъ,
Онъ, что̀ средній былъ изъ братьевъ.
И по немъ я больше плачу,
Чѣмъ тужила по родимой.
Не меня одну онъ бросилъ:
Четырехъ ребятъ покинулъ!
О, когда мы позабудемъ
По утраченномъ кручину!
А теперь живу я вотъ какъ:
Половину злой печали
Томной пѣсныю запѣваю,
А другую половину
Я заплакиваю плачемъ...
Ужъ не встать изъ гроба мужу,
Не видать его мнѣ болѣ,
Не видать уже вовѣки!

Въ числѣ общихъ Самоѣдамъ качествъ долженъ я еще упомянуть о готовности ихъ помогать бѣднымъ. Эта добродѣтель миритъ меня со многими дурными ихъ сторонами. По моему чувству очень простительно, что дикій народъ, принужденный бороться съ нуждою, не имѣющій понятія о томъ, что справедливо и что несправедливо, о добрѣ и злѣ, о будущей жизни и судѣ послѣ смерти, что такой народъ насильствомъ, хитростью и обманомъ старается завладѣть имуществомъ своихъ непріятелей, когда съ другой стороны эти же дикари готовы съ своими собратьями дѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба. Услужливость Самоѣдовъ обнаруживается между-прочимъ въ томъ, что они, какъ и Лопари, берутъ къ себѣ и призираютъ бѣдныхъ родственниковъ. На той станціи, гдѣ я теперь остановился, увидѣлъ я дѣвушку. «Что, это твоя дочь?» спросилъ я хозяйку во время разговора. «Нѣтъ, не дочь; Богъ не далъ мнѣ дѣтей; это круглая сирота, которая умерла бы съ голоду и холоду, если бъ мы не взяли ея къ себѣ, не одѣвали и не кормили ея. Она намъ дальняя родственница; мы ее содержимъ изъ жалости.» Дѣвушка опустила глаза и начала мѣшать что-то въ горшкѣ. Замѣтивъ, что чувство ея оскорблено жесткими словами хозяйки, немного выпившей, я сказалъ въ защиту дѣвушки: «Если ты помогла сиротѣ въ ея дѣтствѣ, такъ она за то теперь пособляетъ тебѣ на старости твоей.» «Ужъ нечего сказать, она бѣдная не жалѣетъ себя, готова изъ силъ выбиться, и мнѣ плохо придетъ, когда

она выйдетъ замужъ и сдѣлается сама хозяйкою.» При этихъ словахъ братъ хозяина бросилъ самый умильный взоръ на дѣвушку; но она все смотрѣла внизъ, и пестикъ опять началъ двигаться въ горшкѣ. Вскорѣ послѣ того женихъ вышелъ караулить оленей, а мы всѣ запрятались подъ овчинный мѣхъ. Но когда огонь погасъ на очагѣ, я слышалъ, какъ дѣвушка украдкой вышла изъ дверей, чтобы вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ пробыть всю ночь на стражѣ въ самую ужасную непогоду.

Рано утромъ хозяинъ разбудилъ меня, съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что непогода стихла, и что мы безопасно можемъ отправиться въ путь, прибавивъ однако жъ съ нѣкоторою важностію: «если непогода застигнетъ насъ на тундрѣ, то это воля Божія, и мы въ томъ не виноваты.» Мы немедля отправились. Хозяинъ самъ и его братъ вызвались проводить меня, потому-что съ дороги легко было сбиться въ такое опасное время года. Дорога моя вела, какъ я ужъ сказалъ, вдоль по Ческой Губѣ, такъ-что я ѣхалъ то по Ледовитому морю, то по материку. Это составляло значительный кругъ въ отношеніи къ моей цѣли — г. Пустозерску. Но ѣхать прямо чрезъ Чайшинскую гору было бы и опасно и безполезно для моей ученой цѣли, такъ-какъ тамъ не живетъ вовсе Самоѣдовъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, замѣтили мы признаки приближающейся грозы. Скоро ямщики остановились и стали между собою совѣщаться. Они долго разговаривали, трясли подозрительно головою и опять поѣхали. Какъ я послѣ

узналъ, они хотѣли предложить мнѣ возвратиться въ чумъ, но раздумали. Метель увеличивалась—и въ полдень уже была такъ сильна, что едва можно было оленей видѣть передъ санями. Спросивъ проводниковъ своихъ, сколько мы уже проѣхали, получилъ я въ отвѣтъ: «мы мѣста не знаемъ и ничего не видимъ.» Этотъ отвѣтъ повторялся каждый разъ, когда ямщики приходили сгребать сугробы снѣгу, которыми метель заносила меня. Они при этомъ почувствовали, что *малица* моя промокла отъ снѣгу, и одинъ изъ ямщиковъ былъ такъ человѣколюбивъ, что предложилъ мнѣ свой *саукъ*—платье, соотвѣтствующее такъ называемому *пѣски* у Лопарей и надѣваемое сверху малицы. Къ-несчастію я ростомъ побольше обыкновенной Лапландской и Самоѣдской мѣры. Это, въ отношеніи къ оленьимъ санямъ и къ платью, много разъ приводило меня въ затрудненіе. И теперь я долженъ былъ по той же причинѣ отвергнуть выгодное предложеніе Самоѣда—и, терпѣливо покоряясь жестокой необходимости, мало по малу промокнуть до костей. Мы продолжали путь шагомъ — то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; искали горы Чайшинъ, но не нашли ея, хотя тогда вѣроятно были очень близко отъ ея подошвы. Другой ямщикъ ѣхалъ нѣсколько впереди въ легкихъ саняхъ своихъ; испытывалъ мѣстность, сколько было возможно; особенно присматривался, гдѣ намъ удобнѣе пробраться съ тяжелыми санями. Наконецъ мы достигли рѣки, хорошо извѣстной ямщикамъ. Ѣхавшій впереди ска-

тился съ своимъ оленемъ на рѣку для отысканія мѣста, гдѣ бы намъ удобнѣе было спуститься на нее. Во время этаго поиска онъ потерялъ насъ. Другой ямщикъ поѣхалъ искать своего товарища—и я сидѣлъ два битыхъ часа на тундрѣ, не зная, куда дѣвались ямщики. Только по пріѣздѣ къ чуму я узналъ все, что теперь расказалъ. Сначала я даже не зналъ, что мои проводники исчезли. Убѣдившись въ томъ, я думать, что они убѣжали изъ трусости. Не стану описывать внутренняго моего чувства. Къ довершенію всего, платье мое, въ теченіе дня, совершенно промокло. Когда морозъ къ-ночи усилился, меня сталъ пронимать нестерпимый холодъ. Я думалъ, что послѣдній часъ мой насталъ—и уже готовился къ переѣзду на другія поля. Между-тѣмъ ямщики возвратились. Мы счастливо перебрались черезъ рѣку, еще разъ заблудились—и потомъ, по словамъ ямщиковъ, пять разъ пріѣзжали опять къ той же рѣкѣ. Когда мы наконецъ въ шестой разъ отъѣхали нѣсколько верстъ, наши олени сами начали направляться налѣво, тогда-какъ ямщики, напротивъ, хотѣли держаться правой стовоны. Разумѣется, что за такое упрямство оленямъ частехонько приходилось получать толчки шестомъ; но, не смотря на то, они безпрерывно тянули въ свою сторону. Наконецъ надобно было уступить имъ — и мы въ скоромъ времени достигли деревни изъ семи чумовъ. Лай собакъ еще до пріѣзда нашего вызвалъ Самоѣдовъ изъ ихъ шалашей. Прежде, нежели проводники наши вступили въ разговоръ съ ними, старшій ямщикъ подошелъ

ко мнѣ, упалъ на колѣна у моихъ саней—и въ избыткѣ радости благодарилъ Бога: «Онъ, а не я спасъ тебя въ эту ночь,» такъ кончилъ ямщикъ.

Почти все остальное время ночи въ чумахъ нашихъ занимались разговорами о приключеніяхъ, изъ коихъ я расказалъ только меньшую часть. Они обратили на себя такое вниманіе, что никто не хотѣлъ итти смотрѣть за оленями. Утромъ оказалось, что волки сдѣлали значительное опустошеніе въ стадахъ. Я намѣревался-было остаться въ деревнѣ цѣлый день; но извѣстные винопродавцы такъ усердно заботились о моемъ отъѣздѣ, что я почти противъ воли былъ вынужденъ на слѣдующее утро опять пуститься въ дорогу. Вѣтеръ немного поунялся, и лежавшую передо мною дорогу легко было узнать. Я находился теперь при устьѣ рѣки Индиги, за нѣсколько верстъ къ югу отъ Святаго Носа. Мнѣ надобно было ѣхать вдоль этой рѣки до Русскаго двора, который верстъ 40—50 выше. Тамъ я хотѣлъ пробыть нѣсколько времени, и для того на послѣднемъ ночлегѣ нанялъ себѣ Самоѣда въ учители. Какъ въ прошедшіе дни, такъ и теперь непогода все усиливалась къ вечеру, и наконецъ достигла такой степени, что при противномъ вѣтрѣ нельзя было ни дышать, ни держать глаза открытыми. Въ ушахъ безпрестанно раздавался шумъ, который никакъ не давалъ собраться съ мыслями. Днемъ мокрый снѣгъ не оставлялъ на мнѣ сухой нитки; ночью было холодно. Измерзши, прибылъ я послѣ полуночи къ Русскому двору. Мои силы были такъ

истощены отъ трудностей дороги, что я едва державался на ногахъ. Я былъ почти совершенно безъ памяти, и глаза до того ослабѣли отъ вѣтра, что я безпрестанно стукался лбомъ объ стѣну. Шумъ вѣтра цѣлые сутки не выходилъ у меня изъ ушей. Впрочемъ дѣло обошлось безъ особенно-непріятныхъ послѣдствій.

Пробывъ десять дней въ селеніи Индигѣ, я опять отправился далѣе. Изъ семи чумовъ прислали мнѣ двадцать оленей, трехъ ямщиковъ и маленькій шалашъ, для поставки на пустомъ мѣстѣ, въ случаѣ непогоды на большомъ разстояніи въ восемдесятъ верстъ, какое оставалось мнѣ до деревни Сулы. Я выѣхалъ въ прекрасное Февральское утро. Солнце только-что выходило изъ своего шалаша, печально озирая пустынное поле. Хозяинъ саней, въ которыхъ я сидѣлъ, подробно знакомилъ меня съ мѣстностію. Я узналъ между-прочимъ, что Тиманская тундра изубилуетъ рѣками и озерами. Рѣки берутъ свое начало изъ Чайшинской горы. Но такъ-какъ земля здѣсь ровная и ничто не препятствуетъ ихъ теченію, то онѣ не сливаются въ большія массы воды, и каждая сама по себѣ вливается въ море. Изъ озеръ только одно значительное. Его называютъ *Уріеръ* по пресловутому въ старинныхъ Самоѣдскихъ пѣсняхъ тадибу, который вмѣстѣ съ своими оленями вознесся на небо съ высокой вершины Урала. Самый Уралъ будто бы названъ по немъ. Это преданіе явно заимствовано Самоѣдами изъ библейскаго расказа о пророкѣ Иліи.

*

Вообще стòитъ замѣчанія, что Самоѣды, по-видимому, заняли многое у древнихъ Евреевъ. Сюда относится между-прочимъ законъ, предписывающій брату жениться на вдовѣ брата. Въ филологическомъ отношеніи болѣе всего поразило меня, что у Самоѣдовъ встрѣчаются разныя чисто-Еврейскія имена, изъ которыхъ нѣкоторыя неупотребительны у Русскихъ, на прим., имена: *Абле* (Авель), *Лотъ* (Лоѳъ), *Малкей* (Маланій), *Іонъ* (Іона). Сверхъ того многія имена у Самоѣдовъ, подобно Еврейскимъ, имѣютъ значеніе, взятое отъ разныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Такъ, по собственному толкованію Самоѣдовъ, имя *Ваамуй* значитъ: онъ родился при изгородѣ, *Бійсуй*—онъ долго не могъ ходить, *Хуни*—онъ родился отъ бѣглаго, *Аарумбаэй*—шибко росъ, и т. п. Все это заставляетъ предполагать, что Самоѣды нѣкогда были въ сношеніяхъ съ исповѣдниками Исламисма; съ самыми же Іудеями они едва ли когда-нибудь состояли въ непосредственномъ соприкосновеніи.

Между-тѣмъ, какъ я разговаривалъ съ ямщиками, встрѣтились мы съ толпою Самоѣдовъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя мое вниманіе необыкновенною одеждою, страннымъ видомъ и пріемами. Самоѣдъ этотъ былъ въ малицѣ, покрытой свѣтлосинимъ сукномъ, и украшенной пушистымъ подоломъ изъ собачьяго мѣха. Его пестрые сапоги были завязаны повыше икоръ красными лентами съ кисточками, которыя спускались довольно низко. На самой маковкѣ была у него надѣта на-бекрень ост-

[illegible] изъ [illegible] міра. Во время раз-говора съ этими [illegible], Самуилъ [illegible] на-задъ. Лѣвая рука неподвижно лежала при бедрѣ, правая была протянута, указательный палецъ дѣ-лалъ [illegible] и черточки. Одинъ глазъ былъ за-крытъ, а другимъ Самуилъ тѣмъ пристальнѣе смо-трѣлъ на свой предметъ. Его губы были чрезвы-чайно тонки и почти не шевелились, когда онъ го-ворилъ. Лобъ былъ низокъ, темя остроконечно. Эта странная физіономія принадлежала Самуилу-аристо-крату. Ты [illegible] не [illegible], что бога-тый Самуилъ, въ собственныхъ глазахъ, гораздо зна-чительнѣе многихъ владѣтельныхъ князей, и [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] въ большомъ [illegible], нежели многіе изъ сильныхъ міра. Была у него къ тому еще [illegible] должность — и [illegible] [illegible] [illegible]. Мой Самуилъ, избранный сво-ими [illegible] въ [illegible] старшины [illegible] [illegible], считалъ себя выше всѣхъ прочихъ аристо-кратовъ своего [illegible] — и онъ умѣлъ вести себя соотвѣтственно той [illegible], которую внуша-ли ему богатство и важность его сана. Онъ совер-шенно владѣлъ самимъ собою. У него каждое слово, каждое движеніе были обдуманы и разсчитаны. Его обращеніе со мною было совершенно иное, нежели съ [illegible] [illegible]. Не то, чтобы онъ считалъ ме-ня равнымъ себѣ, но со мною онъ все-таки обходил-ся съ большимъ достоинствомъ. Онъ великодушно [illegible] мнѣ, по прибытіи къ его двору, выбрать, сколько слугъ мнѣ угодно, и при всемъ томъ онъ

не просилъ водки, не требовалъ лишнихъ прогоновъ. Мы разстались, ѣхали нѣсколько часовъ и прибыли въ чумъ Самоѣда. Перемѣнивъ оленей, мы продолжали путь, оставивъ однаго ямщика и нашъ шалашъ, который казался намъ лишнимъ, потому-что Самоѣдъ-аристократъ показалъ намъ лагерь въ 20-ти верстахъ отъ его чума. Мы пріѣхали къ указанному мѣсту, но не нашли тамъ ни чумовъ, ни оленьихъ слѣдовъ. Между-тѣмъ поднялась непогода, была ночь, и до Сулы оставалось еще верстъ 30-ть. Неосмотрительно оставивъ за собою шалашъ, мы теперь вынуждены были ѣхать ночью, чтобы скорѣе добраться до деревни. Но едва прошелъ часъ времени, какъ мы нечаянно наткнулись на лагерь. Здѣсь были Большеземельскіе Самоѣды, изъ коихъ ни одинъ не зналъ по-Русски. При помощи толмача моего и собственныхъ, хотя незначительныхъ знаній въ Самоѣдскоаъ языкѣ, я разговаривалъ съ этими добрыми людьми до самаго разсвѣта. Нѣсколько разъ я хотѣлъ-было уѣхать, но Самоѣды неотступно просили меня остаться и разговаривать съ ними. Хозяйка подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца. Я щедро вознаградилъ ее за рыбу; но ничто, кромѣ кольца, не могло удовлетворить Самоѣдки — и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума. На разсвѣтѣ я опять пустился въ путь, и скоро достигъ деревни Сулы, богатой Чудскими древностями. Въ слѣдующій день свезли меня на парѣ въ Пустозерскъ. Эта деревня несомнѣнно одна изъ са-

мыхъ пустынныхъ на земномъ шарѣ. Самый Абдорскъ, въ сравненіи съ Пустозерскомъ, говорятъ, эдемъ. Въ обширнѣйшемъ смыслѣ подъ Пустозерскомъ разумѣютъ 18-ть деревень, изъ коихъ иныя, на прим., Сула, представляютъ очень удобныя жилища. Но по-настоящему *Пузтозерскъ* означаетъ село, лежащее при озерѣ Пустозерскѣ, и называемое также *городкомъ* отъ бывшаго тутъ въ старину острога, построеннаго для защиты отъ частыхъ нападеній Самоѣдовъ. Эта и другія деревни, лежащія по низовью рѣки Печоры, окружены такою природою, которая бѣднѣе самой бѣдной степи Финляндской. Нигдѣ не видать ни деревьевъ, ни высотъ, ни скалъ, однимъ словомъ, ничего, кромѣ безпредѣльной снѣжной равнины. Въ продолженіе семи недѣль, здѣсь мною проведенныхъ, почти каждый день была буря, иногда такая сильная, что жители не могли доставать у береговъ воды для питья. Сугробы возвышались до самыхъ кровельныхъ стропилъ. Чтобы жителямъ не быть заживо погребенными, надобно было кругомъ домовъ прокапывать дорожки. Правда, что такой зимы, какъ нынѣшняя, никто не запомнитъ; но все-таки Пустозерскъ остается мѣстомъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Хоть я и безчеловѣчно поступлю, а надобно теперь оставить тебя въ этой пустынѣ; самъ же спѣшу насладиться жизнію въ краяхъ, болѣе свѣтлыхъ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

I.

ЛИЧНЫЯ СВОЙСТВА ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Лжедимитрій былъ одаренъ отъ природы таки-ми душевными способностями, какія замѣчаются только въ людяхъ, совершающихъ великіе подвиги. Но къ-несчастію, этѣ способности, неосвященныя религіею, неразвитыя воспитаніемъ, неруководимыя нравственностію, родили въ немъ мысль сумасброд-ную, подвигнули его на дѣло тяжко-преступное. Умъ живой, любознательный, наблюдательный, вѣ-тренный и заносчивый — въ головѣ монаха, осторож-ный и непреклонный — въ лицѣ самозванца; воля твердая, рѣшительная, необузданная, дерзко-отваж-ная; воображеніе пламенное, честолюбіе ненасыти-мое — вотъ какія способности выказалъ самозва-нецъ до овладѣнія Московскимъ престоломъ! Онъ имѣлъ притомъ даръ слова убѣдительный, голосъ пріятный, наружность привлекательную, и, по слу-чайной игрѣ природы, носилъ на тѣлѣ нѣкоторые одинакіе съ Царевичемъ признаки, именно: у Царе-вича, какъ и у него, были бородавки на лицѣ и одна рука короче другой. Отрепьевъ хорошо читалъ, чисто писалъ, сочинялъ каноны Святымъ лучше ста-

рыхъ грамотѣевъ; однимъ словомъ, отлично владѣлъ книжнымъ искуствомъ, за что и былъ въ большой милости у Патріарха. Живя при его дворѣ, онъ слѣдилъ за политическими дѣлами: узналъ обстоятельства смерти Царевича, любовь народа къ его имени и ненависть къ Борису. Тутъ же родилась въ немъ мысль свергнуть Царя сильнаго, располагающаго обширнѣйшимъ въ мірѣ государствомъ; овладѣть престоломъ, котораго величіе повергало его во прахъ. Но онъ не умѣлъ скрывать своихъ затѣй; съ простодушною откровенностію расказывалъ объ нихъ Чудовскимъ монахамъ, какъ будто шла рѣчь о дѣлѣ обыкновенномъ, позволительномъ, сбыточномъ—за что былъ приговоренъ Соборомъ духовенства къ ссылкѣ въ Соловецкую пустыню, гдѣ, въ душной темницѣ, должна была кончиться жизнь чернокнижника, звѣздочета, виновнаго въ дѣлахъ скверныхъ, въ призываніи духовъ нечистыхъ, въ отреченіи отъ Бога. Подумаешь, что, послѣ такаго страшнаго суда, грѣшный діаконъ укроется въ какой-нибудь отдаленной глухой пустынѣ, и тамъ, въ теплой молитвѣ, въ душевномъ раскаяніи, примирится съ Богомъ и людьми. Но Отрепьевъ не для этаго бѣжалъ изъ Москвы. Съ пустыми руками, съ душею, преисполненною преступныхъ намѣреній, пробирался онъ въ Польшу, прислушивался къ говору Русскаго народа—и, находя его для себя благопріятнымъ, еще въ предѣлахъ Россіи назвался Димитріемъ. Ловко открылся онъ въ своихъ видахъ Князю Адаму Вишневецкому; обаялъ Іезуитовъ своими обѣщаніями и

податливостію; искусно разыгралъ роль несчастнаго Царевича передъ Королемъ Польскимъ. Начавъ дѣло съ ничтожными средствами, Самозванецъ, соблазнительными грамотами, вдругъ привлекъ на свою сторону цѣлыя области. Сходясь съ несмѣтными силами Царскими, онъ восторженнымъ словомъ одушевлялъ свою дружину, летѣвшую за-тѣмъ въ битву, какъ на пиръ разгульный. Съ жадностію слушалъ онъ расказы плѣнника Хрущева о расположеніи умовъ въ Россіи, о намѣреніяхъ Бориса—и, когда, по-видимому, еще все крѣпко стояло за послѣдняго, его воображенію казалось, что престолъ Царя уже колеблется. Послѣ Добруньскаго пораженія, когда Борисъ пѣлъ благодарственные молебны, а Король Польскій, видя худой оборотъ дѣлъ, оставилъ самозванца, не хотѣвъ даже принять его посла Князя Телятевскаго; когда у Отрепьева не было ни войска, ни денегъ, ни провіанта, ни оружія — умѣвъ связать съ собою участь людей, ему передавшихся, и поддержанный ими въ отчаянномъ положеніи, онъ ободрился снова, ревностно принялся за дѣло—и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ поправилъ свои обстоятельства, не потерявъ ни одпаго изъ покорившихся ему городовъ. И кто знаетъ, доколѣ длилось бы междоусобіе, если бы вдругъ не скончался Борисъ? Когда войско покорилось самозванцу, онъ, слѣдуя къ Москвѣ и вездѣ встрѣчая одну преданность, не вѣрилъ однако жъ своему успѣху — и, окруженный двухтысячною Польскою дружиною, на каждомъ ночлегѣ останавливался за пять, или за шесть верстъ

отъ главнаго стана — и всегда около квартиры сто Поляковъ содержали почной караулъ. Предъ вступленіемъ въ Москву самозванецъ оставался нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ, чтобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ все еще не довѣрялъ. Принятый столицею со всѣми знаками вѣрноподданничества, торжественно шествуя по улицамъ, самозванецъ не забылся въ упоеніи радости, разославъ лазутчиковъ, которые донесли ему о толкахъ Московскихъ жителей, узнавшихъ въ немъ дьякона Отрепьева. Совершенно другимъ человѣкомъ является самозванецъ на престолѣ!

II.

СРЕДСТВА, УПОТРЕБЛЕННЫЯ ЛЖЕДИМИТРІЕМЪ ДЛЯ ОВЛАДѢНІЯ МОСКОВСКИМЪ ПРЕСТОЛОМЪ.

А. *Его личныя познанія.* Ничто не возвышаетъ такъ человѣка, какъ его познанія — нравственная сила, посредствомъ которой онъ господствуетъ надъ подобными себѣ и вещественною природою. Эта истина, сознаваемая во всѣ времена, иногда темно, иногда ясно, вела всегда къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Счастливъ тотъ народъ, коего Государь знаетъ искуство правленія. Славенъ тотъ Государь, коего народъ наслаждается плодами просвѣщенія. Наши Цари и ихъ Наслѣдники всегда получали от-

личное по духу времени воспитаніе и, обожаемые народомъ какъ посланники Неба, въ то же время надъ нимъ господствовали нравственнымъ своимъ могуществомъ. Эту тайну правленія разгадалъ Отрепьевъ—и, хотя былъ уже отличнымъ грамотѣемъ, но готовясь къ высокому званію и уйдя въ Польшу, покинулъ тамъ своихъ товарищей, перешелъ въ городъ Гащу, гдѣ присталъ къ анабаптистамъ. Здѣсь, впервые сбросивъ съ себя монашескую рясу, онъ ходилъ въ школу, прилежно занимался науками, затвердилъ довольно хорошо Исторію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ; учился и Латыни, но она не далась ему. Образованіе самозванца, скрывшее въ немъ бѣднаго Галицкаго жителя, должно было могущественно дѣйствовать на окружавшихъ его. Сидя на престолѣ, онъ ослѣплялъ дворъ и Польскихъ пословъ своими историческими познаніями, своимъ искуствомъ скоро и удачно рѣшить дѣла.

В. *Его наѣздничество.* Самозванецъ, зная, что Борисъ добровольно не отдастъ ему престола, хотя, какъ увѣряютъ, онъ и писалъ къ нему о томъ, счелъ необходимымъ изучить военное ремесло, чтобы умѣть водить войско къ бою, ободрять его своимъ присутствіемъ, вездѣ первому быть на сценѣ, и своею личною храбростію поддерживать привязанность къ себѣ покорившихся жителей. Вотъ почему Самозванецъ, по веснѣ 1603 года, отправился къ Запорожцамъ и разбойничалъ съ ними въ шайкѣ старшины Герасима Евангелика. Тутъ воинственныя его способности развились такъ скоро, что онъ мастерски владѣлъ

оружіемъ и сдѣлался удалымъ наѣздникомъ. Дѣйствуй самозванецъ изъ-за чужихъ плечь, не предводительствуй войскомъ, не являйся самолично въ рѣшительныхъ случаяхъ — онъ вѣроятно ничего не сдѣлалъ бы. Въ сраженіи подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, самозванецъ, начальствуя 15,000, справился съ 40,000 войскомъ Бориса; въ дѣлѣ Добруньскомъ у него было только 23,000, а войско Царское состояло изъ 70,000.

C. *Польша и Іезуиты.* Для успѣха въ его предпріятіи, самозванцу необходимо было политическое признаніе его званія, безъ чего онъ могъ бы грабить цѣлыя области, но не добывать престола. Естественно, что внутри Россіи онъ не могъ получить такаго признанія; слѣдовательно, долженъ былъ искать его у другихъ правительствъ. Его надежды могли обратиться на одно изъ трехъ государствъ: Ханство Крымское, Швецію, или Польшу, попеременно враждовавшихъ съ нами. Проницательный умъ Отрепьева избралъ Польшу: онъ понялъ, что Крымскіе Татары, по своему грубому состоянію, способны только къ набѣгамъ; что со Швеціею у насъ была вражда только политическая; что, напротивъ, съ первою державою у насъ была вражда кровная, историческая, религіозная; что Сигизмундъ III еще живо помнилъ отказъ Бориса—признать его наслѣдственнымъ Королемъ Шведскимъ, и боялся его видовъ на Ливонію. Но было бы очень пошло явиться прямо ко двору Сигизмунда и объявить себя Русскимъ Царевичемъ: кончилось бы тѣмъ, что враля вытолкали

бы какъ сумасшедшаго. Отрепьевъ ловко нашелся: вступивъ въ услуженіе къ знатному вельможѣ Князю Адаму Вишневецкому, онъ притворился опасно больнымъ — и, намекнувъ духовнику о своемъ таинственномъ происхожденіи, умѣлъ заставить хозяина признать себя Царевичемъ. Но старый вельможа, понянчившись нѣкоторое время съ импровизированнымъ Царевичемъ, вѣрно бросилъ бы его. Предугадывая это, Отрепьевъ поспѣшилъ влюбиться въ дочь его родственника Юрія Мнишка, юную, прелестную Марину, рожденіемъ назначенную украшать дворъ королевскій и гостиныя вельможъ — вознесенную судьбою на высоту Царскаго величія, и низверженную оттуда въ бездну порока. За взаимностію дѣла не стало: предложеніе Отрепьева, уже признаннаго Сигизмундомъ, приняли съ восторгомъ, но отложили свадьбу до утвержденія его на Московскомъ престолѣ. Скрѣпили дѣло записями, которыми самозванецъ обязывался заплатить тестю 1,000,000 злотыхъ, уступить ему княжество Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго княжества и шесть городовъ изъ Сѣверскаго—Польшѣ, отдать будущей супругѣ своей государства Новгородское и Псковское съ правомъ вводить въ нихъ Римскую вѣру. Но болѣе Мнишка интересовались самозванцемъ Іезуиты, которые, водворивъ унію въ Малороссіи, надѣялись подчинить и Русскую церковь власти Папы. Давъ имъ обязательство ввести въ Россіи Римскую вѣру и ихъ орденъ, отказавшись потомъ отъ православія въ пользу

католицизма, самозванецъ пріобрѣлъ въ нихъ вѣрнаго ходатая передъ Польскимъ Королемъ. Сигизмундъ призналъ его Царевичемъ, назначилъ ему ежегодно по 40,000 злотыхъ, дозволилъ сноситься съ панами и получать отъ нихъ *все вспоможеніе и заступленіе*. Іезуиты вѣроятно возбуждали шляхту, а Мнишекъ сзывалъ ее подъ знамена самозванца. Но главнѣйшія его надежды основывались на сподвижникахъ, коихъ ожидалъ онъ найти въ предѣлахъ самой Россіи.

D. *Характеръ населенія Русской Украйны.* Вступи самозванецъ въ предѣлы Россіи съ такой стороны, гдѣ господствовалъ благоустроенный порядокъ— онъ непремѣнно былъ бы пойманъ и выданъ правительству. Для него было чрезвычайно важно на первомъ шагу возбудить сочувствіе къ его предпріятію, безъ чего всякій успѣхъ былъ бы сомнителенъ. Въ этомъ отношеніи лучшею для него страною представлялась вообще Украйна и преимущественно область Сѣверская. Степи Украинскія издавна служили убѣжищемъ для бѣглецовъ Русскихъ, Литовскивъ, Польскихъ, для выходцевъ южно-Славянскихъ, Татарскихъ и другихъ, которые, избѣгая преслѣдованія закона въ отечествѣ, или увлекаясь необузданною вольностію, поселялись здѣсь, вели разгульную жизнь, составляли цѣлыя скопища разбойниковъ. Такъ произошли общества казаковъ Запорожскихъ и Донскихъ. Отъ такихъ людей, усмиренныхъ властію правительства, можно было ожидать воинственныхъ защитниковъ Русскихъ границъ отъ Польши и Татаръ. Царь Іоаннъ Васильевичь,

понимая это, предписывалъ воеводамъ не тревожить тѣхъ людей, кои будутъ укрываться въ Украинскихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго имъ наказанія. Борисъ Ѳеодоровичъ слѣдовалъ тому же правилу—и, наполненная отважными злодѣями Украйна, сдѣлалась вертепомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что туда ушли сообщники разбойчей шайки Хлопки, столь извѣстной своими грабежами. Напрасно Царь приказывалъ воеводамъ сыскивать и вѣшать новыхъ бѣглецовъ: укрываемые подобными имъ негодяями, они спасались отъ казни. Область Сѣверская, хотя представляла населеніе болѣе благоустроенное, но, находившись долго подъ владычествомъ Литвы, напиталась ея духомъ, враждебнымъ для Россіи. Мятежная Украйна единодушно отозвалась на призывъ самозванца, такъ, что въ самое короткое время южная полоса Россіи, на протяженіи 600 верстъ, отъ запада къ востоку, отложилась отъ правительства: одни вѣрили въ чудесное спасеніе Царевича, другіе думали о грабежѣ—всѣ ненавидѣли Бориса. Располагая столь обширнымъ пространствомъ, самозванецъ уже имѣлъ на чемъ опереться въ своихъ дѣйствіяхъ; могъ смѣло вступить въ бой съ войсками Царскими и, послѣ Добруньскаго пораженія, найти спасеніе въ усердіи Украинцевъ.

Е. *Искусное сохраненіе самозванцемъ его роли.* Отрепьевъ, принявъ имя Димитрія, долженъ былъ казаться Царевичемъ несчастнымъ, преслѣдуемымъ лютою судьбою, безнадежнымъ въ своихъ правахъ, любящимъ свой народъ, напоминающимъ ему госу-

дарственныя добродѣтели мнимыхъ своихъ предковъ. На вымышленно-смертельномъ одрѣ намекаетъ онъ духовнику на тайну своего происхожденія, которую позволяетъ ему узнать не иначе, какъ послѣ своей смерти. Только послѣ настоятельныхъ убѣжденій магната онъ сознается ему въ своемъ званіи. Будто радостно взволнованный признаніемъ его достоинства со стороны Сигизмунда, самозванецъ не находитъ словъ для выраженія ему своей признательности: его языкъ замираетъ; онъ хранитъ законность въ своихъ дѣйствіяхъ, запрещая дружинамъ своимъ грабить мирныхъ гражданъ, принимая титулъ Царя не иначе, какъ по предложенію войска, представлявшаго Россію. Глубоко жалѣетъ онъ о мнимомъ заблужденіи народа; обѣщаетъ ему великія милости за покорность безъ кровопролитія; нѣжно упрекаетъ вельможъ за ихъ преданность Борису. Важно, величаво сидѣлъ Лжедимитрій на тронѣ, когда Голицынъ, сопровождаемый множествомъ сановниковъ и дворянъ, смиренно явился къ нему въ Путивль съ повинною отъ войска. Не силою оружія ворвался онъ въ столицу, а своими грамотами подготовилъ ее къ тому, что она торжественно призвала его какъ законнаго Государя. Сверженный съ престола, онъ подъ ножами убійцъ не переставалъ увѣрять народъ въ своемъ Царственномъ происхожденіи. На театральной сценѣ не было ни однаго трагика, который бы, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, такъ отчетливо выдержалъ великій характеръ, какъ разстрига, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вы-

держалъ свою роль. Однимъ словомъ, первое самозванство является правильнымъ, систематическимъ, со всѣми притязаніями на законность, противъ которыхъ трудно устоять и людямъ благомыслящимъ, но плохо знавшимъ обстоятельства смерти Царевича.

F. *Подметныя письма.* Но сцена, на которой самозванецъ разыгрывалъ свою роль, была такъ необъятна, что его голосъ исчезъ бы въ пустотѣ, и у самыхъ жадныхъ слушателей не хватило бы терпѣнія выслушать даже первое дѣйствіе; а на другой день они, какъ водится, забыли бы то, что видѣли вчера. Для произведенія эффекта сильнаго, для возбужденія энтузіазма неугомоннаго, непрерывнаго требовалось, чтобы въ разныхъ и отдаленнѣйшихъ углахъ залы сотни тысячь голосовъ громко повторяли слова Лжедимитрія. Вотъ почему еще изъ Самбора пустилъ онъ въ ходъ подметныя письма, которыя его клевреты подкидывали въ городахъ, селахъ, на дорогахъ, въ самой Москвѣ. Въ нихъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, соблазнительно расказывая исторію своего чудеснаго спасенія, онъ призывалъ народъ къ возстанію противъ Бориса. Письма эти, поддержанныя поведеніемъ самозванца, ненавистью народа къ Борису, и его любовью къ древнему Царскому племени, произвели дѣйствіе неописанное, взволновавъ всю Украйну, всю Россію. Москвитяне, выслушавъ ихъ на лобномъ мѣстѣ, прямо оттуда ринулись въ Царскія палаты и низвели съ престола Θеодора Борисовича.

Было еще одно средство, не зависѣвшее отъ

самозванца, обратившееся въ его пользу, существующее и теперь въ несравненно-большемъ размѣрѣ, но постоянно, всегда и вездѣ дѣйствующее ко благу Русскаго Царства—это обширность Россіи. Могъ Карлъ XII вдоль и поперегъ исходить Польшу, гоняясь за Августомъ; могъ Наполеонъ крушить западно-Европейскія государства: но ни тотъ, ни другой не могли покорить Россію. Шведъ проигралъ дѣло подъ Полтавою; Французъ похоронилъ свою славу подъ развалинами Москвы — а почему? потому, что завоевать одну Русскую область тоже, что покорить цѣлое Европейское государство; потому, что Русская грудь, крѣпкая вѣрою въ Бога, любовью къ Царю и отечеству, *раздастся, но не поддастся.* Явись Лжедимитрій въ маленькомъ государствѣ, гдѣ бы всѣ его знали, или по крайней мѣрѣ имѣли вѣрное представленіе о чертахъ его лица, объ его буйной головѣ, образѣ жизни и происхожденіи—онъ конечно былъ бы принятъ за супостата. Но всего этаго не могли знать жители обширной Россіи о бѣдномъ Галицкомъ уроженцѣ, о Чудовскомъ монахѣ. Съ другой стороны, по той же причинѣ, они имѣли самое темное, сбивчивое понятіе о смерти Царевича: можетъ быть, правительство обнародовало Углицкій розыскъ, но ему не вѣрили; да и грамотныхъ людей, могущихъ читать казенныя бумаги, было тогда немного—даже не всѣ бояре умѣли тогда читать и писать. На безызвѣстности разстриги, можетъ быть, больше, нежели на другихъ средствахъ, основывался его успѣхъ. Народъ, окончательно у-

бѣдившись въ его самозванствѣ, свергнулъ его съ престола, жестоко отплатилъ ему за гнусный обманъ, и толпами устремился къ могилѣ Царевича, лежавшаго въ славѣ Праведника: пѣлъ ему молебны, славилъ память невиннаго Страстотерпца—и, не имѣвъ утѣшенія видѣть Димитія Царемъ земнымъ, онъ молилъ его быть ему заступникомъ предъ Царемъ небеснымъ!

Вооруженный священнымъ для Россіянъ именемъ Димитрія, своими личными свойствами и поименованными средствами самозванецъ привелъ въ трепетъ Бориса, навелъ страхъ на войско, у котораго, по выраженію очевидца, *«не было рукъ для сѣчи»*, взволновалъ Россію—и, признанный ею, взошелъ на Московскій престолъ.

А. Комарницкій.

ПРЕДИСЛОВІЕ ШЕЛЛИНГА КЪ ПОСМЕРТНЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ СТЕФФЕНСА *.

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время въ Германіи совершается сильное религіозное движеніе. Что оно глубоко и важно—этому служитъ доказательствомъ то, что самъ Шеллингъ выступилъ на поприще религіозныхъ споровъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Шеллингъ, еще молодой, по-праву занялъ важное мѣсто въ исторіи просвѣщенія. Его многочисленныя сочиненія выразили ту блистательную систему, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія господствовала въ области сознанія. Но съ тѣхъ поръ онъ хранилъ постоянное молчаніе. Не смотря на то, что онъ не прерывалъ своего преподаванія, слухи о движеніи мыслей Шеллинга были разнорѣчивы и замѣтно пристрастны. Это зависѣло отъ того, что, вопреки всеобщему ожиданію, образъ его мыслей принялъ новое направленіе, котораго связи съ прежнимъ никакъ не могла понять школьная Германія. Считая систему Гегеля (которая успѣла появиться и высказаться до послѣднихъ крайностей въ то время, какъ безмолствовалъ Шеллингъ) дальнѣйшимъ развитіемъ прежней Шеллинговой системы и высшимъ выраженіемъ философствующей

* Nachgelassenen Schriften v. Steffens. Berlin. 1846.

мысли, она, въ принятой напередъ формулѣ историческаго развитія философіи, не находила мѣста для новой Шеллинговой системы. Ограниченное односторонне-логическими формулами мнѣніе видѣло въ ней, или, лучше сказать, предполагало (ибо взглядъ Шеллинга не былъ вполнѣ извѣстенъ) не шагъ впередъ, но назадъ. Его обвиняли въ обращеніи къ католицизму; говорили, что онъ сдѣлался мистикомъ, піетистомъ и т. под. Нѣкоторые изъ послѣдователей Гегеля осмѣливались даже издѣваться надъ человѣкомъ, оказавшимъ столько заслугъ философіи и увѣнчаннымъ такою славою. Кромѣ его слушателей никому не было возможности повѣрить, во сколько были ложны подобные слухи, хотя никто не сомнѣвался въ томъ, что они были ложны. Предисловіе, написанное Шеллингомъ къ «философскимъ отрывкамъ» Кузена, первая лекція, произнесенная имъ въ 1841 году въ Берлинѣ, академическая рѣчь объ Янусѣ и отрывки изъ лекцій, искаженно перепечатанные его противниками—вотъ все, по чему могли судить о направленіи Шеллинга. Не говоря уже о мелочныхъ нападеніяхъ противниковъ, самые почитатели Шеллинга не имѣли возможности изъ немногихъ данныхъ понять его новую систему, и печально спрашивали, гдѣ же мѣсто въ ряду новыхъ двигателей просвѣщенія для души великой, уединившейся отъ настоящаго, и какъ будто погруженной въ прошлое? При такомъ положеніи дѣлъ понятно, съ какимъ вниманіемъ встрѣчаютъ и слѣдятъ за каждымъ словомъ Шеллинга! Можетъ быть, Шел-

лингъ желалъ показать, что онъ еще живетъ для настоящаго, обнародывая свой судъ о происшествіяхъ современнаго просвѣщенія въ предисловіи къ посмертнымъ сочиненіямъ Стеффенса, на которое мы хотимъ обратить вниманіе читателей, какъ на одно изъ важныхъ явленій современной мысли въ Германіи.

Стеффенсъ былъ ученикомъ, другомъ и товарищемъ Шеллинга. Они жили въ постоянномъ общеніи между собою, постоянномъ обмѣнѣ мыслей. Стеффенсъ умеръ прошлой зимою—и Шеллингъ открылъ лѣтній семестръ рѣчью въ память о немъ. «Я болѣе другихъ, говоритъ онъ, могу сказать вмѣстѣ съ Римскимъ поэтомъ: онъ умеръ, оплаканный многими хорошими людьми, но никто не оплакивалъ его болѣе меня. Однако же неприлично было бы возбуждать и выражать одно слабое сожалѣніе: лучше, достойнѣе и сообразнѣе съ его духомъ, во сколько я могу почтить усопшаго друга, въ честь его сказать свободное, отъ сердца исходящее слово, которое, въ настоящее время броженія, можетъ послужить къ объясненію и рѣшенію вопросовъ для тѣхъ, которые добросовѣстно ищутъ рѣшенія. Далекъ путь отъ первыхъ началъ всякаго мышленія, чрезъ всѣ необходимыя ступени, до тѣхъ послѣднихъ выводовъ, въ которыхъ сосредоточивается все высоко-человѣческое. Стеффенсъ не прошелъ всего пути; лучшая сторона его сущности заключалась въ неувядающей юности его духа. О немъ можно сказать, говоритъ далѣе Шеллингъ,

онъ умеръ въ юности! Кто читалъ послѣднее сочиненіе Стеффенса was ich erlebte, гдѣ онъ раскаэываетъ всю свою жизнь, сочиненіе, изданное имъ незадолго до смерти; тотъ можетъ замѣтить, что онъ постоянно жилъ съ тѣмъ одушевленіемъ, которое большая чатсь людей испытываетъ только въ молодости. Онъ владѣлъ всѣмъ, что̀ нужно для писателя: большими свѣдѣніями, глубокимъ умомъ, чистымъ сердцемъ и одушевленною, блестящею рѣчью. Ему неизвѣстно было только одно слово, слишкомъ извѣстное въ наше время, слово *расчетъ.* Кто слушалъ его лекціи, тотъ никогда не забудетъ его живой, неприготовленной рѣчи. Нельзя было сказать напередъ, чѣмъ начнетъ онъ свое чтеніе, какъ разовьется, и къ чему придетъ мысль, высказанная имъ въ началѣ; но за то у него всегда была мысль живая и глубокая, которой у другихъ уже немного остается мѣста между логическими подмостками, условными формулами господствующей философіи: за то его слово было живо и увлекательно. Важное преимущество философіи заключалось въ томъ, что онъ прежде, нежели посвятилъ себя философіи, пріобрѣлъ большія познанія въ наукахъ естественныхъ. Но

Der Tempel der zum Thron der Gottheit steiget,
Ruht dennoch sanft auf der Natur;

понятіе о божествѣ составляетъ необходимое заключеніе и окончательную цѣль философіи, начинающей съ природы. Я живо вспоминаю, говоритъ далѣе Шеллингъ, какъ многіе удивлялись, когда Стеф-

фенсъ, о которомъ думали, что онъ исключительно посвятилъ свои занятія свѣтскимъ наукамъ, непосредственно за изслѣдованіями о баритѣ и стронціанѣ, выступилъ какъ богословскій писатель. Но теперь это никому не можетъ показаться страннымъ; ибо все время сдѣлалось богословскимъ, все стремится къ богословскимъ вопросамъ, не внимая голосу нѣкоторыхъ, вспоминающихъ еще старое время, когда всѣ вопросы такаго рода казались уже рѣшенными, и не страшась добродушнаго опасенія другихъ, чтобы этимъ не воскресить прежняго суевѣрія со всѣми его послѣдствіями. Таково требованіе времени: вопросы ученые превратились въ церковные и вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическіе. Происшествія пришли наконецъ въ такое положеніе, что вполнѣ можетъ быть приложенъ знаменитый законъ Солона: всякой, кто желаетъ счастія согражданамъ, всякой, кто желаетъ быть современнымъ и трудиться для своего вѣка, не имѣетъ болѣе права оставаться безразличнымъ въ отношеніи къ вопросамъ времени; необходимо, если не присоединиться къ какой-нибудь партіи (ибо возможно же оставаться и внѣ партій), то, во всякомъ случаѣ, опредѣлить свое мѣсто, и безъ двусмыслія высказать свое убѣжденіе.» Такъ переходитъ Шеллингъ къ опредѣленію современныхъ вопросовъ.

Всякой религіозный вопросъ въ Европѣ обращается къ первоначальному вопросу объ отношеніи протестантизма къ Латинской церкви. «Протестантизмъ, говоритъ Шеллингъ, сначала выступилъ,

какъ противопожность существующей церкви, и потому выразился въ видѣ исповѣданія. Съ этаго времени онъ заботился только о согласіи исповѣданія съ священнымъ писаніемъ. При согласованіи исповѣданія съ писаніемъ самъ собою возникъ вопросъ: начемъ должно быть основано толкованіе и пониманіе писанія? Протестантизмъ разрѣшилъ его въ пользу личнаго разума. Богословіе сдѣлалось наукою филологически-экзегетическою, гдѣ истолковывались по преимуществу догматическія мѣста ветхаго и новаго завѣта; въ-послѣдствіи присоединилась къ нему другая часть, излагавшая историческія доказательства о подлинности и вѣрности книгъ св. писанія. Протестанское исповѣданіе имѣло свое значеніе въ противоположность той церкви, отъ которой оно отдѣлилось. Но развитіемъ тѣхъ ученій, которыми протестантизмъ отличался отъ католицизма, еще не оканчивалось его призваніе. Они могли служить основаніемъ, но не цѣлію отторженія отъ Латинской церкви. Посредствомъ ученія искали высшаго и общаго—искали невидимой церкви. Но первый шагъ протестантизма ознаменовался отрицаніемъ существующей церкви. Въ противоположность западному католицизму, превратившемуся въ государство, во внѣшнихъ формахъ котораго исчезла и угнеталась личная свобода, протестантизмъ вывелъ и развилъ понятіе о личности. Что же могло соединить разнородныя личности, соединившіяся въ католицизмѣ авторитетомъ церкви? Ученіе, выразившееся въ формѣ протестанскаго исповѣданія? Но какъ протестанское ученіе основано

было единственно на пониманіи св. писанія личнымъ разумомъ, потому и оно превратилось въ личное и раздробилось на безконечные виды. Вмѣсто церкви въ протестантизмѣ явилась богословская наука, которая, по словамъ Шеллинга, употреблявшаго въ этомъ случаѣ выраженіе Даламбера, окончилась par le déisme franc et sans alliage. Наука не можетъ служить основаніемъ церкви. Въ основаніе ея полагается вѣра. Но Христіанское вѣрованіе, говоритъ Шеллингъ, основано на непосредственномъ, внутреннемъ опытѣ. Въ то, что испытываетъ человѣкъ, онъ можетъ вѣрить, если бы даже и не понималъ. Прежніе западные богословы Testimonium Spiritus Sancti, или почувствованную и узнанную по опыту божественность содержанія считаютъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ божественности св. писанія; всѣмъ другимъ внѣшнимъ, историческимъ доказательствамъ они приписываютъ только педагогическое значеніе. Но на опытѣ точно также не можетъ быть основана церковь. Опытъ принадлежитъ каждому порознь. Все, что ни испытываетъ человѣкъ, испытываетъ въ себѣ самомъ, и того же самаго не можетъ испытать въ другомъ, или въ совокупности другихъ лицъ, хотя подобный опытъ другихъ можетъ укрѣплять его собственный. Равно и богословіе не можетъ быть основано на одномъ опытѣ. Богословіе есть общее, возвышающееся надъ личными опытами, ученое сознаніе церкви. Оно укрѣпляетъ личныя убѣжденія человѣка и даетъ имъ твердое основаніе, точно такъ же, какъ существованіе

церкви укрѣпляетъ и развиваетъ личную вѣру. Этаго не могъ доставить протестантизмъ своимъ исповѣдникамъ. Если потребуютъ, говоритъ Шеллингъ, отъ тѣхъ, которые называютъ себя Христіанскими учителями, чтобы они настоящимъ образомъ, по убѣжденію, проповѣдывали Христіанство; то они отвѣтятъ: мы не можемъ; если возразить имъ: вы должны; они скажутъ: дайте намъ возможность! Они требуютъ этой возможности отъ церкви.»

При такомъ положеніи протестантизма естественно, что требованіе церкви должно быть въ немъ самымъ настоятельнымъ требованіемъ—и понятно, отъ чего въ наше время, когда такъ сильно возбуждены вопросы религіозные, этотъ вопросъ занимаетъ всю протестанскую Германію. Но этаго мало, чтобы построить одинъ вопросъ: протестантизмъ построилъ его съ первой минуты своего появленія—и не разрѣшилъ до сихъ поръ. Важнѣе того: можетъ ли протестантизмъ, оставаясь протестантизмомъ, разрѣшить этотъ вопросъ? Шеллингъ отвѣчаетъ отрицательно. «Если бы церковь выразилась въ протестантизмѣ такъ, какъ она должна выразиться—въ духѣ и знаніи; то внѣшній, видимый образъ церкви появился бы самъ собою. Совсѣмъ неблагодарно не видать того, что протестанская церковь въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, не можетъ существовать безъ помощи свѣтской власти.» И подобное положеніе онъ считаетъ лучшимъ, нежели созданіе церкви въ родѣ Англиканской—незаконное порожденіе протестантизма и католицизма, какъ онъ выра-

жается. Такимъ образомъ, отказывая въ самостоятельности протестантской церкви, принимая ее за одну изъ отраслей государственнаго управленія, какъ она была сначала и теперь находится, Шеллингъ отрицаетъ возможность разрѣшенія вопросовъ о церкви въ настоящее время — но, предоставляя его будущему, не отрицаетъ еще самаго вопроса. Называя протестантизмъ одною изъ церквей, но не церковію вообще (nur eine Kirche, aber nicht die Kirche), онъ признаетъ его какъ Христіанскую общину, или совокупность общинъ, но не какъ церковь, возвышающуюся надъ общинами и соединяющую ихъ въ одно цѣлое, какъ замѣчаетъ Нѣмецкой рецензентъ его сочиненія *. Если же протестантизмъ не церковь; то какимъ же образомъ онъ можетъ самъ собою сдѣлаться церковію, которая существуетъ внѣ его и независимо отъ него?

А. П.

* Allg. Zeitung. № 245.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Исторія Русской словесности, преимущественно древней.* XXXIII публичныя лекціи Степана Шевырева, профессора Московскаго университета. Томъ первый. Часть *вторая.* Въ 8; 340 стран. Моск.

Въ какой степени вообще значительно и достойно вниманія сочиненіе г. Шевырева, особенно въ нашу эпоху, когда вся почти литература обратилась въ журнальныя статьи — мы уже изложили это читателямъ нашимъ (XLII, 211—217). Нельзя не радоваться, что изданіе прекраснаго труда не останавливается. Отъ воззрѣній общихъ профессоръ переходитъ къ изысканіямъ частнымъ — и его лекціи становятся болѣе и болѣе занимательными, по мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ многозначительную идею духовной жизни Россіи. Въ напечатанныхъ теперь пяти лекціяхъ авторъ разсмотрѣлъ характеръ и ходъ умственной дѣятельности нашей въ XI и XII столѣтіяхъ. Лѣтописи, проповѣди, путешествія, записки, поученія, памятники литературы свѣтской, какъ на прим. Слово о полку Игоревѣ — все разсмотрѣно съ необыкновенною основательностію, подробно; все изучено въ самыхъ источникахъ и освѣщено новыми воззрѣніями. Сочинитель нашелъ средство облекать въ занимательнѣйшіе расказы изученіе предметовъ,

по-видимому сухихъ и до сихъ поръ остававшихся въ области древностей. Онъ умѣетъ связывать чисто-литературныя явленія съ явленіями гражданственности. Такимъ образомъ его исторія пріобрѣтаетъ достоинство науки социальной, внося въ политическую исторію указанія на дѣйствительныя причины характера событій. Этотъ способъ преподаванія литературы выводитъ ее изъ той жалкой сферы, въ которой она заключена была ограниченными умами. Выразумѣть мысль эпохи въ памятникахъ ея слова — не значитъ ли это доставить несомнѣнное бытіе всѣмъ явленіямъ міра гражданскаго, и внести въ науку народоправленія незыблемое правило для будущаго? Вотъ образецъ изслѣдованій автора (стран. 65). «Соберемъ въ одно черты Русскаго образованія въ XI вѣкѣ, чтобы отсюда не только понять возможность, но и вывести необходимость появленія современной лѣтописи. Четыре Князя дѣятельно помогаютъ просвѣщенію и сами занимаются дѣломъ книжнымъ. При Ярославѣ, у Св. Софіи Кіевской, возникаетъ соборная библіотека на подобіе Константинопольской. Духовенство, по желанію Князя, распространяетъ ученье въ народѣ. Святославъ, сынъ его, подражая отцу, наполняетъ книгами клѣти своего дома. Владиміръ Мономахъ самъ является писателемъ, Отъ книжныхъ сокровищъ XI вѣка, сквозь разгромы Половецкіе, Татарскіе, Литовскіе и другіе, сквозь пожары, которыми никакая исторія такъ не обильна, какъ наша, сквозь XII годъ, сквозь наше губительное рав-

подушіе, доходятъ до насъ три значительные памятника, какъ будто для того, чтобы неопровержимо свидѣтельствовать о томъ богатствѣ, котораго мы лишились. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Новгороду, два другіе Кіеву. Византійскія художества украшаютъ сѣверъ и югъ Россіи. Божіи храмы умножаются. Образованіе духовенства восходитъ на такую степень, что главою Русской Церкви является впервые нашъ же соотечественникъ, глубоко постигнувшій основы Христіанства. Среди множества монастырей Греческихъ основывается монастырь народный, Русской, гдѣ сѣмя духовной жизни принимается скоро, куда стекаются со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ сословій, Русскіе люди, чувствующіе къ ней призваніе, и гдѣ строитель самъ споспѣшествуетъ книжному дѣлу. Уже ли, при всѣхъ этихъ условіяхъ, не пробудится въ народѣ мысль выразить письменно сознаніе подвиговъ своей жизни, не явится лѣтописецъ? Это было бы противосмысленно всему тому, что мы знаемъ объ этомъ вѣкѣ, даже изъ другихъ памятниковъ, кромѣ преданій лѣтописныхъ. По даннымъ, какія имѣемъ, можно было бы умозрительно построить сочиненіе лѣтописи. Гдѣ явиться ей? Конечно въ Кіевѣ, средоточіи духовной и государственной жизни. Въ какомъ мѣстѣ Кіева? Непремѣнно въ той обители, гдѣ Византійское образованіе восприняло характеръ народный. Изъ какаго сословія выйдетъ лѣтописецъ? Вѣрно, изъ иноковъ, но не Греческихъ, а Русскихъ, съ полнымъ сочувствіемъ къ отечественной жизни. Но въ мона-

стырѣ будетъ ли онъ имѣть средства къ наблюденію жизни государственной? Мы уже видѣли отношенія этаго монастыря къ свѣтской власти и къ народу; мы видѣли, какъ онъ привлекалъ въ свои стѣны людей изъ всѣхъ сословій, какъ онъ духовную власть свою простиралъ на всѣ стихіи жизни. Отсюда намъ ясна возможность сближенія лѣтописца-инока съ людьми практическими. Откуда займетъ лѣтописецъ свое лѣтосчисленіе? Съ какаго образца сниметъ внѣшнюю оправу своей лѣтописи? Конечно все это предложитъ ему Византія. Таковъ характеръ всего столѣтія—въ господствующихъ главахъ духовенства, въ монастырскихъ уставахъ, въ зодчествѣ и живописи. Византійскіе хронографы были намъ уже тогда извѣстны въ Болгарскихъ переводахъ. Что послужитъ источникомъ для труда его? Прежде всего устныя преданія, живущія въ народѣ, изъ котораго самъ инокъ вышелъ и съ которымъ сохранилъ связи отношеній и сочувствія; потомъ государственные акты, церковныя записки, расказы мужей войны и совѣта, собственныя наблюденія; изъ источниковъ иностранныхъ преимущественно Византійскіе, а не западные, отъ которыхъ удаляла Вѣра. По мѣрѣ того, какъ расказъ будетъ углубляться въ одиннадцатый вѣкъ, яснѣе и яснѣе будетъ становиться ткань историческая, ярче и ярче должны выступать лица и событія, потомучто лѣтописецъ имѣетъ ихъ уже передъ своими глазами. Какой духъ выразится въ лѣтописцѣ? Духъ свѣжаго, новаго Христіанства, духъ не брез-

гливый, но любящій и кроткій, простирающій сочувствіе свое и на то, что̀ прекраснаго представляло наше Отечество и въ своей языческой жизни. Удѣльныя междоусобія братьевъ-Князей и набѣги Половецкіе отзовутся непремѣнно въ его сказаніяхъ. Въ самой формѣ расказа чье вліяніе будетъ замѣтно? Не столько Византійскіе хранографы, сколько свѣжее прочтеніе Библіи и, можетъ быть, особенный характеръ южно-Русскихъ преданій положатъ печать свою на лѣтописаніи инока. Свои думы о событіяхъ времени онъ будетъ сопровождать пѣснями Псаломскими и притчами Соломона, точно такъ, какъ первый учитель монастыря, Ѳеодосій, сопровождалъ ими каждое свое занятіе. Наконецъ языкъ въ грамматическихъ формахъ своихъ непремѣнно долженъ представить господствующее вліяніе Болгарской письменности; но, не смотря на то, въ немъ скажется невольно устная стихія языка народнаго, которая перейдетъ подъ перо лѣтописца вмѣстѣ съ живыми сказаніями о событіяхъ.» Собственно-ученая критика автора обработана художнически. Обильныя знанія свои онъ мастерски вноситъ въ картину, оживляетъ ее теплотою собственнаго чувства и доставляетъ ей занимательность, ощутительную для каждаго. Послѣ того, на прим., что̀ уже столько разъ высказано было нашими критиками о заслугахъ Шлёцера, кто безъ истиннаго наслажденія, безъ новыхъ пріобрѣтеній для науки будетъ читать слѣдующее мѣсто (стран. 74)?»Долго мы признавали въ Исторіи одно свое домашнее значеніе, и не

постигали всемірнаго. Для того, чтобы открыть сіе послѣднее, нуженъ былъ подвигъ иностраннаго ученаго, вооруженнаго всѣми силами западной науки. Странная участь связала нашего инока-лѣтописца съ первымъ, можно сказать, родоначальникомъ исторической критики въ Германіи. Къ нашей лѣтописи, въ первый разъ, примѣненъ былъ тотъ испытующій анализъ науки, который впослѣдствіи Нибуръ примѣнилъ къ началамъ Исторіи Римской, къ Титу-Ливію, и который едва ли былъ испытанъ еще какимъ-нибудь западнымъ лѣтописцемъ. На насъ лежитъ обязанность здѣсь воздать должное тому ученому, который, будучи одаренъ высокимъ безпристрастіемъ мысли, свойственнымъ его народу, оказалъ незабвенную услугу первымъ началамъ нашей исторіи. Къ-тому же, знаменитая личность Шлёцера входитъ сама собою въ ученую біографію нашего лѣтописца. Въ кабинетѣ М. П. Погодина можно видѣть портретъ этаго колоссальнаго мужа науки, мужа прежней Германіи. На лицѣ его вы замѣчаете отпечатокъ самаго трезваго и проницательнаго разума; глаза его бросаютъ мѣткой и острой взглядъ всеобъемлющаго критика; самоувѣренность и твердость при немъ — этѣ сопутницы Германской науки, впрочемъ не всегда съ пользою ей служащія; къ устамъ его прикованъ сарказмъ сомнѣнія, ограждающій отъ всякаго предразсудка, вреднаго разумному сознанію. Августъ Людвигъ Шлёцеръ родился въ 1735 году, въ деревушкѣ Гогенлоге-Кирхбергской, отъ сельскаго пастора. На десятомъ году

возраста онъ собиралъ уже анекдоты и пословицы, объявляя тѣмъ сочувствіе живому событію и народному смыслу. Два университета Германскихъ, Виттенбергскій и Гёттингенскій, и третій Шведскій въ Упсалѣ, участвовали въ его образованіи. Богословіе было первою наукою, которою онъ занимался въ Виттенбергѣ. За нимъ слѣдовала Филологія. Упсала открыла ему Естественныя науки. Рано усвоилъ онъ себѣ многіе языки, въ томъ числѣ восточные, древній Готѳскій въ переводѣ Ульфилы и Исландскій въ сагахъ. Гёттингенъ довершилъ его ученое образованіе. Здѣсь къ наукамъ отвлеченнымъ присоединились науки практическія, обозначавшія будущее направленіе Шлёцера, историко-статистическое и политическое. Здѣсь Физика, Химія, Ботаника, Анатомія, Зоологія, Моисеево Законодательство, Исторія Имперіи Германской, Ленное право, Нравоученіе, Естественное право, Вексельное право, Математика и Политика, попремѣнно его занимали. Судя по этому, можно видѣть, какія разнообразныя свѣдѣнія вмѣщалъ въ себѣ этотъ человѣкъ, и на какой обширной энциклопедической почвѣ выросла его великая специальность въ исторической критикѣ! Вотъ какихъ ученыхъ мужей доставляла тогда Германія нашему Отечеству! Это былъ колоссъ въ дѣлѣ знанія, и съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ геніальный. Миллеръ, самъ у насъ достойно воздѣлывавшій отечественную науку, пригласилъ къ намъ и Шлёцера—и тѣмъ еще болѣе заслужилъ нашу признательность. Въ 1761 году переѣхалъ Шлёцеръ въ Пе-

тербургъ, за годъ до вступленія на престолъ Русскіи той Принцессы Ангальтъ-Цербтской, которая, еще 16-ти лѣтъ, въ 1745 году, пріѣхала въ Россію и занемогла отъ усиленныхъ занятій Русскимъ языкомъ. Можно заключить, какъ примѣръ Екатерины II дѣйствовалъ на Германцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Шлецеръ неутомимо принялся за Русскій языкъ, который былъ пятнадцатымъ изъ всѣхъ, какіе онъ уже тогда изучилъ. Но ни съ однимъ онъ не вынесъ такой борьбы, какъ съ Русскимъ. Черезъ годъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, въ 1763 году, Шлёцеръ издавалъ уже Русскую Грамматику. Изученіе языка и сближеніе съ Русскими дали Шлёцеру высокое понятіе о Русскомъ народѣ и его способностяхъ. Онъ, какъ Екатерина, имѣлъ въ высшей степени характеръ безпристрастнаго Германца, способнаго отречься отъ своихъ народныхъ предразсудковъ въ пользу чужой народности: наука особенно давала ему эту возможность. Весь огромный запасъ своихъ свѣдѣній и всю силу исторической критики, имъ первымъ развитую, Шлёцеръ примѣнилъ къ Несторовой лѣтописи. Въ теченіи сорока лѣтъ нашъ инокъ-лѣтописецъ выносилъ на себѣ всю тяжесть учености Германца, всѣ пробы неутомимой его пытливости—и вынесъ ихъ съ честію и славой. Шлёцеръ, сличивъ Нестора со всѣми Византійскими и Западными лѣтописцами, открылъ, что на всемъ пространствѣ верхнесѣверной Исторіи, отъ 800-го по самый 1506 годъ, Несторъ есть *одинъ только* настоящій, въ своемъ родѣ полный и спра-

ведливый лѣтописатель. Онъ назвалъ его *честнымъ* Несторомъ, преимущественно передъ другими его совмѣстниками. Шлёцеръ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ въ исторической критикѣ многія сомнѣнія касательно нашего лѣтописца. Любопытно прослѣдить въ исторіи этихъ изслѣдованій, какъ мало-по-малу наука новыми своими открытіями оправдывала всѣ показанія Несторовы. Шлёцеръ оподозрилъ договоры Олега и Игоря: Кругъ совершенно оправдалъ ихъ достовѣрность прилежнымъ изученіемъ Византійскихъ источниковъ. Шлёцеръ указалъ на три Византійскихъ лѣтописца, которые могли служить матерьяломъ для Нестора—на Георгія Синкелла, неизвѣстнаго автора Хроники Пасхальной и Георгія Кедрина, и прибавилъ, что, можетъ быть, кому-нибудь удастся отыскать еще четвертаго, или пятаго Византійскаго историка, съ которымъ Несторъ болѣе согласуется, нежели съ Кедриномъ. Предположеніе Шлёцера оправдалось: найденъ былъ въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ древнѣйшихъ Греческихъ лѣтописцевъ, процвѣтавшій въ IX столѣтіи, Георгій Амартолъ, котораго Хроника давно была переведена на Словено-Болгарскій языкъ и послужила Нестору, такъ сказать, оправою, куда онъ вставилъ свои собственныя сказанія. Разработка всѣхъ иностранныхъ источниковъ, Арабскихъ г. Френомъ, западныхъ на сѣверѣ и югѣ, и своихъ отечественныхъ, послужила только къ рѣшительному оправданію всѣхъ извѣстій Несторовой лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно видѣть, какъ разные историки, въ раз-

личныхъ странахъ и въ разныя времена, согласно подтверждаютъ его свидѣтельства: Массуди и Ибнъ-Фоцланъ, историки X вѣка, въ Багдадѣ и Александріи; Луитпрандъ Епископъ Кремонскій, въ сѣверной Италіи; Константинъ Багрянородный, Левъ Діаконъ, того же вѣка, Кедринъ XI-го, въ Византіи; Дитмаръ, Епископъ Мерзебургскій, Ламбертъ Ашаффенбургскій, въ XI столѣтіи, въ разныхъ мѣстахъ Германіи; неизвѣстный авторъ Исландскихъ сагъ на островѣ Исландіи. Едва ли въ какой-нибудь другой исторіи можетъ повториться такое любопытное явленіе. Сомнѣнія, оставленныя Шлёцеромъ, породили у насъ школу и своихъ скептиковъ. Несторъ долженъ былъ пройти черезъ искушенія и своихъ соотчичей. Не съ чувствомъ укора поминаемъ мы ихъ, а напротивъ съ чувствомъ благодарности. Надобно было до конца, искренно, выразиться всѣмъ этимъ сомнѣніямъ, которыя произвели сильное воздѣйствіе. Надобно было и нашимъ ученымъ сказать полное, рѣшительное слово о Несторѣ: скептицизмъ вызвалъ достойные труды Буткова, Погодина, Кубарева. Конечно никакой другой лѣтописецъ не подвергался такимъ истязаніямъ критическимъ отъ чужихъ и своихъ, какъ нашъ инокъ Кіевопечерскій. Его можно назвать истиннымъ мученикомъ Науки. Но чѣмъ болѣе она пытала его, тѣмъ большею славою вѣнчался онъ. Апоѳеоза его, какъ ученаго, вполнѣ совершилась въ наше время, какъ у насъ, такъ и во всей Европѣ. Нестору поклонились уже ученые иноземцы, наши соплеменники Славяне и

наконецъ мы, увидѣвшіе, что нашъ Несторъ имѣетъ не одно семейное Русское, но и всемірное значеніе.» Важнѣйшее достоинство Лекцій профессора Шевырева заключается въ томъ, что онъ говоритъ обо всемъ по собственному убѣжденію въ дѣлѣ. Всѣ разсматриваемые имъ памятники онъ изучилъ въ подлинникахъ. Это сближеніе ученаго съ лицами, ихъ жизнію и сочиненіями ихъ обратили проницательный умъ его на новые вопросы, до которыхъ не доходили его предшественники. Въ каждой изъ Лекцій есть свѣжесть, самобытность и истина. Мы предоставляемъ читателямъ нашимъ вникнуть, на прим., въ объемъ, связь, полноту и важность Лекціи, которая посвящена Слову о полку Игоревѣ. Заключимъ: ежели профессоръ составитъ въ этомъ видѣ полный курсъ своей науки, то книга его возвратитъ Русской литературѣ то достоинство, котораго лишили ее самозванцы-критики.

2. *Изслѣдованіе о Реторикѣ* въ ея наукообразномъ содержаніи и въ отношеніяхъ, какія имѣетъ она къ общей теоріи слова и къ логикѣ. Сочиненіе *Константина Зеленецкаго*. Въ 8; 137 стран. Одесса.

Сочиненіе г. Зеленецкаго состоитъ изъ пяти отдѣловъ, которые названы: 1. Реторика у Древнихъ; 2. состояніе Реторики въ наше время; 3. наука о Словѣ, а съ нею и Реторика въ своихъ основаніяхъ и общихъ отношеніяхъ къ логикѣ; 4. наукообразный составъ и содержаніе Реторики; 5 о Реторикѣ въ педагогическомъ отношеніи. Изслѣдованіемъ своего предмета авторъ желалъ высказать

собственныя идеи о наукѣ, преподаваемой большею частію схоластически. Книгу, нами разсматриваемую, надобно признать руководствомъ для учителей, а не для учениковъ. Въ ней указаны части науки, ихъ порядокъ, сущность каждой, и выведены причины, по которымъ зданіе должно быть построено такъ, а не иначе. Подробное же изложеніе Реторики въ новомъ ея видѣ не входило въ планъ сочиненія, которое явилось какъ бы критическою программою науки. Этотъ трудъ не такъ маловаженъ, какъ можетъ показаться съ перваго на него взгляда. Онъ требовалъ внимательнаго изученія теоріи Древнихъ и Новыхъ писателей по этой части; онъ требовалъ собственныхъ соображеній и выводовъ автора. Надобно отдать справедливость г. Зеленецкому въ томъ, что онъ совѣстливо исполнилъ принятую на себя обязанность. Его указаніями на недостаточность, сбивчивость и безотчетливость ученія предшественниковъ его могутъ воспользоваться мыслящіе читатели. Такаго рода заслуга не должна быть предана забвенію. Положительная часть книги, гдѣ авторъ развиваетъ основанія Реторики, не менѣе замѣчательна. Онъ въ догматическомъ дѣлѣ сохраняетъ строгій порядокъ и утверждаетъ свои положенія на доказательствахъ прочныхъ. Такимъ образомъ, какъ педагогическій писатель, онъ правъ и передъ публикою и передъ своею совѣстію. Въ частныхъ замѣчаніяхъ автора есть идеи, съ которыми вѣроятно не всѣ будутъ согласны. Изобразивши состояніе Реторики въ прежнее время, онъ говоритъ: «Слѣд-

ствія этаго по истинѣ плачевнаго состоянія Реторики были тѣ, что отроки, которыхъ не угнетала школьная ферула, нелегко освоялись съ нашей наукою и вообще не любили ея (стран. 9). По смыслу приведенныхъ словъ можно думать, будто авторъ вѣритъ, что, для возбужденія въ отрокахъ сближенія съ Реторикой и утвержденія къ ней любви ихъ, дѣйствительно необходима школьная ферула. Извѣстно, напротивъ, что не только школьная ферула, да и просто языкъ школьный отталкиваетъ отроковъ отъ науки и зараждаетъ къ ней отвращеніе. Можетъ быть, схоластическія формы Реторики, въ которыхъ предлагали ее, и варварская для насъ терминологія, которую мы безсознательно въ ней приняли отъ Древнихъ, всего болѣе останавливали успѣхи этой науки. Ее надобно упростить въ начальномъ преподаваніи и сблизить съ дѣйствительною жизнію въ преподаваніи окончательномъ. Вмѣсто того, чтобы отдѣлять ее отъ Науки мысли и слова, полезнѣе было бы слить ее съ нею въ преподаваніи, какъ все это слито самою природою. Нѣтъ идеи въ душѣ безъ присутствія слова; слѣдовательно и говорить о нихъ можно вмѣстѣ. Совершенство каждой рѣчи опредѣляется полнымъ ея согласіемъ съ требованіями жизни. Выходитъ, что наука краснорѣчія есть наука пониманія жизни. Самъ г. Зеленецкій сказалъ: «У насъ и внѣ Реторики воспитались превосходные прозаики. Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ были далеки отъ Бургія (стран. 9).» Такъ; но имъ близки были пра-

вила другой Реторики; ихъ идеи, а по-этому и слова̀, сообразовались съ законами мышленія и съ требованіями жизни. Талантъ не дается наукою, но совершенствуется здравыми ея внушеніями. Авторъ говоритъ: «Въ хладнокровномъ дѣлѣ логическаго построенія рѣчи Реторика еще могла служить своими указаніями и наставленіями; но въ дѣлѣ вкуса, изящнаго творчества, въ дѣлѣ свободныхъ полетовъ фантазіи и движеній чувства она безсильна (стран. 96).» Если же въ составъ ея ввести одно прямо относящееся къ дѣятельности духа и къ явленіямъ жизни; то и вліяніе ея окажется обширнѣе и прочнѣе. Г. Зеленецкій, при всемъ желаніи своемъ вывести науку на прямой ея путь, не освободилъ ея отъ стараго языка и не расширилъ предѣловъ ея. Можетъ быть, онъ займется, на основаніи своего нынѣшняго сжатаго изслѣдованія, подробнымъ изложеніемъ правилъ Реторики; тогда ему будетъ самый благопріятный случай упростить науку и сблизить ея требованія съ явленіями дѣйствительной жизни.

3. *Опытъ руководства въ изученіи Русскаго слова.* Составленъ *Ст. Лебедевымъ.* Часть I. Въ 8; IV и 141 стран. съ таблицами склоненій и спряженій. Спб.

Сочинитель Опыта начинаетъ свою книгу слѣдующимъ объясненіемъ: «Въ предлагаемомъ руководствѣ я счелъ за необходимое, для пищи соображенію, изложить причины и основанія существованія того или другаго термина (названія), тѣхъ или

другихъ правилъ или выводовъ, которые безъ нихъ, въ голомъ видѣ, всегда казались въ подобныхъ учебникахъ и, конечно, не перестанутъ казаться скользкими, неудобовразумительными, и отъ того, нерѣдко, долго не приживаются въ головахъ молодаго учащагося люда, не смотря, иногда, на усердіе его выдолбить ихъ и зазубрить. По-этому употребленъ въ печати двоякій шрифтъ: крупнымъ отпечатана большая часть тѣхъ статей, которыя, какъ основныя, могутъ быть въ первыхъ пріемахъ за дѣло пройдены изучающимъ этотъ предметъ даже въ низшихъ классахъ училищъ, а мелкій употребленъ для тѣхъ, которыя содержатъ дополненія и объясненія желающимъ пользоваться этою книгою при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ предметомъ.» Ежели бы кто вздумалъ опредѣлить достоинство книги по приведенному нами изъ нея отрывку, тотъ не безъ основанія заключилъ бы, что ея изложеніе многословно и нѣсколько запутанно, что своимъ тономъ она отступаетъ отъ учебниковъ, пользующихся извѣстностію, и что въ нее введены излишнія изъясненія. Но все это въ самомъ развитіи науки становится менѣе и менѣе замѣтнымъ, и видимо произошло отъ непривычки сочинителя къ авторскому искуству, которое пріобрѣтается долговременною опытностію. Книга его, обогащенная множествомъ новѣйшихъ улучшеній въ Русской грамматикѣ, представляетъ руководство полезное, особенно, когда она будетъ объясняема наставникомъ, не отставшимъ отъ нашего вѣка. Въ теоріи спряженій сочинитель не упу-

стилъ изъ виду указанія протоіерея Павскаго на степени глаголовъ. Мы не видимъ только большой надобности въ перемѣнѣ терминологіи, что сочинитель допускаетъ мѣстами въ своемъ курсѣ. Онъ вооружается противъ неточности старыхъ названій. Но ихъ никто и не принимаетъ за опредѣленія понятій, ими выражаемыхъ, а просто за названія, утвержденныя употребленіемъ. Ежели мы теперь примемся за очистку всѣхъ словъ, сообразно съ значеніемъ предметовъ и правилами филологіи; то понадобится переформовать весь языкъ.

4. *Стихотворенія А. Плещеева, 1845 — 1846.* Въ 8; 82 стран. Спб.

Каждый разъ, когда, отдѣлясь отъ толпы, выходитъ передъ вами человѣкъ съ дарованіемъ, не чувствуете ли вы, что собственная судьба ваша будто улучшается, что на поприще жизни нашей кто-то будто бросилъ ароматный цвѣтокъ, что въ ваши занятія внесено что-то живительное— и вы безмолвно радуетесь будто встрѣчѣ съ другомъ? Въ нынѣшнюю эпоху охлажденія къ совершенствованію изящныхъ искуствъ вообще и въ особенности поэзіи, еще радостнѣе намъ было встрѣтить появленіе стихотвореній А. Плещеева, котораго дарованіе такъ видимо такъ счастливо отдѣлилось отъ нашихъ современныхъ стихотворцевъ, погнавшихся за вычурнымъ слогомъ и уродливо-эффектными картинами. Поэтъ напечаталъ пока только 46 небольшихъ стихотвореній. Изъ нихъ многія переведены имъ изъ первокласныхъ Нѣмецкихъ и Англійскихъ по-

этовъ. Всего любопытнѣе и замѣчательнѣе отдѣлъ пьесъ, переведенныхъ имъ изъ Гейне, котораго у насъ вообще знаютъ мало. «Переводя стихотворенія Гейне, говоритъ г. Плещеевъ, я старался сдѣлать изъ него выборъ по-возможности *разнообразный*, чтобы показать со всѣхъ сторонъ прихотливый и своенравный талантъ Нѣмецкаго поэта. Гуморъ и мечтательность, грусть и насмѣшка, романтизмъ и дѣйствительность идутъ здѣсь рука-объ-руку. Въ Германіи пѣсни Гейне сдѣлались народными; отзывы Французской критики доставили имъ прочную извѣстность во Франціи. И у насъ переведены нѣкоторыя пьесы Гейне, правда, весьма не многія, однообразныя, и отъ того, можетъ быть, не возбудившія сочувствія къ поэту. Оцѣнить предлагаемые переводы есть дѣло критики; но я осмѣливаюсь взять на себя отвѣтственность только за вѣрность ихъ подлиннику.» Въ этихъ немногихъ словахъ мы находимъ гораздо болѣе такту, ума и вкуса, нежели въ иной длинной критикѣ. Видно, что поэтъ полюбилъ свое искуство не случайно и не изъ расчета. Онъ пріютился съ нимъ, какъ съ своею судьбою, подъ сѣнь того забытаго нынѣ убѣжища, гдѣ нѣкогда обитала муза нашихъ истинныхъ поэтовъ. Уединеніе, трудъ и любовь къ простотѣ и природѣ— вотъ жребій подобныхъ людей. Въ стихахъ г. Плещеева находишь столько искренности чувства, столько безыскуственности и точносии выраженій, столько мягкости и въ то же время упругости звуковъ, столько сердечной мечтательности, меланхоліи и въ

тоже время естественности образовъ, дѣйствій и положеній, что вѣришь каждому изъ его поэтическихъ сказаній, сочувствуешь его признаніямъ, любишь его надежды и братски дѣлишь его судьбу. Удивительнѣе всего, что при общемъ, какъ бы ровномъ тонѣ его поэзіи, которой очеркъ мы набросали выше, перечитывая книжку, переходишь съ каждою новой пьесой къ новымъ ощущеніямъ, какъ это случается во время прогулки въ сельскихъ поляхъ и рощахъ. Мы приведемъ для образца хоть одно его стихотвореніе.

1.

«Къ чему мечтать о томъ, что *послѣ* будетъ съ нами,
«О томъ, чего уму постигнуть не дано...
«Хоть часто терніи здѣсь смѣшаны съ цвѣтами,
«Но всё жъ земную жизнь безславить вамъ грѣшно.
«Отраднаго и въ ней, повѣрьте, много, много...
«Смотрите: громъ затихъ, и ясенъ сводъ небесъ...
«И тучки прочь бѣгутъ лазурною дорогой,
«И шепчетъ, имъ во слѣдъ, привѣтъ прощальный лѣсъ.
«Смотрите: какъ луга вокругъ благоухаютъ,
«Упитана дождемъ зеленая трава,
«И легкій вѣтерокъ съ волной рѣки играетъ,
«И рожь златистая колышется едва...
«Прекрасенъ этотъ міръ! — — —

2.

Да! этотъ міръ хорошъ; но право наслаждаться
Даровано ли всѣмъ могучею судьбой?...
Здѣсь узники, вдали отъ родины, томятся;
Тамъ въ рубищѣ бѣднякъ съ протянутой рукой.
Тотъ солнечныхъ лучей напрасно ищетъ взоромъ —

Не заглянутъ они въ окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядитъ съ нѣмымъ укоромъ:
Отъ зноя отдохнуть нѣтъ крова у него!
Не для него красы улыбка молодая;
Его трудовъ — другимъ всегда назначенъ плодъ;
Подъ тяжкимъ бременемъ нужды изнемогая,
Прекраснымъ этотъ міръ бѣднякъ не назоветъ!...
Но предъ лицемъ Творца равны его созданья —
И *тамъ* найдетъ бѣднякъ за муки воздаянья!

3.

«Да! вѣрю, вѣрю я, что всѣ предъ Нимъ равны...
«Но люди не для мукъ — для счастья рождены!
«И сами создали себѣ они мученья,
«Забывъ, что на крестѣ Господь имъ завѣщалъ. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

5. *Книжка Французско-Русскихъ разговоровъ*, съ присовокупленіемъ разныхъ писемъ, записокъ и билетовъ. Составлена по лучшимъ и новѣйшимъ иностраннымъ сочиненіямъ въ этомъ родѣ. Изданіе книгопродавца *К. Тотти*. Въ 12; 152 стран. Одесса.

Составитель этой книги раздѣлилъ ее на три отдѣленія, назвавши первое элементарными фразами, второе общеупотребительными разговорами, а третіе записками, письмами, билетами и проч. Все направленіе книги чисто практическое, такъ, что едва ли найдется предметъ въ обыкновенной жизни, который бы не былъ внесенъ въ которое-нибудь изъ отдѣленій ея. Разсматривая съ этой стороны, можно признать пользу въ изданіи сочиненія. Но такъ-какъ

знаніе языка было бы слишкомъ поверхностно, если бы утверждалось на заучиваніи однѣхъ фразъ, то само собою предполагается, что изданію частныхъ разговоровъ должно предшествовать составленіе общихъ правилъ языка.

6. *Карманная книжка для помѣщиковъ*, *или лучшій, извлеченный изъ опыта способъ управлять имѣніемъ*. Издалъ помѣщикъ Черниговской губерніи, Штабъ-лекарь *Гладкій*. Въ 16; 32 стран. Спб.

Можетъ быть, ни одному предмету не посвящено у насъ столько книгъ, какъ хозяйству, за исключеніемъ развѣ романовъ. Но изъ этаго числа сочиненій, назначенныхъ споспѣшествовать благосостоянію хозяйственной части, смѣло сказать можемъ, ни одно такъ легко, такъ вѣрно не доводитъ до предполагаемой цѣли, какъ разсматриваемое нами— и сочинитель въ полномъ смыслѣ могъ назвать способъ свой управлять имѣніемъ—*и лучшимъ и извлеченнымъ изъ опыта*. Дай Богъ, чтобы этотъ способъ распространился по всей обширной Россіи! Онъ особенно хорошъ тѣмъ, что равно употребленъ быть можетъ и въ сѣверной ея полосѣ и въ южной, безъ малѣйшаго измѣненія при всемъ различіи мѣстности.

7. *Исторія Христіанства въ Россіи,* до равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ введеніе въ Исторію Русской Церкви. Соч. Архимандрита *Макарія*, Инспектора и Профессора въ Санктпетербургской Духовной Академіи. Въ 8; XII и 421 стран. Спб.

Появленіе этой книги дополняетъ важный не-

достатокъ въ нашей духовной литературѣ. У насъ всѣ привыкли смотрѣть на періодъ до В. К. Владиміра, какъ на время общаго язычества въ Россіи. Ученый изыскатель названнаго нами сочиненія вноситъ въ Исторію множество неопровержимыхъ, любопытнѣйшихъ доказательствъ, что Христіанство существовало до этой эпохи, не только у иноплеменныхъ намъ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, но и собственно у Русскихъ. Это различіе между народами послужило для него поводомъ къ раздѣленію сочиненія его на двѣ части. Такимъ образомъ передъ нами раскрывается самая занимательная картина древности, гдѣ мы знакомимся со всѣми многоразличными обитателями отечества нашего и съ первымъ ихъ просвѣщеніемъ вѣрою Христа Спасителя. Много надобно было искать и изучать источниковъ, чтобы столь новый и вмѣстѣ столь важный разрѣшить вопросъ. Въ числѣ разысканій, относящихся прямо къ предмету, избранному автором, есть и такія, которыя разливаютъ свѣтъ не только на Исторію Христіанства въ Россіи, но и на Исторію распространенія въ ней образованности, а слѣдовательно и ея литературы. Такъ мы находимъ здѣсь изслѣдованія о переводѣ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ. Сочинитель совершилъ предпринятый трудъ съ полнымъ успѣхомъ. Какъ не пожелать, чтобы онъ не отклонилъ отъ себя и продолженія Исторіи Христіанства въ Россіи?

8. *Обозрѣніе Русской Исторіи до единодержавія*

Петра Великаго. Сочиненіе *Николая Полеваго.* Съ портретомъ и факсимилемъ автора. Въ 8; LIII, 360 и 67 стран. Спб.

«Обозрѣніе» заключаетъ въ себѣ происшествія не всей Русской Исторіи, а только со времени, когда родился Петръ Великій—и оканчивается эпохою единодержавія его. Къ этому прибавлено «Введеніе въ Исторію Петра Великаго», не смотря на то, что и предшествующая часть книги есть тоже родъ Введенія. Но послѣднее ничего уже не содержитъ изъ нашей Исторіи, а наполнено отрывками изъ извѣстной философіи, въ которой доказывается, будто все, что̀ было, то̀ должно было быть.

9. *Анекдоты о Петрѣ Великомъ*, выбранные изъ дѣяній сего монарха, описанныхъ гг. Голиковымъ и Штелинымъ. Въ четырехъ частяхъ. Въ 12; 44, 45, 50 и 51 стран. Моск.

Литературные промышленники всѣхъ разрядовъ безпрестанно пользуются именемъ Петра Великаго, чтобы, наклеивъ его на своихъ безтолковыхъ сочиненіяхъ, добыть что-нибудь его ради.

10. *Краткое начертаніе Исторіи Русской литературы*, состав. *В. Аскоченскимъ.* Въ 8; 162 стра. Кіевъ.

Читая книгу г-на Аскоченскаго, чувствуешь, что у него никакихъ нѣтъ собственныхъ убѣжденій въ литературѣ, а безъ нихъ трудно составить не только Исторію, да и статью журнальную. Онъ безъ разбору приводитъ какъ мнѣніе свое — и то, что

читалъ въ журналахъ, и то, что когда-то слышалъ въ классахъ.

11. *Грѣхи грамматики. За ними правильная основа умѣнію писать.* Въ 8; 36 стран. Спб.

Изъ самой книжки читатель столько же извлечетъ для себя, сколько вразумило его заглавіе ея.

12. *Замѣчанія на словесныя науки, Николая Кирова.* Въ 8; 59 стран. Моск.

По плану сочинителя, замѣчанія его будутъ касаться сперва Русской грамматики, а потомъ реторики и піитики. Въ напечатанной книжкѣ помѣщены первыя. Они впрочемъ не представляютъ важныхъ указаній и могутъ назваться болѣе произвольными, частными, нежели существенными и общими.

13. *Муромскій лѣсъ.* Романъ изъ временъ царствованія Петра Великаго. Въ двухъ частяхъ. Въ 12; 122 и 144 стран. Моск.

Смотр. № 9.

14. *Чужая жена и моя невѣста.* Похожденія однаго любителя прекраснаго пола. Соч. *У. У. У.* Въ двухъ частицахъ. Въ 12; 78 и 71 стран. Моск.

Весь расчетъ свой на успѣхъ книги сочинитель основалъ на ея заглавіи, поясненіи, на буквахъ, которыми означилъ себя, а болѣе всего на словѣ *частица*, вмѣсто часть. Въ такой мѣрѣ крошечная частица соображенія едва ли не обманетъ его.

15. *Матюшка Веревкинъ,* бунтовщикъ и самозванецъ, явившійся въ Россіи въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго. Историческій романъ

Алексѣя Поспѣлова. Въ двухъ частяхъ. Въ 16; 117 и 89 стран. Моск.

Историческаго въ этомъ романѣ только и есть, что выставлено имя Царя, при которомъ предполагаются событія.

16. *Дальній бояринъ*, древняя сказка, которая на быль похожа. Сочиненіе *Дмитрія Сумарокова.* Въ 16; 16 стран. Моск.

Хорошо, что коротко: и читать почти нечего.

17. *Посланіе о созвѣздіяхъ неба*, его высокоблагословенію, отцу протоіерею Успенскаго Собора, Андрею Тимоѳеевичу Тихвинскому, отъ *Сергѣя Мысовскаго-Святогорскаго.* Въ 8; 16 стран, Моск.

«*Созвѣздія неба*» воспѣты въ стихахъ: такъ древніе мудрецы посвящали народъ въ таинства законовѣдѣнія и любомудрія.

18. *Сонъ на Ивановъ день.* Романтическій разсказъ съ пѣніемъ. Въ двухъ дѣйствіяхъ. Съ хорами, балетами и великолѣпнымъ спектаклемъ. Сочиненіе *Николая Лавина. Стихи*, сочиненіе *Николая Лавина.* Въ 12; 36 стран. Моск.

Торжество изящныхъ искуствъ: поэзія, музыка, мимика и проч. все здѣсь соединено для очарованія зрителя, который не знаетъ, какъ защититься отъ нападенія на него музъ.

19. *Россія въ 1612 году*, или любовь къ отечеству. Историческая драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Николая Лавина.* Въ 12; 43 стран. Моск.

Смотр. № 15.

20. *Пріятный собесѣдникъ*, или собраніе любо-

пытныхъ и забавныхъ анекдотовъ, веселыхъ расказовъ, острыхъ изрѣченій, пословицъ, поговорокъ, остротъ, странностей, и проч., и проч. Собралъ *А. Ивановъ.* Въ трехъ частяхъ. Въ 16; 176, 144 и 196 стран. Моск.

Можетъ быть, и дѣйствительно есть люди, для которыхъ собесѣдникъ этотъ *пріятенъ.* Что касается до насъ, мы отъ него заперли двери.

21. *Письмовникъ*, или собраніе образцовыхъ писемъ на разные предметы и случаи общественной жизни человѣка. Съ присовокупленіемъ формъ и правилъ векселей, заемныхъ писемъ, прошеній и главнѣйшихъ оффиціальныхъ сношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствующихъ лицъ. Съ описаніемъ ярмарокъ, съ таблицами процентовъ и коммерческими письмами, и проч. Двѣ части. Составленъ *С. Шульцомъ.* Въ 12; 143 и 156 стран. Моск.

Замѣчено давно, что длинныя заглавія книгъ прикрываютъ только скудость ихъ содержанія. Такъ и здѣсь случилось.

22. *Феноменъ.* Карманный альманахъ. Въ стихахъ. Изданный *А. Пуговошниковымъ.* Въ 16; 12 стран. Моск.

Въ самомъ дѣлѣ *феноменъ:*

«Расказъ про рыбу золотую,
«Да про старуху удалую.»

Спрашивается: отъ чего же этотъ феноменъ названъ альманахомъ, да и карманнымъ? Гораздо справедливѣе нѣкоторыя изданія въ 60 томовъ называются

карманными: отъ нихъ изъ кармана значительно поубудетъ тяжести.

23. *Ариѳметика*, составленная *В. Аглоблинымъ.* Въ 8; 283 стран. Моск.

Въ числѣ учебныхъ книгъ эта ариѳметика, по ясности изложенія, по методѣ своей и способу доказательствъ, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Особенно для начальнаго преподаванія она можетъ быть употреблена съ несомнѣнною пользою.

24. *Управитель, экономъ, сельскій хозяинъ и счетоводъ*, объясняющій подробно всѣ предметы, относящіеся къ управленію, обогащенію и приведенію въ порядокъ помѣщичьихъ имѣній, или Русская хозяйственная книга для необходимаго руководства гг. помѣщиковъ и прочихъ лицъ, желающихъ получить общеполезныя свѣдѣнія въ наукѣ управленія имѣніями; съ приложеніемъ формъ, по которымъ должны составляться счеты и описи различнымъ предметамъ хозяйства. Сочиненіе, извлеченное изъ тридцатилѣтней практики эконома-хозяина. Двѣ части. Съ тремя рисунками *В. П...мъ.* Въ 8; 86 стр. Моск.

Смотр. № 21.

25. *Подарокъ добрымъ хозяйкамъ*, или легчайшій способъ кроить платья, по послѣднему утонченному вкусу, расположенный по симметрической методѣ. Въ 12 урокахъ, съ чертежами. Составленный *И. Г...вымъ.* Въ 12; 15 стран. Моск.

Мы совѣтуемъ добрымъ хозяйкамъ поскорѣе пріобрѣсти эту книжку. Спустя мѣсяцъ—утонченный

послѣдній ея вкусъ погрубѣетъ и состарится: тогда и *симметрическая метода* ея не поможетъ дѣлу.

26. *Мальчикъ съ пальчикъ,* или малъ золотникъ да дорогъ, Русская сказка въ двухъ частяхъ (въ стихахъ). Сочиненіе *В. Потапова.* Въ 12; 73 и 52 стран. Моск.

Г-нъ Потаповъ перешелъ отъ историческаго рода къ фантастическому. Здѣсь онъ свободнѣе, потому-что на своей почвѣ.

27. *Цыганка-оракулъ и книга бѣлой магіи.* Переведено съ древней рукописи, писанной на Халдейскомъ языкѣ. Въ 8; 229 стран. Моск.

Тутъ соединены гаданія съ волшебными увеселеніями. Охотники до тѣхъ и другихъ, покупкою книги, могутъ доставить истинное удовольствіе и себѣ и издателю.

II.

28. *Описаніе Вологодской губерніи.* Составлено и издано *Иваномъ Пушкаревымъ. Томъ I, книга IV* описанія Россійской имперіи. Въ 8; 125 стран. Спб.

29. *Краткая Исторія Европейскихъ государствъ* съ IV вѣка до нашихъ временъ. Составленная *Ѳедоромъ Куртенеромъ. Тетради II и III.* Исторія Испаніи и Португалліи. Въ 8; 38 и 32 стран. Моск.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. *О болѣзняхъ ремесленниковъ, промышленниковъ и фабричныхъ работниковъ.* Сочиненіе доктора *А. К. Л. Гальфорта.* Переведено съ Нѣмецкаго по приказанію Г. Министра Финансовъ и съ одобренія Медицинскаго Совѣта. Въ 8; VIII и 696 стран. Спб.

Появленіе этой книги на Русскомъ языкѣ болѣе всѣхъ должно порадовать владѣтелей заводовъ и фабрикъ, гдѣ источникъ болѣзней очень часто скрывается въ самомъ занятіи мастеровыхъ. Сочинитель изложилъ ученыя наблюденія свои не для однихъ врачей: его съ пользою можетъ читать всякой работникъ. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе этой книги есть уже охранительное средство для того, кто, не употребляя предосторожностей, неизбѣжно подвергается недугу. Подобныя книги должны быть распространены въ равномъ количествѣ съ календарями.

=

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Совѣтъ да привѣтъ добрымъ людямъ изъ Москвы бѣлокаменной. И. Сабурова.* Изданіе *второе* безъ перемѣны. Въ 8; 35 стран. Моск.

2. *Атаманъ буря*, или вольница Заволжская. Русскій романъ изъ преданій старины. Въ трехъ частяхъ. Изданіе *третье*. Въ 12; 104, 88 и 87 стр. Моск.

3. *Пара новыхъ Русскихъ росказней, Ивана Ваненка*. Изданіе *третье*. Въ 12; 150 стран. Моск.

4. *Полная Русская Хрестоматія*. Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе *третье*, пересмотрѣнное и дополненное примѣчаніями. Часть I. Въ 8; 570 и X стр. Моск.

5. *Краткая Русская азбука*, или букварь для обученія дѣтей чтенію. Изданіе *седьмое*. Въ 8; 47 стран. Спб.

6. *Учебникъ Русскаго языка и Грамматики для Русскихъ*, напечатанный по Высочайшему соизволенію. Изданіе *девятое*. Въ 12; XII и 220 стран. Моск.

7. *Руководство къ постепенному практическому изученію Нѣмецкаго языка*. Сочин. *Ренгартена*. Изданіе *третье*. Въ 8; XXIV и 128 стран. Моск.

8. *Ариѳметика*, служащая къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества, въ двухъ частяхъ. Вновь разсмотрѣнная и исправленная Кол. Ас. *Петромъ Куминскимъ*. Изданіе *шестнадцатое* безъ перемѣны. Въ 12; 166 стран. Моск.

9. *Курсъ чистой математики*, составленный, по порученію Беллавена, профессорами математики *Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ* и *Будро*. Съ Француз. перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ *П. Погорѣльскій*. Геометрія. Изданіе *четвертое*. Въ 8; 158 стран. Моск.

10. *Собраніе любимыхъ Русскихъ пѣсенъ.* Изданіе *четвертое*, безъ перемѣнъ. Въ 8; 31 стран. Моск.

11. *Карманный пѣсенникъ*, или собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ оперъ и водевилей. Собранъ *А. Андреевымъ.* Изданіе *второе.* Въ двухъ частяхъ. Въ 16; 102 стран. Моск.

РАЗНОЕ.

— Къ 1-му числу Ноября поступитъ въ продажу первый выпускъ «Ста рисунковъ изъ сочиненія Н. В. Гоголя: *Мертвыя души.*» Рисунки составлялъ *А. А. Агинъ*, а на деревѣ гравировалъ *Е. Е. Бернардскій.* Каждую недѣлю будетъ являться по одному выпуску изъ четырехъ рисунковъ, такъ, что все изданіе кончится въ первыхъ числахъ Мая 1847 года. Подписка принимается въ квартирѣ издателя рисунковъ, Е. Е. Бернардскаго, на Вас. остр., въ 9 лин., за Малымъ проспект., въ д. Антоновой подъ № 72. Еще можно подписываться въ Санктпетербургѣ же у книгопродавца Ратькова, а въ Москвѣ у Свѣшникова и Базунова. Цѣна безъ доставки 10 р. с.; за доставку здѣсь и въ другіе города прибавляется 1 р. 50 к. с.

— Мы извѣстили уже читателей нашихъ, что I и II части сочиненія *г. Скальковскаго*, подъ назва-

ніемъ: «Исторія Новой-Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго,» вышли *вторымъ* изданіемъ (XLIII, 250). Нынѣ получена здѣсь и III часть этаго изданія. Оно не составляетъ просто перепечатки стараго, а скорѣе новое, превосходно обработанное сочиненіе. Автору удалось пріобрѣсти столько любопытнѣйшихъ матерьяловъ объ этомъ предметѣ, что онъ съ любовію занялся передѣлкою книги своей и теперь кончилъ ее прекрасно.

— Въ XLVIII т. Отечественныхъ Записокъ (V. 6), сказано: «По нашему мнѣнію, единственный для Россіи путь къ развитію — усвоеніе Европейской цивилизаціи.» Странно, что о предметѣ столь важномъ издатели выражаются самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Слово *развитіе* требуетъ дополненія, потому-что ни одиаго нѣтъ предмета въ государствѣ, при которомъ бы нельзя было поставить *развитіе*. Уже ли мы, начиная съ идей религіозныхъ и спускаясь до семейнаго быта, все должны, по совѣту Отечественныхъ Записокъ, повернуть на иностранный ладъ? И даже въ словѣ *Европейская цивилизація* нѣтъ опредѣленности. Общей, однохарактерной цивилизаціи для всѣхъ народовъ въ Европѣ нѣтъ и быть не можетъ. Поразительнѣе всего противорѣчіе Отечественныхъ Записокъ самимъ себѣ. Въ нихъ же (т. VIII. II. 68) было сказано о Славянахъ, а въ томъ числѣ и о Русскихъ, слѣдующее: «Славяне занимаютъ средину между Европою и Азіею, и какъ солнце могутъ проливать лучи свѣта во всѣ стороны—на западъ и востокъ, на сѣверъ и югъ. Не упомянемъ о ихъ

отрасляхъ, о ихъ протяженіи въ нѣдра другихъ племенъ, о ихъ изгибахъ, которыми они, такъ сказать, сплетаются съ другими народами, и чрезъ то получаютъ возможность свободно дѣйствовать на сосѣдей, служить многостороннимъ проводникомъ образованія: мы коснемся только другихъ, внутреннихъ, менѣе извѣстныхъ обстоятельствъ. У другихъ народовъ, одна духовная способность или стѣсняетъ другія, или предшествуетъ имъ въ развитіи; духъ поэзіи клонится у нихъ преимущественно или къ чудесному (у Испанцевъ), или къ страстному (у Итальянцевъ), или къ остротѣ и общежительности (у Французовъ), или наконецъ къ умозрѣнію (у Нѣмцевъ); у Славянъ, какъ доказываютъ доселѣ извѣстныя намъ народныя пѣсни и собственно-художественныя произведенія поэзіи, кажется, участвовали всѣ силы духа подъ преимущественнымъ вліяніемъ фантазіи. Въ другихъ народахъ умъ и чувство на такомъ разстояніи одно отъ другаго, что читатель устаетъ, безпрестанно переносясь отъ головы къ сердцу: Славянинъ мыслитъ и чувствуетъ въ одно время. Въ храмѣ славы обнялись эти два генія-покровителя человѣчества, и изъ ихъ союза для будущности родится одна, лучшая жизнь, въ которой въ возможной полнотѣ предстанетъ и осуществится идеалъ человѣчества. Это, можетъ быть, одна изъ причинъ, почему мы такъ медленно подвигаемся въ образованіи: мы несемъ на вершину Олимпа въ *одномъ* сосудѣ *всѣ* дары, *всѣ* сокровища, дарованныя намъ свыше; другіе несутъ ихъ по частямъ, поodи-

начкѣ. И это весьма естественно. Другіе народы большею частію привязаны къ одному климату, обитаютъ подъ однимъ небомъ, гдѣ чувства или мерзнутъ отъ сѣвернаго холода, или выгораютъ отъ зноя южнаго: только Славянскій народъ живетъ и трудится подъ всѣми небесами, граничитъ тамъ съ Камчадаломъ, Лапландцемъ и Самоѣдомъ, здѣсь съ Итальянцемъ, Грекомъ, Арабомъ; а это бросаетъ свѣтъ во всѣ концы, развиваетъ всѣ изгибы его духа, приводитъ въ игру и движеніе всѣ силы и нервы его внутренней жизни. Ибо всякій народъ, отдѣльно взятый, есть органъ образованности и преимущественно поэзіи, условливаемый климатомъ: поэзія Итальянская развила въ себѣ рыцарство и вообще всѣ предметы, обильные поэзіею, совсѣмъ не такъ, какъ Скандинавская, гдѣ все является въ одной формѣ, подъ вліяніемъ природы сѣверной, которая бываетъ по-сердцу только самимъ жителямъ сѣвера. Славянская поэзія до сихъ поръ процвѣтала подъ всевозможными вліяніями, при всевозможныхъ направленіяхъ. Въ народѣ Славянскомъ сосредоточиваются всѣ религіозныя мнѣнія Церкви и вѣроисповѣданія: есть православные, католики, протестанты; они ограничиваютъ взаимно другъ друга и, съ одной стороны, удовлетворяютъ духу полнотою ощущеній и строгимъ выполненіемъ положительныхъ правилъ, а съ другой — безпрерывно побуждаютъ къ дѣятельности, даютъ пищу уму испытующему, и, какъ силы-соперницы, ведутъ родъ человѣческій къ дальнѣйшему образованію. Другое обстоятельство, ясно

указывающее Славянамъ на ихъ назначеніе — быть творцами новой эпохи въ образованіи человѣчества и дающее имъ на то средство, есть языкъ ихъ: въ немъ соединяются всѣ преимущества языковъ древнихъ и новыхъ. Мы не будемъ говорить о преимуществахъ и красотахъ языка Славянскаго—не потому, чтобы онъ былъ оцѣненъ достаточно въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о немъ съ эпохи возрожденія народа, но потому, что совершенства его не нуждаются ни въ доказательствахъ, ни въ похвалахъ. Чуднымъ образомъ языкъ Славянскій сосредоточиваетъ въ себѣ и оба рода стихосложенія языковъ древнихъ и новыхъ; онъ обладаетъ совершеннѣйшею Греко-Римскою классическою метрикою, имѣетъ и Германо-Романскую теорію ударенія, повышенія и пониженія голоса. Отъ этаго на языкѣ нашемъ можно легко, безъ всякихъ затрудненій писать стихи; ибо языкъ Славянскій свободно движется въ обѣихъ стихіяхъ, во всевозможныхъ поэтическихъ формахъ и родахъ стиховъ, и даже въ этомъ двойномъ объективно-субъективномъ стихосложеніи соединяетъ въ себѣ двѣ основныя стихіи образованія міра древняго и міра новаго. Гекзаметръ и стихъ Александрійскій, пентаметръ и стансы, метры Сафическій, Алкаическій и сонеты, ритмъ и количественность на языкѣ Славянскомъ удаются превосходно. Онъ соединяетъ въ себѣ логическую точность языковъ новыхъ въ прозѣ съ музыкальнымъ теченіемъ рѣчи въ поэзіи древней, для котораго необходима количественность и ритмъ, чтобы сообщить ей въ

высшей степени живость и изобразительность; ибо всѣ отношенія, основанныя на мелодіи музыкальной, поражая слухъ, дѣйствуютъ на сердце. Въ Романтической поэзіи вниманіемъ овладѣваетъ мысль; она преобладаетъ надъ звуками и заставляетъ насъ забывать неблагозвучіе и недостатки эвритмическіе: въ поэзіи Славянской оба условія совершенства мысли и формы могутъ быть достигнуты, могутъ быть соглашены. И эти условія находятся не только порознь въ частныхъ нарѣчіяхъ: ихъ можно видѣть нерѣдко въ одномъ и томъ же, на-пр. въ Богемско-Славянскомъ. Славянинъ, не выходя изъ своего племени, имѣетъ удобнѣйшій случай воспитать себя въ духѣ человѣчности, воспарить постепенно до высокой точки зрѣнія всечеловѣческой. Онъ можетъ мало-по-малу пріучать себя къ этому надъ отдѣльными, однородными племенами; онъ можетъ возвышать въ себѣ это чувство чистой любви къ человѣчеству, распространять его отъ лица на племя, отъ племени на многія племена, отъ племенъ на цѣлый народъ, на все человѣчество. Другіе народы такъ глубоко погрузились въ свою національность, такъ исключительно преданы этой эгоистической любви къ родинѣ, для которой внѣ отечества ничего нѣтъ, такъ влюблены въ свою завѣтную, богатую словесность, опутаны ею со всѣхъ сторонъ, что никакъ не могутъ двигаться свободно въ новой стихіи. У другихъ народовъ, идея человѣчности подчиняется идеѣ народности — у Славянъ будетъ напротивъ. Все это, вмѣстѣ взятое, количество народа, его по-

ложеніе между странами свѣта, подъ различными климатами, сліяніе въ немъ различныхъ религій и церквей, языковъ и поэзій, характеръ народа — все служитъ для насъ достаточнымъ ручательствомъ за народъ Славянскій. Онъ вполнѣ созрѣлъ для своего назначенія, къ которому призываютъ его времена и народы; ему исключительно принадлежатъ всѣ нужныя для того способности, качества и средства. Провидѣніе не можетъ противорѣчить самому себѣ: не уже ли допуститъ Оно, чтобы многочисленный, самобытный, богато-одаренный природою и много испытавшій народъ послужилъ Ему для ничтожной цѣли? Языкъ этаго народа Провидѣніе разлило далеко по лицу земли токомъ плавнымъ, естественнымъ, безъ насилія. Этотъ языкъ Оно провело по столѣтіямъ, воспитало и развило среди бурь и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, всегда предохраняло и спасало его. Вѣрно этотъ языкъ и этотъ народъ благословитъ Оно на великій подвигъ: надобно только, чтобы Славяне сами научились лучше понимать и повиноваться опредѣленіямъ Промысла.» Такъ, по всей справедливости, мыслящій и безпристрастный Критикъ долженъ судить объ этомъ дѣлѣ, которое теперь достойно занимаетъ первые умы въ Европѣ. Нельзя рѣшить его одною фразою. Потребны разностороннія и обширныя знанія. Вопросъ касается разработки въ Исторіи всѣхъ столѣтій съ паденія Западной Римской Имперіи до нашей эпохи. Этотъ періодъ до сихъ поръ оставался неполнымъ и, такъ сказать, искривленнымъ пристрастными су-

діями. Современникъ отстаиваетъ не *до-Петровщину,* какъ выражаются мнимые наши Западно-Европейцы, а честь и права Исторіи народовъ, которая должна хранить ихъ достоинство и заслуги въ поучительный урокъ потомкамъ. Все великое и прекрасное въ Исторіи носитъ двойственный характеръ — или какъ плодъ успѣховъ *обще-человѣческихъ,* или какъ черты *частно-народныя.* Безсмысленно было бы, въ противность истинѣ, отказаться отъ однаго, или другаго. Все въ мірѣ совершаетъ два пути: общій въ системѣ съ другими однородными предметами, и собственный по причинѣ частнаго своего назначенія. Такъ и Россія. Никто, никакими усиліями, не вытолкнетъ ея изъ системы человѣчества — и никто не убьетъ ея самобытнаго характера. Безчестно губить ей самой свое достоинство. Петръ Великій лучше всѣхъ понималъ эту истину. Онъ жадно изучалъ *обще-человѣческое,* но твердо удерживалъ въ отечествѣ нашемъ и *чисто-Русское,* что только достойно было этаго народа, для котораго не щадилъ онъ ни трудовъ, ни жизни своей. Модные наши *Западно-Европейцы* должны бы почаще припоминать, какое родительское наставленіе Петръ Великій *прочиталъ* Татищеву, когда онъ, возвратившись изъ-за границы, вздумалъ завираться на образецъ иностранный. Ежели для Отечественныхъ Записокъ ничего не значитъ сегодня говорить: это *бѣлое,* а завтра о томъ же: это *черное*; такъ мы поздравляемъ ихъ съ успѣхами въ Европейской цивилизаціи.

САМОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

I.

Теперь, можетъ быть, иной и не знаетъ, что есть на свѣтѣ село Прохоровка; но въ-старину, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, или немного больше, Прохоровка была также извѣстна всякому, какъ и Золотоноша: а была она извѣстна потому, что жилъ тогда въ ней старый сотникъ Чуйкевичь, человѣкъ препочтенный, гостепріимный и привѣтливый ко всякому. Домъ его стоялъ на горѣ, которая теперь называется Михайловою. Былъ онъ человѣкъ уже въ-лѣтахъ, и потому поясъ по жупану носилъ очень низко. Осанку имѣлъ очень пріятную, глаза веселые, щеки полныя и румяныя, усы бѣлые, опущенные къ-низу, по-гетмански.

Все его семейство составляла дочка Катя, дѣвушка похожая на отца—значитъ, по примѣтѣ народной, счастливая; сколькихъ именно лѣтъ, это опредѣлить трудно, потому-что Малороссіяне вообще считать не любятъ, особливо если счетъ коснется дѣвическихъ лѣтъ. Катя впрочемъ не имѣла еще причины бояться этаго счету: она еще недавно достигла того возраста, въ которомъ дѣвушка съ особенной охотой начинаетъ гадать о суженомъ.

Гадала неразъ уже съ сердечнымъ волненіемъ Катя—и, чудное дѣло! всегда ей выходило вѣрное предвѣщаніе скораго замужства. Это предвѣщаніе заставило ея сердце дозрѣть скорѣе обыкновеннаго и столпило въ ея воображеніи цѣлый рой образовъ, одинъ другаго прекраснѣе. Особенно обняли ее сладкія думы о суженомъ съ того времени, когда, въ послѣдній разъ, гадая на кутьѣ, она три раза выбѣгала за ворота спрашивать имени прохожаго, и три раза ей отвѣчали — *Өедоръ!* Съ той поры имя *Өедоръ* сдѣлалось для нея самымъ сладкозвучнымъ именемъ; воображеніе украшало этаго Өедора всѣмъ, что только нравится дѣвушкамъ въ мущинахъ, и, не любя еще никого, Катя была уже полна самой нѣжной любви.

Отецъ ея, не имѣя сыновей, такъ былъ къ ней нѣженъ, что не хотѣлъ воспользоваться сурово своею властію касательно выбора для нея жениха, и предположилъ дать ей полную свободу, если встрѣтится человѣкъ, котораго она полюбитъ—тѣмъ болѣе, что онъ увѣренъ былъ и въ основательности ея характера, и въ той истинѣ, что жизнь, смерть и замужство назначаются Богомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла описанныхъ мною особъ до самаго того дня, когда сотникъ Чуйкевичь, соснувши часъ-другой послѣ обѣда, вышелъ на рундукъ своего дома посидѣть на свѣжемъ воздухѣ, который въ пору дня между четырьмя и осьмью часами особенно ему нравился.

Домъ его, какъ я уже сказалъ, стоялъ на го-

рѣ. Съ нея открывался видъ на Днѣпръ, на живописныя Днѣпровскія горы, на луга и на все село Прохо́ровку, которое не знало команды архитектора, и потому заняло своими бѣлыми хатками, какъ пришлось, въ иномъ мѣстѣ косогоръ, охлаждаемый тѣнію высокихъ вязовъ, въ другомъ оврагъ, покрытый по краямъ сиренію, въ иномъ обступило древнюю, полуразрытую могилу, въ которой, можетъ быть, тлѣютъ кости какаго-нибудь Печенѣга съ его конемъ, собаками, соколомъ, лукомъ и полными доспѣхами.

Папъ сотникъ поводилъ по всему этому пейзажу лѣнивыми глазами, взглянулъ на синѣющіяся вдали необозримою цѣпью горы, на Днѣпръ, на зеленый лугъ, гдѣ косятъ его косари, а его ключникъ Харко̀ усердно разноситъ имъ *ручковую*. Отъ косарей глаза пана сотника обратились на село Прохоровку, и тутъ прежде всего замѣтилъ онъ, какъ взъѣхалъ на дворъ къ кузнецу Тарасу какой-то путешественникъ. Красный цвѣтъ жупана и уборъ коня показывали, что это не простой козакъ. Почему жъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? подумалъ сотникъ; или онъ не знаетъ сотника Чуйкевича, или не смѣетъ прямо къ нему ѣхать?

Едва онъ задалъ себѣ такой вопросъ, какъ вышла къ нему на крыльцо Катя.

— Какъ ты думаешь, Катя, сказалъ онъ, не послать ли намъ просить этаго пана отдохнуть у насъ послѣ дороги?

Катя, какъ и всѣ живущіе въ деревняхъ, лю-

била видѣть у себя гостей, и потому не нужно было повторять ей такаго предложенія. Тотчасъ послана была вѣстница, не уступавшая въ быстротѣ ногъ Гомеровой Ирисѣ.

II.

Пріѣзжій былъ очень молодъ, былъ еще въ томъ возрастѣ, когда юношѣ во снѣ и наяву мерещатся видѣнія романической любви; но задумчивъ и невеселъ ходилъ онъ по двору кузнеца Тараса и не думалъ ни о пищѣ, ни объ отдыхѣ. Отъ чего жъ онъ задумчивъ и невеселъ? Не уже ли его, съ черными бровями, не любитъ какая-нибудь Ганнуся, или Гапуся, или Орися, или какое-нибудь изъ тѣхъ нѣжныхъ, уменьшительныхъ именъ, которыми наши Малороссійскія маменьки называютъ своихъ полнощекихъ дочерей? Можетъ быть, его любитъ и не одна Орися, не одна Настуся; но для него еще не нашлось такаго имени, которое для его слуха было бы пріятнѣе всякой пѣсни и музыки.

Это-то его и печалитъ, а печалитъ потому, что онъ, не испытавъ до сихъ поръ ничего, похожаго на любовь, долженъ былъ почти противъ воли ѣхать подъ Переяславъ и возвратиться домой съ молодою женою.

Мать его, вдова Золотоношскаго хорунжаго Хильчевскаго, не надѣясь долго прожить на свѣтѣ, желала послѣдней радости — видѣть своего милаго Ѳедю въ-парѣ и подержать на рукахъ маленькаго внучка. Подобное желаніе — самое сладостное для

стариковъ-родителей; исполненіе его есть требованіе души, которой отрадно перейти въ вѣчность, оставивши себя на землѣ въ новомъ, сильномъ и и цвѣтущемъ поколѣніи.

Недавно были они вмѣстѣ при освященіи воды близъ Переяслава, въ праздникъ Бориса и Глѣба. Туда съѣхались едва ли не всѣ паны Золотоношскіе, Прилуцкіе, Пирятинскіе и даже Хорольскіе и Миргородскіе. Тамъ охотнику жениться можно было высмотрѣть для себя невѣсту изъ цѣлой сотни дѣвушекъ. Стоя вмѣстѣ съ сыномъ въ кругу знакомыхъ и незнакомыхъ семействъ, почтенная хорунжая Золотоношская старалась обратить вниманіе своего Ѳеди на красавицъ, которыя стояли, какъ на картинѣ, и по ту и по сю сторону.

— Видишь ли, Ѳедя, говорила она, ту, что на шеѣ блеститъ большой золотой дукатъ? Это Крутоверхаго Настуся, дочка моей доброй пріятельницы, покойницы Марьи Ивановны. Э! возлѣ нея, что въ голубомъ штофномъ кунтушѣ—это Орися, сотниковна Переяславская. А тамъ дальше, въ цвѣтахъ, высокая панночка—то Надя, дочка асаула Нѣжинскаго.

И Ѳедя, котораго больше всего привлекалъ рядъ церковныхъ хоругвей, блестѣвшихъ пурпуромъ и золотомъ на голубомъ небѣ, да рядъ священниковъ, сіявшихъ золотыми ризами въ дыму кадильнаго ѳиміама, долженъ былъ, въ угожденіе матери, пересматривать цѣлые десятки дѣвушекъ. Къ каждой изъ нихъ она прикладывала свое замѣчаніе, болѣе или менѣе важное; но это завлекало его мало.

Онъ взглянулъ лѣниво на большой золотой дукатъ, потомъ на голубой кунтушъ, потомъ на свѣжіе цвѣты, потомъ опять возвратился къ дукату—и вмѣстѣ съ нимъ бросились ему въ глаза и свѣжія розовыя губки, и черныя брови, и шея, бѣлая и нѣжная, обданная отливомъ алаго платья. Все это вмѣстѣ сдѣлало на него какое-то пріятное впечатлѣніе; но, возвратясь домой, въ свой Березовый хуторъ, онъ совершенно забылъ о красавицѣ съ золотымъ дукатомъ—и, когда мать на другой день спросила, которая изъ дѣвушекъ больше всѣхъ ему понравилась, онъ едва могъ припомнить, что ему больше всѣхъ понравилась Крутоверхаго Настуся.

Старушка простодушно обрадовалась его отвѣту и подумала: «слава жъ тебѣ, Господи; пойдетъ, кажется, дѣло на-ладъ.» И съ того времени начала напоминать иногда сыну о своей старости и о его возрастѣ, въ который безъ доброй подруги приходятъ въ голову однѣ только шалости; стала представлять ему выгоды семейной жизни и то счастіе, которое возможно въ этомъ мірѣ только для семейнаго человѣка. Хорунжая была умная женщина: она говорила своему Ѳедѣ все это не вдругъ, но раздѣляла свою проповѣдь на небольшіе пріемы, которые бы не испугали молодаго ума и сердца.

Такими благоразумными мѣрами достигла она наконецъ до того, что Ѳедя покорился совершенно ея волѣ и выѣхалъ изъ дому съ обѣщаніемъ исполнить все по ея желанію. Рѣшено было ѣхать спер-

ва ему одному, предложить старому пану Крутоверхому свое желаніе, а черезъ два дня пріѣдутъ съ его стороны тѣ важные депутаты, безъ которыхъ свадьба не была бы свадьбою, кончатъ все дѣло и торжественно привезутъ его съ молодою въ Золотоношскій его хуторъ.

Въ наше время и въ самой Малороссіи было бы крайне смѣшно ѣхать съ рѣшительнымъ предложеніемъ къ дѣвушкѣ, которую едва разъ въ жизни видѣлъ. Но въ ту простодушную эпоху подобнаго рода поступки были весьма приличны. Обыкновенно, бывало, свадебные трактаты рѣшатъ между собою заблаговременно родители, а дѣтямъ оставалось только ихъ выполнить, ко всеобщей радости и къ крайнему огорченію развѣ только куръ, гусей, утокъ, барановъ, быковъ и тому подобныхъ господъ, которыхъ въ такомъ случаѣ истреблялось всегда количество несмѣтное.

Хорунжая Хильчевская, какъ нарочно, въ послѣдній разъ свидѣвшись на свадьбѣ у сосѣда съ паномъ Крутоверхимъ, возобновила давнія предположенія о его дочери и своемъ сынѣ, которыхъ они когда-то, въ старые годы, условились соединить въ одну пару. Значитъ, со стороны согласія отца опасаться было нечего: въ цѣломъ полку онъ не выбралъ бы пріятнѣйшаго для себя зятя. Потому-то женихъ выѣхалъ къ невѣстѣ безъ всякихъ сомнѣній и опасеній касательно извѣстнаго въ Малороссіи *гарбуза*— вещи, столь противной для возымѣвшихъ ревностное желаніе заключить себя въ узы брака.

Выѣхалъ онъ съ веселою душою, подъ вліяніемъ материнскихъ совѣтовъ и нѣжныхъ просьбъ. Но по мѣрѣ того, какъ отдалялся онъ отъ хутора, пріятныя грезы улетали изъ головы его, и ему становилось все грустнѣе и грустнѣе. Сперва затруднялъ его вопросъ: что̀ онъ скажетъ пану Крутоверхому и его дочери, съ которою отъ-роду не говорилъ ни слова? Потомъ сталъ подумывать и о томъ, какъ онъ станетъ жить съ молодою женою? Такъ ли она и добра, какъ хороша наружностью? Можетъ быть, онъ наживетъ въ ней себѣ бѣду и погубитъ навсегда свои молодыя лѣта. Погруженный въ эти грустныя размышленія, онъ не замѣтилъ, какъ миновалъ и Кривую Балку, и Орлиную Гору, очнулся только въ Прохоровкѣ. Усталость коня заставила его подумать объ отдыхѣ, и онъ въѣхалъ въ первый хорошо обстроенный дворъ. Но едва успѣлъ разсѣдлать и поставить къ стойлу своего коня, какъ предстала предъ нею быстроногая вѣстница Кати, Оришка.

Запыхавшись отъ излишняго усердія къ своей панночкѣ, Оришка, вмѣсто того, чтобъ пригласить пріѣзжаго отъ лица пана сотника, предложила ему гостепріимство отъ лица Кати. Хильчевскій зналъ, что въ Прохоровкѣ живетъ сотникъ Чуйкевичь, и потому спросилъ: — А пана жъ развѣ нѣтъ дома?

Оришка тогда спохватилась и поправила свою ошибку:—Якъ нима? И панъ дома, и панъ просилъ, а то таки панночка особо такъ просила, такъ просила, що Господи!

Удивился немало мой путешественникъ такой усильной просьбѣ отъ незнакомой ему дѣвушки; но, какъ отговариваться въ такомъ случаѣ было бы крайнею неучтивостью, то немедленно согласился на предложенное гостепріимство и пошелъ на гору по указанной ему тропинкѣ.

III.

Подошедши къ крыльцу и увидѣвъ передъ собою патріархально-важную особу пана сотника, нужды нѣтъ, что эта особа была порядочно заспана, молодой человѣкъ почувствовалъ должное почтеніе къ ея сану и лѣтамъ, снялъ шапку и поклонился довольно низко. Сотникъ привѣтствовалъ его благосклонно и, взявши слегка подъ руку, повелъ въ свою свѣтлицу.

— Не знаю, козаче, говорилъ онъ, откуда тебя Богъ несетъ, и какъ зовутъ тебя, и какаго ты роду и племени; но прежде всего попѣняю, что не заѣхалъ ко мнѣ, а остановился у кузнеца. Но, какъ бы то ни было, просимъ садиться.

Гдѣ жъ была въ это время Катя? Вѣрно ушла принарядиться получше для гостя, или, можетъ быть, хлопотала на кухнѣ, чтобы приготовили ужинъ не въ примѣръ обыкновенныхъ дней? Нѣтъ, ни то, ни другое. Она была тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ—и, если говорить правду, смотрѣла на гостя въ щелочку. Что жъ дѣлать? Надобно прощать нѣкоторыя невинныя слабости ближнимъ: иначе всѣ будутъ осуждены.

Панъ сотникъ, по Украинскому обычаю, не вдругъ

приступилъ къ распросамъ; прежде всего позаботился онъ покормить гостя, совершившаго, можетъ быть, весьма далекій путь. И-такъ поданъ былъ полдникъ. Хозяинъ сѣлъ по одну сторону стола, а гостя посадилъ по другую, и тутъ завязался межъ ними разговоръ, произведшій необыкновенное впечатлѣніе на Катю. Поднесши къ губамъ серебряную чарку, сотникъ сказалъ:—Радъ я, очень радъ, что Богъ послалъ мнѣ такаго пріятнаго гостя. Ну, будьмо жъ здоровы! Скажи жъ, козаче, какъ тебя величать?

— Имя мое Ѳедоръ, скромно отвѣчалъ гость.

Сердце Кати, при словѣ *Ѳедоръ*, такъ сильно встрепенулось, что она отскочила отъ дверей, какъ бы опасаясь, чтобъ не услышали въ свитлицѣ.

— А по отечеству?

— А по отечеству, Ивановичь.

— Ѳедоръ Ивановичь, говорилъ панъ сотникъ, какъ бы разжевывая это имя и стараясь добиться, что̀ въ немъ за толкъ. — Не по знаку̀ ли ты мнѣ, козаче?

Гость отвѣчалъ: — Я васъ, панъ сотникъ, давно знаю, еще съ того времени, когда вы пріѣзжали къ намъ въ хуторъ вмѣстѣ съ Запорожцемъ, Бурлакомъ.

— Такъ ты изъ Березоваго хутора?

— Изъ Березоваго хутора.

— Сынъ хорунжаго Хильчевскаго?

— Сынъ хорунжаго Хильчевскаго.

— Вотъ тебѣ на! воскликнулъ громко панъ сотникъ. — Что жъ это ты не признаешься до сихъ

поръ? Знаешь ли ты, голова козацкая, у кого ты въ-гостяхъ? Ты въ-гостяхъ у такаго человѣка, который за твоего отца, а твой отецъ за него, готовы были душу положить!

И тутъ уже, отерши хорошенько усы, обнялъ своего гостя и поцѣловался съ нимъ самымъ степеннымъ образомъ, сперва направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо.

— Теперь же, пріятелю, сказалъ онъ, положимъ съ тобою такой уговоръ, что сегодня ты у меня ночуешь.

— Благодарствую за ласку, панъ сотникъ, чо не могу остаться: ѣду за нужнымъ дѣломъ.

— Что жъ тамъ за нужное дѣло? скажи, скажи; посмотримъ, не уже ли ради него нельзя подарить часу-другаго такому давнему, какъ я, пріятелю?

Но гость вмѣсто отвѣта покраснѣлъ и не зналъ, что̀ отвѣчать своему гостепріимному хозяину. Въ самомъ дѣлѣ: какъ юношѣ, еще такъ молодому, признаться, что ѣдетъ свататься?

— Что жъ ты не отвѣчаешь, козаче? Ужъ не жениться ли послала тебя матука? сказалъ сотникъ шутя, и какъ разъ угадалъ цѣль его поѣздки.

Засмѣявшись простосердечно отъ своей выходки, онъ цродолжалъ: — Да ужъ если въ самомъ дѣлѣ матушка снарядила тебя искать невѣсты, то и забиваться далеко не для чего: у меня есть для тебя такая краля, что чудо! а такаго молодца какая дѣвушка не полюбитъ?

И опять засмѣялся и потрясъ дружески своего гостя за плечо.

Старики удивительно-какъ умѣютъ принять въ свои руки молодаго человѣка и потомъ распоряжаться имъ по своей волѣ. Не давъ еще слова остаться ночевать у сотника, нашъ молодой человѣкъ не зналъ, какъ отказаться отъ ночлега, тѣмъ болѣе, что причина его поспѣшности была такая щекотливая, а къ-тому жъ сотникъ принялъ такой видъ, какъ-будто это дѣло уже рѣшеное; нужно было также уважить и его гостепріимство, такъ добродушно предлагаемое. Все это вмѣстѣ связало языкъ гостю и дало хозяину неотъемлемое право распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію, по крайней мѣрѣ до завтрашняго дня.

IV.

Похвалившись передъ гостемъ дочкою, панъ сотникъ хотѣлъ доказать это на дѣлѣ, и позвалъ Катю. Она вошла, покраснѣвши и почти ничего не видя передъ собою.

— Вотъ моя дочка Катя, сказалъ сотникъ. Будьте знакомы. Ты не знаешь, Катя, кто это? это сынъ того самаго хорунжаго, про котораго такъ часто я вспоминаю. Если у него найдется хоть половина достоинствъ отца, то уже его стоитъ любить и даже жаловать, если хочешь. Ха ха ха!

Молодые люди взаимно поклонились, и гость на первый разъ совершенно не разглядѣлъ, въ какой степени хороша представленная ему *краля*; но почему не разглядѣлъ, трудно растолковать: случи-

лось какъ-то такъ, что лицо Кати виднѣлось ему какъ бы сквозь сѣтку; только черныя, высоко поднятыя брови бросились ему въ глаза и нѣсколько разъ повторились на воздухѣ, и вверху, и внизу и по сторонамъ, подобно тому, какъ если взглянешь иногда на солнце, и потомъ, куда бы ни обратилъ глаза, оно плаваетъ предъ тобой неотвязно въ видѣ зеленыхъ, красныхъ и темныхъ кружковъ. Только, когда Катя чинно усѣлась противъ него на стулѣ, котораго спинка была въ-уровень съ ея головою, и когда онъ, разговаривая съ сотникомъ, началъ посматривать иногда и на молчаливую, по долгу приличія, красавицу, онъ нашелъ ее чрезвычайно привлекательною.

Катя не была одарена поразительною красотою, но въ ея кроткихъ и вмѣстѣ благородныхъ чертахъ всякій прочелъ бы, кажется, душу, въ которой нѣтъ обмана. Не знаю, почему именно казалось такъ моему юношѣ; только, чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на новую свою знакомку, тѣмъ больше она ему нравилась.

Въ то время существовалъ еще во всей силѣ странный обычай, что дѣвушка въ обществѣ должна сидѣть молча и неподвижно на своемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не начнутся танцы, или какія-нибудь домашнія игры.

На такое тягостное положеніе осуждена была и Катя. Ей даже не слѣдовало полдничать вмѣстѣ съ отцемъ и гостемъ. За обѣдомъ ѣсть было можно; но дѣвушки больше всего боялись обнаружить сильный аппетитъ: онѣ едва прикасались къ блю-

дамъ, какъ будто нѣжная природа ихъ могла питаться однимъ паромъ кушаньевъ.

И-такъ Катя не участвовала въ полдникѣ. Что жъ касается до гостя, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, какъ прилично путешественнику; самъ панъ сотникъ тоже, какъ прилично хорошо устроенному человѣку. Пирожки и прочіе съѣстные припасы исчезали предъ ними, какъ исчезаетъ снѣгъ отъ лица огня. Не была забыта при этомъ случаѣ и наливка, такъ-что, хотя гость и скромничалъ передъ дѣвушкою и передъ своимъ почтеннымъ хозяиномъ, однако жъ всталъ изъ-за полдника гораздо веселѣе и развязнѣе, нежели сѣлъ за него; въ глазахъ же пана сотника, и безъ того веселыхъ, прибавилось еще больше огня, а полныя щеки его сильно зарумянились.

— Радъ же я, очень радъ, говорилъ онъ, что Богъ послалъ мнѣ такаго милаго гостя. Теперь, пріятель мой любезный, слѣдуетъ намъ выпить изъ бѣлыхъ рукъ моей панночки. Какъ ты думаешь? а?

— Козакъ отъ сотника никогда не отстанетъ! сказалъ весело мой рыцарь, котораго голову началъ уже обнимать вѣнокъ Бахуха.

— Вотъ славно сказано! воскликнулъ сотникъ, щелкнувши надъ головою пальцами; вотъ люблю козака! Ну, если такъ, то надобно выпить намъ изъ дѣдовской чарки. Катя, достань тамъ изъ скарбца любимую мою чарку.

Катя отправилась за чаркою, а сотникъ продолжалъ: Прежде, нежели будешь держать въ рукахъ ту чарку, нужно тебѣ знать, что она пода-

рена мнѣ твоимъ отцомъ. Вотъ она! подай сюда, Катя! Видишь, что на ней написано:

Любовь уподобися сосуду злату, ему же разбитія никогда не бываетъ, аще и погнется! Мы крѣпко любили одинъ другаго съ твоимъ отцомъ; и сколько лѣтъ миновало, сколько было и горя и радости, и всякихъ обстоятельствъ, а никогда одинъ другому не измѣнили. Потому мнѣ и мила эта надпись, и потчеваю я изъ этаго кубка только тѣхъ, кого люблю отъ всей души.

Такъ говоря, онъ откупорилъ тяжелую бутылку и отдалъ Катѣ. Краснѣя передъ гостемъ, она налила дрожащею рукою кубокъ, но поднесла его сперва не гостю, а отцу. Таковъ обычай гостепріимства Малороссійскаго. Друга ли, недруга ли угощалъ южный Русинъ, съ самыхъ незапамятныхъ временъ, сперва самъ ѣлъ и пилъ отъ всего предлагаемаго гостю, въ доказательство, что подаетъ ему все здоровое и безвредное.

Поднявъ дорогой кубокъ надъ головою, и почувствовавъ ту радостную минуту, въ которую этотъ кубокъ былъ ему подаренъ, панъ сотникъ одушевился еще больше и сказалъ:—Коротка жизнь человѣческая, но длинна она воспоминаніями; тѣсно и мало наше сердце, но велико оно любовью! такъ говорятъ древніе философы. Выпьемъ, коханый пріятель, за здоровье всѣхъ, кто теперь кого любитъ, и за упокой тѣхъ, кто жилъ и любилъ прежде насъ!

На это гость весьма кстати отвѣчалъ стихами народной пѣсни:

За здоровье того,
А хто любить кого!
На погибель тому,
Хто завидуе кому!

— Славно, славно! закричалъ сотникъ въ восторгѣ. Видно козака, видно козака! Таковъ именно и долженъ быть сынъ моего Хильчевскаго!

Тутъ онъ обнялъ его лѣвою рукою, поцѣловалъ, выпилъ кубокъ и брызнулъ остаткомъ въ потолокъ.

— Такъ пей, сказалъ онъ, то будешь козакомъ! Ну, Катя, гостю!

Катя налила и для гостя и, опустивъ скромно глаза, поднесла ему кубокъ.

— Ну, пей же, пріятель мой, до половины, говорилъ сотникъ, только скажи напередъ, за чье здоровье?

— За чье жъ больше, отвѣчачъ гость, хотя впрочемъ нетвердымъ голосомъ, какъ не за здоровье чернобровой хозяйки?

— Браво! сказалъ сотникъ. А что, Катя? чѣмъ не козакъ нашъ гость?

Катя слегка поклонилась. Гость выпилъ до половины.

— Ну, Катя, теперь пей ты, но изъ его руки.

— Батюшка! какъ можно, сказала Катя, жалобно смотря на своего отца, котораго волю пріучена была исполнять безъ отговорокъ.

— Какъ можно? что это? Не пить такаго вина! Да знаешь ли ты, что каждая капля его прибавитъ день жизни человѣку?

Видя, что сопротивленіе невозможно, Катя должна была выпить нѣсколько капель изъ руки гостя.

— Теперь ты долженъ окончить кубокъ, сказалъ панъ сотникъ гостю.

Молодые люди думали, что церемонія этимъ кончилась, и сдѣлали движеніе, чтобъ разойтись.

— Что вы? что ты, пріятель? закричалъ сотникъ, не жалѣя голоса. Эхъ, и ты, голова козацкая! кто жъ встаетъ изъ-за стола, не кончивши обѣда? а обѣдъ кончается самымъ вкуснымъ кушаньемъ. Возьмитесь за руки!

Но молодые люди стояли неподвижно.

— Что жъ вы стоите, какъ намалеваные? говорилъ онъ, смѣясь, и самъ взялъ и сложилъ ихъ руки вмѣстѣ.

Катя отъ стыда не знала, куда дѣваться, и хотя безъ сомнѣнія это будетъ для нея въ-послѣдствіи предметомъ самыхъ пріятныхъ восцоминаній, но въ ту минуту положеніе ея было истинно тягостно.

— Обычай такъ установилъ, говорилъ назидательнымъ голосомъ сотникъ, что кто съ кѣмъ пьетъ изъ одной чарки, тотъ долженъ выпивши поцѣловаться. Поцѣлуйтесь, дѣти!

Но этаго было уже такъ много на первый разъ, что Катя, не ожидая принужденій, вырвалась и убѣжала изъ свѣтлицы.

— Га-га-га! смѣялся простодушно панъ сотникъ. Не умѣлъ, козаче, держать въ рукахъ птички; жалуйся же на себя, что выпорхнула.

V.

Катя и Өедоръ были счастливѣйшіе изъ любовниковъ, если только можно уже ихъ такъ назвать: тутъ не противорѣчила ни разность званій, ни разность лѣтъ. Едва успѣли они взаимно понравиться, какъ все уже имъ способствуетъ—и, кажется, сама судьба научала сотника дѣйствовать въ помощь робкимъ ихъ сердцамъ. — А что, дѣти! сказалъ онъ, до ночи еще далеко. Не поѣхать ли намъ на лугъ къ косарямъ? Вели, Катя, запрячь въ Краковскую.

Скоро старинная длинная брика была готова, и они всѣ трое усѣлись рядомъ, выѣхали со двора и начали спускаться съ горы. Видъ передъ ними лежалъ прелестнѣйшій. Вдали на горахъ синева спорила съ багровымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Вся луговая сторона подернулась прозрачнымъ красноватымъ паромъ; зелень виднѣлась тускло; вода въ Днѣпрѣ, въ его рукавахъ и озерахъ блестѣла пурпуромъ, отражая гаснущій западъ.

Въ селѣ было пусто, потому-что всѣ почти поселяне работали въ полѣ. Только въ концѣ села, на выгонѣ, увидѣли наши паны нѣсколько дѣвушекъ, которыя вышли на встрѣчу идущему съ поля стаду. Всѣ онѣ любили Катю, какъ добрую свою панночку: это было тотчасъ видно по ихъ радостнымъ привѣтамъ и поклонамъ. Со всѣхъ сторонъ пріятные голоса посылали ей: «Добрый вечеръ!» А она отвѣчала, проѣзжая мимо: «Здравствуй, Галя! здравствуй, Орися! здравствуй, Өеся!» и назвала почти

каждую изъ нихъ по имени, что̀ было имъ очень пріятно, потому-что мы всегда съ удовольствіемъ слышимъ свое имя изъ устъ того, кого любимъ. За то жъ и Катя не была оставлена безъ комплимента. Когда бричка отъѣхала немного дальше, одинъ звонкій голосокъ, полагая, видно, что паны его не слышатъ, сказалъ: — Знаете ли, сестрички, что̀ это за паничь? это женихъ нашей панночки!

— Ой! будто? закричали всѣ. А какая славная будетъ парочка! Сидятъ вмѣстѣ, какъ голубь съ голубкою!

Эти слова всего пріятнѣе было слышать моей Катѣ, хоть она отъ нихъ и покраснѣла; не менѣе того было пріятно и ея сосѣду, который давно уже забылъ, что ѣдетъ свататься къ пану Крутоверхому; не менѣе того пріятно и самому пану сотнику. Панъ сотникъ отъ удовольствія не утерпѣлъ даже, чтобъ не усмѣхнуться и не сказать:—Вражьи дѣвчата! не дурно разсуждаютъ! А кто знаетъ? подумалъ онъ: можетъ быть, это и сбудется!

Такъ ли медленно, какъ я расказываю, ѣхала Краковская бричка пана сотника, или, быть можетъ, немного скорѣе, только наконецъ выбралась она въ поле. И едва сдѣлала нѣсколько зигзаковъ по узкой проселочвой дорогѣ, какъ паны услышали вдали пѣсню и скоро увидѣли толпу косарей, похожую на отрядъ войска. Каждый несъ на плечѣ свою косу, а красное, заходящее солнце, блистая въ широкихъ стальныхъ полосахъ, давало этой толпѣ видъ живописный и воинственный.

— Здорово, козаки! сказалъ сотникъ.

— Здорово, батько! загремѣло нѣсколько голосовъ, и ихъ шумный привѣтъ чудесно смѣшался съ широко разлегающимся напѣвомъ пѣсни.

— А что? всѣ на ногахъ?

— Всѣ, батько!

— А много накосили?

— Всю полосу скосили. «Хоть не рано почали, да багато утяли.»

— Ну, добре жъ, дѣти! Поѣдемъ вечерять. Заворачивай, Сидоръ.

И Сидоръ, въ синей вытертой курткѣ, чмокнувши нѣсколько разъ, заворотилъ лошадей и направилъ домой. За бричкою шли веселые косари—и что есть мочи, затягивали Запорожскую пѣсню.

Не буду описывать, какъ сотникъ угощалъ ихъ на своемъ подворьи ужиномъ, какъ послѣ ужина козаки танцовали подъ музыку бандуриста и катались колесомъ, какъ ужинали наконецъ сами паны и потомъ предались сладкому покою, для котораго такъ премудро выдумана темная, тихая и прохладная ночь. Скажу только, что этотъ день сдѣлался важнымъ для всей остальной жизни моего Өедора. Когда косари собрались на подворьи и усѣлись за длинные столы, панъ сотникъ, по обычаю хозяина, вышелъ къ нимъ и самъ поднесъ чарку настоянки каждому; а гость и Катя остались одни. Съ минуту они молчали. Наконецъ Өедоръ сказалъ:
— Мнѣ кажется, будто я вижу васъ не въ первый разъ?

— И мнѣ такъ кажется, краснѣя отвѣчала Катя.

— Не были ли вы однажды съ своею матушкою, лѣтъ восемь назадъ, въ Красномъ хуторѣ?

— Да, мы тамъ бывали, когда еще жива была Катерина Ивановна.

— Въ тотъ разъ, который я помню, вы были въ красномъ бархатномъ корсетѣ; а на рукавахъ у васъ вышиты были цвѣты и птицы?

— Какъ вы все это помните?

— Какъ же мнѣ не помнить, когда мы тогда составляли одну пару? вы не забыли, я думаю, въ какую игру мы тогда играли?

— Нѣтъ, отвѣчала Катя, и покраснѣла.

— А въ какую жъ?

— Да зачѣмъ же вамъ спрашивать, когда вы и такъ знаете? и покраснѣла еще больше.

— Я хочу узнать, помните ли вы, въ какую именно?

— Мы играли въ свадьбу.

— Да, и я былъ женихомъ, а вы невѣстою!

Не знаю, какъ это произошло, что Ѳедоръ отъ обычной своей застѣнчивости перешелъ къ развязности искателя невѣсты; только, по мѣрѣ того, какъ Катя краснѣла, сердце его пріобрѣтало больше рѣшимости; наконецъ онъ взялъ ее за руку и безъ обиняковъ сказалъ:—Что̀, если бъ теперь въ самомъ дѣлѣ разыграть намъ эту игру?

— Ахъ, что̀ это вы говорите? почти вскрикнула Катя. Пустите мою руку.

Ѳедоръ не могъ противиться, и она хотѣла

уйти изъ свѣтлицы. Но въ дверяхъ встрѣтилась съ отцомъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены.

— Браво, браво! вскричалъ онъ въ восторгѣ.

Катя отъ стыда бросилась-было въ боковую дверь, но сотникъ забѣжалъ впередъ и, распростерши руки, остановилъ ее.

— Постой, постой, голубонько! Чего тебѣ уходить, какъ-будто отъ какой бѣды? Ничто мнѣ и во снѣ не снилось пріятнѣе того, что̀ теперь вижу. Но вы, дѣти, только начали; дайте жъ мнѣ окончить. Что̀ она тебѣ сказала, коханый Ѳедоръ Ивановичъ? Видно, не то, что̀ бы ты хотѣлъ? Да гдѣ жъ видали, чтобъ дѣвушка такъ отвѣчала козаку, какъ чувствуетъ? Я за нее буду отвѣчать тебѣ; у насъ вѣдь съ нею одна душа. Я полюбилъ тебя, какъ сына, и ручаюсь, что она полюбитъ тебя, по крайней мѣрѣ, какъ брата! Боже жъ васъ благослови, дѣти мои! Дай, Боже, часъ добрый! обнимитесь да поцѣлуйтесь. Не стыдитесь. Чего тутъ стыдиться, коли уже зашло такое дѣло?

И, взявши ихъ обѣихъ за голову, сблизилъ такъ, что поцѣлуй произошелъ, какъ-будто противъ воли.

Никто не удивится, если я скажу, что отъ этаго поцѣлуя оба сердца еще сильнѣе запылали, и что Катя и Ѳедоръ, минуту назадъ бывъ почти чужими, теперь чувствовали себя самыми короткими друзьями. Когда послѣ ужина Ѳедоръ легъ въ постель, долго носились передъ его зажмуренными глазами черныя брови, взглядъ, полный жизни и

нѣжности, и множество такаго, чего никто и не раскажетъ. Все это мѣшалось и перепутывалось съ другими впечатлѣніями: золотой кубокъ, заходящее солнце, толпа косарей съ блистающими пурпуромъ косами и крики степныхъ птицъ — толпились въ его воображеніи все въ большемъ и большемъ безпорядкѣ, пока наконецъ ночь обняла его голову.

VI.

Въ то время, когда въ Прохоровкѣ происходили описанныя мною событія, въ Березовомъ хуторѣ все было въ движеніи: приготовлялись къ свадьбѣ и собирали гостей для поѣзда. Гости съѣзжались одинъ за другимъ—и, въ ожиданіи остальныхъ, весело пировали въ покояхъ покойнаго хорунжаго, какъ люди, отложившіе въ сторону всякое житейское попеченіе и обрекшіе себя, по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли, свадебнымъ затѣямъ и забавамъ. Наконецъ чрезъ два дня по отъѣздѣ Ѳедора, собрались всѣ члены этой почтенной депутаціи, и на утро положено было выступить въ путь.

Доброй старушкѣ Хильчевской и во снѣ не снилось, что сердечныя дѣла ея сына примутъ такой неожиданный оборотъ. Она воображала его уже ликующимъ у пана Крутоверхаго и усердно готовилась къ принятію Настуси. Трудно представить себѣ то пріятное состояніе, въ какомъ находится душа родителей, когда для ихъ любимаго сына или дочери настанетъ наконецъ пора новой жизни, и когда все въ домѣ придетъ въ движеніе и приметъ образъ какаго-то чрезвычайна-

го торжества. Бѣготня, стукъ посуды, веселый шумъ гостей и яркая смѣсь праздничныхъ нарядовъ, все это для хозяйки тихаго Березоваго хутора слилось въ пріятнѣйшій концертъ. Она какъ-будто помолодѣла, почувствовала въ себѣ новыя силы, и ей казалось, что каждая минута несетъ для нея все ближе и ближе какую-то великую радость.

Вотъ наконецъ свадебные депутаты приняли изъ рукъ ея установленный обычаемъ подарокъ пану свату, хлѣбъ и соль, сѣли на коней и двинулись со двора въ яркомъ сіяніи утренняго солнца, которое рѣзко освѣщало ихъ здоровыя, румяныя лица, играло въ складкахъ широкихъ разноцвѣтныхъ ихъ жупановъ и зажигало огненнымъ сверканіемъ золото и серебро ихъ сбруи, оружія и позументовъ.

Но едва сваты выѣхали за ворота, какъ, къ великому своему удивленію, встрѣтили самаго жениха. Ѳедоръ, не отвѣчая ничего на ихъ вопросы, взъѣхалъ на дворъ; сваты воротились за нимъ. Пани Хильчевская все еще стояла на крыльцѣ. Подошедши къ ней, Ѳедоръ, по обычаю, палъ къ ея ногамъ и сказалъ: — Матушка, благословите меня!

— Дитя мое! сказала Хильчевская, развѣ жъ ты уѣхалъ безъ моего благословенія?

— Матушка! Не такъ, видно, мнѣ судьба судила: заѣхалъ я по дорогѣ къ сотнику Чуйкевичу и увидѣлъ, что не зачѣмъ ѣхать далѣе.

— Къ Чуйкевичу! такъ онъ отдастъ за тебя свою Катю?

— Отдаетъ, матушка; однаго вашего благословенія отъ меня требуетъ.

— Слава жъ тебѣ, Господи! сказала съ радостью старушка, для которой равно милы были обѣ дѣвушки, и на сторонѣ Кати много было существенныхъ преимуществъ. Господь тебя благослови и утверди, дитя мое!

Тогда уже всѣ пошли въ свѣтлицу, и тутъ нашъ рыцарь расказалъ свои похожденія. Всѣ были рады, мать по своимъ причинамъ, гости по своимъ: чѣмъ богаче сватъ, тѣмъ пышнѣе пиръ; а въ старину любили отправлять свадьбы такъ, чтобъ долго вспоминали сосѣди.

Опять сваты собрались въ дорогу, опять получили обычный хлѣбъ-соль, и еще веселѣе прежняго выѣхали со двора вмѣстѣ съ самимъ женихомъ.

Не буду описывать подробностей старинной свадьбы, оставлю этотъ богатый предметъ до другаго случая, а теперь скажу только, что свадьба была сыграна, какъ слѣдуетъ. Съѣхались на нее всѣ близкіе и дальніе родственники и сосѣди; пріѣхалъ даже и панъ Крутоверхій и, узнавши, какъ все произошло, нимало не сердился; напротивъ сказалъ, что такъ, видно, и слѣдовало тому быть, потому-что *суженой и конемъ не объѣдешь.* Отъ Гавриловича переѣхали всѣ въ Березовый хуторъ. Долго гремѣла тамъ музыка, раздавался праздничный шумъ, лились меды и наливки; наконецъ, мало-по-малу, всѣ разъѣхались.

Панъ сотникъ оставался до конца жизни вмѣ-

стѣ съ дѣтьми, переѣзжая съ ними жить то въ Березовый хуторъ, то въ Прохоровку.

Такимъ образомъ два осиротѣвшія семейства составили одно полное. Теперь панъ сотникъ имѣлъ и дочь и сына, пани Хильчевская и сына и дочь; а взаимная привязанность всѣхъ ихъ другъ къ другу дѣлала ихъ въ полномъ смыслѣ членами одной семьи. Жизнь ихъ пошла еще веселѣе, когда у нихъ стали появляться бѣлокурые и черноволосые Васи, Саши, Нади и наполнять своимъ шумомъ и крикомъ старинныя свѣтлицы и темный дѣдовскій садъ. Всѣ были другъ другомъ довольны, благодарили Бога и жили счастливо. Дай Богъ и намъ такъ съ вами!

П. Кулѣшъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФИХТЕ.

Собраніе полныхъ сочиненій I. Г. Фихте. Третіе отдѣленіе. Популярно-философическія сочиненія о политикѣ и морали. Берлинъ. 1846 (I. G. Fichte's sämmtliche Werke. Dritte Abtheilung. Zur Politik und Moral).

Есть предразсудокъ, очень распространенный въ обществѣ, который рѣзко раздѣляетъ людей мысли и науки отъ людей жизни и дѣла, мыслителей отъ людей практическихъ. Говорятъ обыкновенно, что философы, какъ поэты, живутъ въ обширномъ и воздушномъ эмпиреѣ мыслей, отвлеченностей и гипотезъ, а практическіе, или, такъ называемые, дѣловые люди, руководствующіеся здравымъ человѣческимъ смысломъ, или опытомъ, хотятъ одни владѣть дѣйствительностію и заниматься *практическимъ* — не *теоретическимъ* рѣшеніемъ задачь жизни. Этотъ предразсудокъ раздѣляютъ люди, стоящіе на различныхъ ступеняхъ образованія и положенія въ свѣтѣ — государственный человѣкъ, у котораго въ рукахъ судьба милліоновъ, и чиновникъ маленькаго городишка, милліонщикъ и воинъ, бюрократъ и промышленникъ. По мнѣнію этихъ людей цѣль философіи, во-первыхъ, формально образовать духъ; во-вторыхъ, дѣлать завоеванія въ безграничномъ цар-

ствѣ воздушныхъ мыслей, завоеванія, которыя, правда, не приносятъ дѣйствительной пользы, но могутъ внушать уваженіе къ многосторонней способности развитія, къ логическо-поэтической плодовитости и смѣлости паренія человѣческаго духа. Напротивъ, эти люди отрицаютъ у нея совершенно ея цѣль и способность — плодотворно *дѣйствовать* въ жизни. До сихъ поръ еще нисколько не искоренили этаго предразсудка всѣ увѣренія философовъ, что они поставили себѣ задачею понять всю глубину дѣйствительной жизни, понять практическаго человѣка и заставить его заниматься не пустыми разсужденіями, но дать ему правильное разумѣніе самаго себя и его жизненной цѣли; что они хотятъ дать сознательное и твердое направленіе его дѣйствованію и стремленіямъ. Однимъ словомъ, всѣ увѣренія, что отнынѣ философія примирена съ жизнію, мышленіе съ практическимъ дѣйствованіемъ, не могли уничтожить этаго предразсудка. Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ предразсудокъ? Не истина ли, что философъ, занимающійся мыслями и понятіями, по необходимости вращается и дѣйствуетъ въ сферѣ, которая никогда не совпадаетъ со сферою практической дѣятельности? Никто не можетъ утверждать, что между философіей и дѣйствительною жизнію существуетъ непримиримая противоположность, или абсолютная разъединенность, потому-что мышленіе и жизнь соединены въ понятіе—человѣкъ, потому-что составляютъ сущность этаго понятія. Далѣе, каждый философъ, въ извѣстномъ смыслѣ, человѣкъ

практическій, живущій въ дѣйствительномъ мірѣ. Въ каждомъ нефилософѣ находятся извѣстныя понятія и живутъ мысли, которыя суть зародышъ философскихъ идей. Изъ этаго видно, что мышленіе и жизнь, истекая изъ однаго источника и составляя идею человѣка, суть сферы, которыя не могутъ быть разъединены. Но здѣсь возникаетъ другой вопросъ: философія, не въ своемъ источникѣ, но какъ самостоятельный продуктъ человѣческаго духа, призвана ли и способна ли производить *непосредственное* вліяніе на другія области, которымъ также приписываютъ извѣстную самостоятельность, именно—на нравственность, общественную и государственную жизнь, на искуство, на національное и историческое развитіе народовъ? Не должно думать, что этотъ вопросъ относится къ такъ называемой *практической* философіи, или наукѣ о мудрой жизни, по урокамъ которой живутъ умѣренные и благоразумные люди, умѣющіе управлять своими желаніями и страстями, переносить съ спокойствіемъ и равнодушіемъ счастіе и несчастіе, и во всѣхъ положеніяхъ жизни сохранять благорасположеніе къ ближнему. Нѣтъ, мы разумѣемъ здѣсь ту философію, которая въ самомъ дѣлѣ стремится сознать и понять все высшее, доступное человѣческому духу и овладѣть глубочайшею и конечною причиною сознанія, и съ высотъ этой точки зрѣнія, пріобрѣтенной глубокимъ, напряженнымъ и послѣдовательнымъ мышленіемъ, стремится понять внутреннее значеніе и крайнія цѣли человѣческихъ дѣлъ въ ихъ связи и

истинномъ отношеніи. Долженъ ли подобный философъ стремиться изъ сферы знанія перейти въ сферу дѣйствованія? Долженъ ли онъ колеса человѣческой жизни приводить въ движеніе мыслями и идеи содѣлать рычагами дѣлъ? Или онъ удовольствуется знаніемъ, и чѣмъ глубже будетъ открываться передъ его пытующимъ взоромъ царство мыслей, тѣмъ болѣе будетъ онъ отвращаться отъ шумнаго міра дѣйствительности? Не будетъ ли онъ въ этомъ случаѣ считать важнѣйшею для себя задачей придать оконченность и полноту своему духовному воззрѣнію, т. е. своей системѣ? И-такъ, здѣсь дѣло не въ томъ, что философія, или результаты мышленія, распространяясь въ обширныхъ кругахъ, могутъ постепенно пріобрѣтать вліяніе на образованіе, образъ мыслей, и такимъ образомъ на исторію народа, или государства. Само собою разумѣется и многими опытами очевидно доказано, что философскія ученія и воззрѣнія постепенно сливаются со всѣмъ организмомъ народа и государства, и сами содѣлываются элементомъ и факторомъ практической жизни. Никто также не будетъ отрицать, что философски образованные люди могутъ быть людьми практическими, или что для практическаго человѣка, кромѣ спеціальныхъ знаній, необходимо въ основѣ имѣть философское образованіе. Главный вопросъ, который требуется разрѣшить, состоитъ въ слѣдующемъ: философъ, сдѣлавшій задачею своей жизни чистое сознаніе, или мышленіе, найдетъ ли въ самой философіи внутреннее побужденіе — испытать непосредственное приложеніе философіи

къ жизни? Имѣетъ ли философія, въ высшемъ совершенствѣ своемъ, влеченіе къ дѣйствительной жизни, къ управленію и приведенію ея въ стройность, или отталкиваетъ ее отъ жизни боязнь потерять первобытную чистоту? Если послѣднее справедливо, то выше названное нами предразсудкомъ было бы на самомъ дѣлѣ истиной. Въ противоположномъ случаѣ, ту философію, которая достигла цѣли своихъ теоретическихъ стремленій и не чувствуетъ стремленія содѣлаться практическою, должно назвать философіею болѣзненною и заблудившеюся.

Напротивъ, безпристрастное пониманіе сущности цѣли философіи и историческій опытъ докажутъ намъ, что философія и истинный философъ не отвращаются гордо, или равнодушно отъ практической жизни, ея законовъ и задачь. Существенное требованіе философскаго пониманія, или системы есть всеобнимающее единство, единство, обнимающее все, чего можетъ только достигнуть способность познанія человѣка. Точно такъ, какъ нравственная самостоятельность, съ отношеніями, на ней основанными, составляетъ для насъ важную, или, лучше, важнѣйшую часть всего міра, коего познаніе—цѣль философіи, такъ точно истинная философія должна въ сферу своего сознанія заключить и человѣческую самостоятельность — это *стремленіе* и *призваніе* созидать, творить и дѣйствовать Слѣдовательно она не должна разсматривать одни совершившіеся факты человѣческой самостоятельности, но всю ея современную жизненную силу, все многообразіе жизненныхъ задачь и спо-

собовъ ихъ рѣшенія. Безъ сомнѣнія, съ бо̀льшимъ и скорѣйшимъ успѣхомъ можно изложить законы логической и физической необходимости; но за то гораздо выше будетъ заслуга того, кто займется изысканіемъ законовъ самостоятельности. Если философія въ самомъ дѣлѣ должна быть *двигательною силою* въ жизни, то она не должна заниматься однимъ прошлымъ въ исторіи, но должна стать въ средину движенія исторической жизни. Само собою разумѣется, что эти слова не должно принимать въ томъ смыслѣ, будто философъ необходимо долженъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ и пристать къ какой-либо партіи и перемѣнить тихой кабинетъ многообъемлющаго зрителя и глубокаго мыслителя на шумъ площади, или борьбу народнаго собранія. Дарованія и расположеніе духа бываютъ различны, и многимъ природа отказала въ практическихъ способностяхъ. Многихъ разсѣяли бы и обезпокоили требованія подвижной, практической жизни, и отвлекали бы отъ серьёзнаго мышленія. Намъ же кажется, что отъ философа непремѣнно должно требовать слѣдующаго: онъ не долженъ ни отрицать, ни незнать дѣйствительной жизни, вѣчно стремящейся впередъ, создающей безпрерывно новыя требованія и задачи и требующей ихъ разрѣшенія. Эту жизнь онъ долженъ воспринимать въ свою душу и мысли, если даже не намѣренъ лично въ ней участвовать. Онъ долженъ дать ей въ организмѣ своей системы мѣсто, гдѣ признано его значеніе и достоинство, если да-

же не чувствуетъ въ себѣ призванія освѣщать преимущественно эту часть свѣточемъ философской идеи.

Очень замѣчательно, что величайшіе философы древности глубочайшее мышленіе соединяли съ серьёзнымъ вліяніемъ на дѣйствительную, т. е. нравственную и государственную жизнь. Извѣстно, что мистическій Пиѳагоръ, исполненный восточной мудрости, и его ученики, дѣйствовавшіе въ духѣ учителя, не только давали уроки въ обширной политической дѣятельности, но и въ дѣйствительности развили эти уроки. Они основали религіозно-философскій политическій союзъ, который съ большимъ успѣхомъ распространился во многихъ городахъ. Ихъ ученіе вызвало противъ нихъ недовѣрчивость, ненависть и вражду многихъ лицъ. Извѣстно, что мудрый Сократъ, занимавшій незначительное положеніе въ государствѣ, весьма высоко цѣнилъ свои обязанности и права гражданина Аѳинской республики. Вліяніемъ своего ученія онъ сдѣлался такъ подозрителенъ и ненавистенъ многимъ, что, воспользовавшись доносомъ на него, присудили его къ смерти. Великій ученикъ его Платонъ содѣлалъ нравственную и политическую жизнь предметомъ глубокомысленныхъ разсужденій не въ однихъ своихъ сочиненіяхъ (особенно въ обширныхъ твореніяхъ: *о Государствѣ и Законахъ)*, но и хотѣлъ осуществить свое ученіе. Именно, идеалъ свой, идеалъ философскаго властелина, стремился онъ осуществить въ жизни, или дѣйствительность приблизить къ идеалу, когда къ тому представился случай. Онъ не устрашился пред-

принимать нѣсколько разъ опасное путешествіе въ Сицилію, и жить въ Сиракузахъ при дворѣ обоихъ Діонисіевъ, отца и сына, потому-что онъ отдался прекрасной надеждѣ напитать духомъ своей философіи отчасти самихъ властителей, а еще болѣе зятя старшаго Діонисія, Діона, человѣка съ весьма сильнымъ вліяніемъ, который управлялъ дѣлами по смерти Діонисія старшаго и связанъ былъ узами тѣсной дружбы съ Аѳинскимъ философомъ. Такимъ образомъ хотѣлъ онъ пріуготовить и ввести тамъ истинно философское государственное управленіе. Ученику и сопернику Платона, Аристотелю, открылся привлекательный и многообѣщавшій случай — доставить вліяніе своей философіи на судьбы царства, обнимавшаго полміра, когда ему поручено было посвятить въ философію юнаго Александра, съ жадностію внимавшаго его словамъ. Но и въ новѣйшія времена, когда философія сознала свою самостоятельность и обширную задачу, глубокомысленнѣйшіе философы изучали практическую, нравственную и историческую жизнь. Спиноза, жившій въ глубочайшемъ уединеніи, гдѣ онъ искалъ счастія и мира только въ мышленіи и созерцаніи, чувствовалъ столь живой интересъ къ отношеніямъ гражданской, церковной и политической жизни, что подробно изложилъ въ большомъ сочиненіи своемъ основанія правильнаго нравственнаго и гражданскаго общества. Въ особенности обратилъ онъ вниманіе на естественныя права человѣка и гражданина. Лейбницъ, этотъ многообъемлющій

духъ, остроумный и глубокомысленный творецъ ученія о монадахъ и авторъ Теодицеи, занимаясь философіею и математикой, чувствовалъ также влеченіе къ политической дѣятельности и составилъ планъ соединенія католической и протестанской Церкви, коего цѣль была принести Германіи неисчислимую пользу. Точка тяготѣнія философіи Канта находилась въ его практическомъ разумѣ, въ нравственномъ элементѣ человѣка. Въ жизни своей Кантъ составлялъ совершенную противоположность Лейбницу. Лейбницъ жилъ при княжескихъ дворахъ, гдѣ его очень уважали и слушались совѣтовъ; Кантъ жилъ и умеръ профессоромъ въ Кёнигсбергѣ — и никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ этаго города. Тѣмъ не менѣе его энергическій духъ обнималъ съ удивительною многосторонностью и живостью не только царство природы, съ которымъ онъ коротко познакомился изученіемъ всѣхъ описаній путешествій и тому подобныхъ сочиненій, но и царство нравственной жизни — исторію. Его занимала не только исторія прошлаго, какъ матерьялъ учености, но могущественно привлекали исторія и политика современности. Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ Кантъ за великими происшествіями своего времени, когда они раждали новое воззрѣніе на государство, или общественное право, или если происшествія сами истекали изъ новаго воззрѣнія. Онъ немало содѣйствовалъ своими сочиненіями и лекціями ученой обработкѣ этихъ новыхъ воззрѣній. Изъ глубокаго сознанія нравственной самостоятельности

производилъ этотъ великій мыслитель обязанности, права и нравственное достоинство человѣка. Вѣря въ необходимость сознательнаго прогресса, этотъ глубокой наблюдатель исторіи, въ своемъ сочиненіи: *О вѣчномъ мирѣ* (Zum ewigen Frieden), изложилъ высокія требованія, которыя необходимы въ государственной жизни. Его условія суть: правленіе въ государствахъ, основанное на признаніи правъ всѣхъ и уваженіи ихъ; основаніе народнаго союза — федерализма свободныхъ государствъ, и наконецъ всеобщее *гостепріимство*. Безъ сомнѣнія, Европа еще далека отъ всего этаго, и политика не съ-родни высокой нравственности; однако она все болѣе и болѣе старается пріобрѣсти хоть нравственную наружность — и этому, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовалъ Кантъ.

Къ философіи Канта примкнулъ Фихте. Его сочиненія изданы теперь сыномъ его, достойнымъ біографомъ отца. Особенное вниманіе всѣхъ образованныхъ людей желаемъ мы обратить на третье отдѣленіе, которое содержитъ популярно-философскія сочиненіи Фихте. Въ нихъ почти впервые, въ отношеніи къ языку и изображенію, Нѣмецкая философія перешла отъ терминологіи тѣсной школы къ общеобразованному языку, созданному классическою Нѣмецкою литературою. Эти сочиненія примыкаютъ къ ряду высокихъ произведеній корифеевъ Нѣмецкой литературы, которые своею славой обязаны поэзіи.

Фихте мы причисляемъ къ небольшому числу

тѣхъ Нѣмецкихъ писателей, коихъ сочиненія должны читать и изучать желающіе серьёзно быть практическими людьми въ лучшемъ смыслѣ слова, а не насильственными и грубыми эмпириками, или поверхностными диллетантами. Говоря это, мы вовсе не думаемъ, чтобы изъ популярныхъ сочиненій Фихте можно было почерпать непосредственно всю практическую мудрость. Ея никогда нельзя извлечь изъ однѣхъ книгъ, или лекцій, потому-что для нея нужна собственная дѣятельность и упражненіе всѣхъ силъ. Фихте самъ не могъ имѣть притязаній на имя практическаго человѣка въ полномъ объемѣ этаго слова: ему недоставало случая упражнять свой практическій талантъ въ управленіи, организированіи и начальствованіи, если онъ въ немъ дѣйствительно былъ. Но онъ былъ человѣкъ, одаренный высшею консеквентностію и энергіею воли и мышленія. Онъ былъ исполненъ великихъ воззрѣній и мыслей, совершенно способенъ строго провести этѣ мысли и изложить чрезвычайно сильно и ясно все, созданное его духомъ. Какъ человѣкъ, мужъ и Германецъ, онъ сильно принималъ къ сердцу тѣ великіе и практическіе задачи и интересы, которые излагалъ въ качествѣ философа. Онъ высказалъ великую задачу, надъ которою мы теперь работаемъ, что должно разрушить преграды, существующія между школой и человѣчествомъ, высшее знаніе содѣлать общимъ достояніемъ людей и ввести его въ жизнь. Безъ сомнѣнія, ученія, непосредственно примѣняемаго и болѣе почерпнутаго изъ жизни, мы были бы въ-правѣ требо-

вать отъ дѣйствительно-практическихъ людей, которые правятъ жизнію народовъ и движеніями времени, но они—молчатъ. Найдутся люди, которые скажутъ, что Фихте никогда бы не могъ быть отличнымъ дипломатомъ, или министромъ, если бы даже обладалъ нужными для того специальными свѣдѣніями, опытомъ и тактомъ; что энергическая консеквентность его воли и мысли погибла бы въ многообразной дѣйствительности. Положимъ, что это и могло бы быть; тѣмъ не менѣе должно желать, чтобы всѣ практическіе люди, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ дѣятельности высшаго рода, изучали сочиненія Фихте съ серьёзнымъ прилежаніемъ и размышленіемъ. Изучать ихъ должны они не для того, чтобы поступать по нимъ, или принимать всѣ его воззрѣнія и клясться его словами (jurare in verba magistri), но чтобы укрѣплять себя духомъ человѣка, который въ многообразіи и идеалѣ дѣйствительной жизни всегда имѣлъ въ виду единство идеи, въ борьбѣ съ интересами и страстями—возвышенную нравственную мысль, въ спорѣ дикихъ силъ — вѣчную силу и значеніе разума и чистую гуманность. Этотъ человѣкъ не создавалъ идеальнаго міра внѣ границъ здѣшняго, въ облакахъ; но очертанія и основанія идеальнаго міра находилъ въ дѣйствительности, хотя она ему и представлялась мрачною и печальною. Съ этимъ найденнымъ имъ образомъ лучшаго онъ соединялъ усладительную надежду и уповающую, непоколебимую вѣру въ вѣчную побѣду добра. Безъ сомнѣнія нетрудно будетъ найти односторонности,

увлеченія и иныя непрактическія идеи въ воззрѣніяхъ Фихте; но для человѣка глубокомысленнаго и серьезнаго самыя ошибки Фихте будутъ поучительны и плодотворны. Практическій человѣкъ долженъ изучать популярно-философскія сочиненія Фихте не для того, чтобы безъ разбора исповѣдывать его воззрѣнія на жизнь, или приводить въ исполненіе его идеи, но для того, чтобы научиться его понимать и воздавать ему должное уваженіе; чтобы самодѣятельно присвоивать себѣ его мысли и ихъ развивать далѣе, или опровергать ихъ основательно, а не поверхностными насмѣшками и общими мѣстами эмпирика.

Съ Нѣмецк. К. Герцъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НЕДУГИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Заимствовано изъ Берлинской литературной газеты (Іюль, 1846 г.).

Въ XV столѣтіи, въ Германіи, всѣ толковали о реформѣ церкви. Это стремленіе, по тогдашнимъ понятіямъ, обнимало весь кругъ человѣческой жизни. Состояніе церкви считалось причиною всѣхъ общественныхъ положеній, и потому отъ улучшенія ея ожидали улучшенія во всемъ. Въ числѣ жалобъ на церковь была и та, что вліяніе ея мѣшаетъ матерьяльному благосостоянію народовъ. Другія отношенія —и потому иной взглядъ на дѣла — господствуютъ въ наше время. Жизнь народовъ западной Европы не ограничивается одною церковію. Церковь сдѣлалась теперь только одинъ изъ элементовъ ихъ жизни. Подлѣ нея другіе элементы пріобрѣли значеніе самостоятельное, и даже стали важнѣе ея, именно — сила, называемая государствомъ, сдѣлалась верховною властительницею жизни общественной. И потому реформаціонные планы нашего времени въ западной Европѣ имѣютъ въ виду государство.

Но современныя желанія преобразованій не ограничиваются только церковію и государствомъ: они простираются гораздо далѣе—до самой основы жизни. Мало будетъ сказать, что реформа церковная

сдѣлалась религіозною, а государственная общественною; крайности реформаціонныхъ идей нашего времени идутъ еще далѣе, выходятъ совершенно изъ предѣловъ общественной жизни. Современное желаніе преобразованій сдѣлалось совершенно безобразнымъ и безыменнымъ. Во времена реформаціи (XVI стол.) знали, по крайней мѣрѣ, цѣль стремленія; а въ наше время только сознаютъ и чувствуютъ бѣдствіе, не имѣя яснаго представленія, откуда оно происходитъ. Зло увеличивается еще тѣмъ, что всѣ пути направленія расходятся, не имѣютъ единства цѣли, противорѣчатъ одинъ другому.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что не слѣдуетъ обращать вниманія на преувеличенныя, фантастическія требованія мечтателей нашего времени; что надобно имѣть въ виду одни законныя преобразованія церкви и государства. Конечно, никто не можетъ думать о возможности несбыточныхъ плановъ; но и они являются не безъ повода же, не безъ причины—и эта-то причина должна быть принята во вниманіе. Если преобразованіе должно принести пользу, не слѣдуетъ упускать изъ виду и самыхъ крайностей, которыя опредѣляютъ предѣлы реформы.

Всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдало человѣчество, являются въ наше время въ необыкновенномъ развитіи, пополняясь еще новыми. Въ области жизни матерьяльной, такъ же, какъ и въ духовной, мѣра зла полна: формы той и другой теряются—и зданіе общества грозитъ паденіемъ. Довольно указать съ одной стороны на ужасное *владычество денегъ*, ко-

торое отличаетъ богача отъ бѣдняка, какъ небо отъ земли, уничтожаетъ всякое достоинство личности и дѣлаетъ случай мѣриломъ всего. Въ той же степени, съ другой стороны, въ области духа высшія и низшія силы раздѣлены такъ совершенно, что многіе ожидаютъ спасенія не отъ взаимнаго дѣйствія обѣихъ, а отъ вражды между ними — и, становясь на одной которой-нибудь сторонѣ, отчаянно трудятся надъ всеобщимъ разрушеніемъ.

Такимъ-то образомъ, подобно грозовымъ тучамъ, образовались такъ называемыя *массы*, грозящія обществу совершеннымъ упадкомъ. Мы, впрочемъ, надѣемся и убѣждены, что дѣло не пойдетъ такъ далеко; но только до сихъ поръ мѣра зла возрастаетъ. Со всѣхъ сторонъ слышны важныя и неважныя жалобы, вездѣ жалобы и жалобы. Если бы кто-нибудь потрудился изслѣдовать всѣ проекты улучшеній общихъ и частныхъ, какіе безпрестанно творятся въ наше время; то оказалось бы, что всѣ они вращаются каждый въ своемъ кругу. Возьмемъ для примѣра дѣятельность матерьяльную — промышленную: тамъ ежедневно требуются тысячи улучшеній. А спросить — откуда взять средствъ для всего этаго? то, или остаются при одномъ желаніи, или указываютъ на государство, т. е. на правительство.

Бѣдное государство! Ему приписываютъ всѣ несчастія; на него взваливаютъ заботу обо всемъ; говорятъ: будь это такъ, было бы вотъ что! Но силы правительства ограничены: что оно уступаетъ съ од-

ной стороны, то должно взять съ другой, а слѣдствіе этаго такое, что наконецъ со всѣхъ сторонъ недостаетъ. Не лучше было бы и съ церковію на западѣ, если бы всѣ ожиданія обратились на нее. Теперь она имѣетъ, по крайней мѣрѣ, преимущественность на второмъ планѣ, тогда, какъ государство подвергается нападеніямъ со всѣхъ сторонъ. Если опытъ и утверждаетъ, что только лѣность духа ищетъ внѣшней помощи; тѣмъ не менѣе справедливо, что бѣды нашего времени такъ велики, что нельзя помочь имъ безъ новыхъ средствъ, безъ новыхъ источниковъ. Или пусть намъ укажутъ, какъ теперешнее государство, или теперешняя церковь должны поступить, чтобы уничтожить истинную причину всѣхъ несчастій — болѣзненное стремленіе къ внѣшности.

Надобно сознаться, что всѣ практическія реформы нашего времени составляютъ только попытки; всѣ онѣ—капля въ морѣ. Реформаціонные планы нашего времени, не только неудовлетворительны, но даже иные только увеличиваютъ зло. Словомъ — чувствуется надобность отыскать начало, на основаніи котораго можно бъ было пособить страждущему человѣчеству нашего времени.

Одинъ Греческій мудрецъ сказалъ: если бы всѣ люди собрали въ кучу всѣ свои страданія съ тѣмъ, чтобы раздѣлить ихъ поровну, то каждый отказался бы отъ этаго раздѣла и охотно остался бы при своей долѣ страданій. Это истина опытная; и теперь она столько же справедлива, какъ была и тогда.

Надобно быть мечтателемъ, чтобы представлять себѣ человѣчество безъ бѣдствій, или даже желать, чтобы оно было безъ бѣдствій.

Воспитаніе рода человѣческаго требуетъ чрезвычайныхъ бѣдствій, которыя служатъ смирительными средствами исправленія. Такія бѣдствія являются обыкновенно во времена, которыми должно быть окончено старое и начато новое. Это устройство премудро. Нравственныя бѣдствія, о которыхъ здѣсь собственно говорится, составляютъ выраженіе нечистыхъ элементовъ, которые долго передъ тѣмъ дѣйствовали на жизнь; но, только достигши полной зрѣлости, даютъ себя чувствовать какъ бѣдствія — для того, чтобы ихъ искоренили совершенно. Человѣкъ долженъ сознать свое прежнее состояніе какъ зло, прежде-нежели рѣшится перемѣнить его. Такъ и человѣчество только тогда подвигается къ совершенствованію, когда сознаетъ ужасъ своего прежняго положенія. Если примемъ, что наше время должно сознать свои недостатки, чтобы уничтожить ихъ; если примемъ это—то какія же чрезвычайныя бѣдствія достались на долю нашего времени? Кажется, мы будемъ совершенно правы, признавши основнымъ бѣдствіемъ — *владычество денегъ*.

Деньги, конечно, всегда составляютъ силу въ мірѣ. Законодательства всѣхъ народовъ стараются окружить эту силу благотворными предѣлами, чтобы она служила средствомъ къ духовному развитію, а не пріобрѣтала бы господства. Деньги могутъ достигнуть до владычества только во времена, когда

разрушаются всѣ основы, на которыхъ утверждается жизнь народа. Эта истина находитъ свое подтвержденіе въ исторіи Евреевъ и всего древняго міра, особенно въ исторіи Римлянъ. Въ Христіанскомъ мірѣ могущество денегъ высшей своей степени достигаетъ въ наше время, и становится предметомъ заботливыхъ думъ, потому-что съ деньгами неразлучна и роскошь—исканіе удовольствій; а это никакъ не можетъ быть назначеніемъ человѣка!

Но какъ деньги достигли такаго могущества? Этотъ вопросъ, можетъ быть, отчасти разрѣшенъ политическою экономіею — но только отчасти: основная причина владычества денегъ составляетъ актъ духовной жизни народовъ. Когда воля не увлекается великими цѣлями, для которыхъ силы и духовныя и матерьяльныя служатъ только орудіями; тогди она ослабѣваетъ, и прежніе слуги ея ищутъ освобожденія и владычества, котораго и достигаютъ. Тогда прежній порядокъ уничтожается. Воля, сама потерявшись, ищетъ себѣ цѣли внѣ себя, и въ слѣпотѣ своей схватывается за болѣе осязательное—за матерію. Но тогда уже не могутъ удерживать ее никакія духовныя цѣли; и потому съ владычествомъ матеріи неразлучны невѣріе, суевѣріе, пустая и тщеславная созерцательность, и наука, не имѣющая ни цѣли, ни приложенія.

Изъ перваго акта, по которому человѣкъ теряетъ свою власть надъ деньгами, развивается цѣлый рядъ печальныхъ слѣдствій. Человѣкъ хочетъ жить не трудомъ, а деньгами — хочетъ ничего не

дѣлать и наслаждаться. Деньги, отдѣлившись отъ труда и несдерживаемыя волею, скопляются въ большія массы. Этимъ объясняется то печальное явленіе, что посредственное состояніе выводится, а мѣсто его заступаютъ крайности — богатство и бѣдность. Тогда деньги перестаютъ быть средствомъ оборота, перестаютъ быть средствомъ вообще, а становятся цѣлію — достигаютъ, можно сказать, личности; а человѣкъ становится вещію, его дѣятельность средствомъ; человѣкъ трудится ужъ не для того, чтобы жить, а для того, чтобъ наживать. Тогда плата не условливается работникомъ, а условливаетъ работу; тогда требуется какъ можно больше работы за наименьшую плату—и голодъ является тутъ какъ разъ. Такъ наконецъ мертвое одерживаетъ побѣду надъ живымъ, и потому естественно, что при этомъ погибаетъ множество народу.

Такое проклятіе лежитъ на нашей прославленной промышленности, на духѣ изобрѣтеній, частію даже на наукѣ, вообще на бо̀льшей части того, что въ наше время причисляется къ условіямъ успѣха. И потому неудивительно, что все это проникнуто чувствомъ тоски и непрочности, что повсемѣстно распространена лихорадочная раздражительность.

При чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ являются и чрезвычайныя противодѣйствія: нужда и дороговизна. Какъ ни грустно это явленіе, часто повторявшееся въ послѣдніе годы; однако его дѣйствіе благодѣтельно. Если бы не являлась дороговизна, то деньги подчинили бы себѣ и природу, какъ уже

подчинили человѣка. Но природа сильнѣе человѣка; она возмущается, отнимаетъ дары свои—и тѣмъ наноситъ деньгамъ ударъ. Явится еще и война, если владычество денегъ продолжится.

Но кромѣ этихъ бѣдственныхъ противодѣйствій, должны же быть и благія средства противъ зла. И эти-то благія средства должны бы быть предметомъ реформаціонныхъ плановъ. Найдены ли эти средства? Ища рѣшенія на этотъ вопросъ, мы встрѣчаемъ двѣ *системы*—соціализма и коммунизма, обѣ происходящія изъ Франціи.

Подробное разсматриваніе этѣхъ системъ не входитъ въ предѣлы нашей статьи. Намъ нужно только рѣшить — соотвѣтствуютъ ли онѣ своей цѣли? Въ этомъ можно сомнѣваться уже и по тому, что это вѣдь только системы, теоріи, далекія отъ дѣйствительности. Практическая невозможность ихъ несомнѣнна. Онѣ даже и въ теоріи ложны. Онѣ составляютъ дальнѣйшее развитіе идей, господствовавшихъ въ прошломъ столѣтіи, особенно во Франціи; основаны на предположеніи, что человѣчество есть что-то совершенное, и что его развитіе только извращено какимъ-то внѣшнимъ вліяніемъ, нарушившимъ равенство.

Но какъ возстановить это равенство? Надъ этимъ *коммунизмъ* не очень-то ломаетъ голову: онъ дѣлаетъ общимъ достояніемъ — матерьяльныя блага, деньги, назначаетъ изъ нихъ часть каждому члену общества. Какъ это должно случиться, что изъ того выйдетъ и къ чему то ведетъ—оставимъ въ сто-

ронѣ. Но, разсматривая основное начало, находимъ, что коммунизмъ самъ есть первородный сынъ денегъ. Начиная съ денегъ, коммунизмъ не выходитъ изъ матерьяльной сферы, является системою грубѣйшаго матерьялизма. Его можно назвать системою наслажденій—и, стало быть, онъ дѣлаетъ человѣка рабомъ наслажденій. *Соціализмъ*, съ своей организаціей труда, стоитъ конечно на высшей степени, потому-что по крайней мѣрѣ понимаетъ, что трудъ цѣннѣе денегъ, что живое дороже мертваго—и съ этой точки зрѣнія онъ старается, посредствомъ такъ называемой *организаціи*, защитить трудъ отъ тираніи денегъ. Но какъ прикажете устроить организацію труда? Развѣ на счетъ свободы человѣка, который тутъ долженъ цѣниться не по личному достоинству? Коммунизмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ наслажденій, а соціализмъ — рабомъ труда.

Это показываетъ, до какихъ результатовъ доводитъ представленіе человѣчества, какъ чего-то совершеннаго: или погрязаютъ въ совершенное отчужденіе всякой воли и личности, какое выражается въ коммунизмѣ; или, какъ соціализмъ, остаются на половинѣ пути, не достигая цѣли. И это системы, которыя берутся довести людей до человѣческаго сознанія и тѣмъ положить конецъ всѣмъ страданіямъ человѣчества!

Другимъ образомъ выражается стремленіе къ общественнымъ реформамъ въ такъ называемыхъ *обществахъ*, которыя въ наше время составляютъ характеристическое явленіе. Общества служатъ по-

пытками произвести соединеніе; стало быть, они показываютъ недостатокъ въ такомъ соединеніи. Принявъ общества за потребность нашего времени, мы должны изъ того вывести заключеніе о чрезвычайномъ раздробленіи общества. Если вѣрно, что единство служитъ основою силы и могущества; то безспорно и то, что общества составляютъ гораздо болѣе дѣйствительное средство противъ зла, нежели системы: тамъ дѣйствуютъ особы — и общества могутъ держаться только тогда, когда они примѣнимы и удовлетворяютъ какой-нибудь дѣйствительной потребности. Но и общества, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, могутъ считаться не болѣе, какъ временнымъ, слабымъ пособіемъ, въ эпоху, лишенную *вообще* силы и духа общественности. Хоть и можно бы принять ихъ за части общественности; но, если бы духъ общественности оживлялъ ихъ, они приводились бы въ движеніе совсѣмъ иною силою. По крайней мѣрѣ, они намъ кажутся скорѣе выраженіемъ слабости, нежели силы. Въ нихъ выражается добрая воля, прекрасное стремленіе; они уже переходятъ въ область нравственнаго... Но они только части и останутся частями! Общество, составленное изъ отдѣльныхъ частей, кажется еще меньше и мельче, нежели каково оно въ самомъ дѣлѣ, потому-что не знаешь, гдѣ остановится это дѣленіе. Словомъ—общества служатъ скорѣе выраженіемъ зла, нежели средствомъ противъ него. Дурная сторона въ нихъ та, что они даютъ человѣку по-

водъ искать въ нихъ удовлетворенія, котораго тамъ не найти!

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что реформаціонные планы и попытки въ области матерьяльной достигаютъ только до указанія потребности въ реформѣ.

Чѣмъ все это должно кончиться? Не въ нашихъ силахъ рѣшеніе этаго вопроса. Когда существующихъ средствъ недостаточно, должны быть созданы новыя; а созданіе — дѣло Создателя! Отъ благаго Промысла должно ожидать указанія новыхъ источниковъ жизни, которые внесутъ единство воли въ раздробленное общество нашего времени.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Германія. Бехеръ издалъ сочиненіе о народонаселеніи Австріи, подъ заглавіемъ: Die Bevölkerungsverhältnisse der österreichischen Monarchie.

Профессоръ Крузе издалъ обширное сочиненіе: Urgeschichte des estnischen Volksstammes bis zur Einführung der christlichen Religion.

Бар. К. Аретинъ издалъ новое сочиненіе о Валленштейнѣ, о которомъ въ послѣднее время было столько писано: Wallenstein. Beiträge zur näheren Kenntniss seines Charackters etc.

Адольфъ Шаубахъ издалъ подробное сочиненіе о Нѣмецкихъ Альпахъ.

Извѣстный путешественникъ Коль издалъ 3 тома объ: die Marschen und Inseln der Herzogthümer Schleswig und Holstein.

Профессоръ Грипенкерлъ издалъ свои публичныя чтенія о новѣйшей Нѣмецкой литературѣ, подъ заглавіемъ: der Kunstgenius der deutschen Litteratur in seiner geschichtlich organischen Entwickelung.

Въ Берлинѣ вышли три первые тома сочиненій Фридриха Великаго, подъ заглавіемъ: Oeuvres de Frederic le Grand.

Вышла любопытная Sprachenkarte der österreichischen Monarchie, sammt erklärender Uebersicht der Völker dieses Kaiserstaates, ihrer Sprachstämme und Mundarten etc. von J. Häusler.

*

Извѣстный писатель А. Бюркъ издалъ популярное сочиненіе объ Ульрихѣ фонъ Гуттенѣ, которое журналы очень хвалятъ.

Гирцель, извѣстный своимъ переводомъ Сакунталы, издалъ два новые перевода съ Санскритскаго: драму — der Erkenntnissmondaufgang, и лирическое стихотвореніе: der Wolkenbote.

Вышло седьмое изданіе стихотвореній Анастасія Грюна: Schutt.

Т. Мундъ издалъ популярную миѳологію древнихъ народовъ, подъ заглавіемъ: die Götterwelt der alten Völker.

Историкъ Коппъ издалъ: der Geschichten von der Wiederherstellung und dem Verfalle des heiligen römischen Reiches. 1 und 2 Buch. König Rudolf und seine Zeit.

Герлессонъ издалъ романъ: Arabella oder Geheimnisse eines Hoftheaters въ 2 частяхъ.

Баронъ Реденъ издаетъ очень любопытное сочиненіе: Vergleichende Cultur-Statistik der Grossmächte Europas.

Шлоссеръ издалъ шестой томъ своей Исторіи XVIII вѣка. Книга оканчивается Тильзитскимъ миромъ. Седьмой и послѣдній томъ выйдетъ въ слѣдующемъ году.

Ринне издаетъ Encyklopädie der Staatswissenschaften für Deutsche.

Извѣстный поэтъ Леопольдъ Шеферъ издалъ: der Weltpriester новую поэму.

Фридрихъ Рюкертъ издалъ переводъ древнѣй-

шихъ Арабскихъ народныхъ пѣсень, подъ заглавіемъ: Hamâsa oder die ältesten arabischen Volkslieder.

Вышелъ шестой томъ собранія сочиненій Якоба Бэме.

Вышло третье изданіе Исторіи Нѣмецкаго народа, Дуллера.

Вышло второе изданіе: Abriss einer kirchlichen Kunst-Archeologie des Mittealters von Otte.

I. Спорщиль издаетъ популярную исторію Карла Великато: Karl der Grosse, sein Reich nnd sein Haus.

Вышелъ послѣдній томъ важнаго сочиненія Циммермана: Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges.

Теодоръ Элькерсъ издалъ первый томъ романа: Jean Paul. Novellistische Schilderungen aus der Jugend des Dichter.

Фаллмерайеръ издалъ свое интересное путешествіе по Востоку въ 2 томахъ, подъ заглавіемъ: Fragmente aus dem Orient.

Ауэрбахъ пишетъ теперь сочиненіе объ отношеніи литературы къ народу.

Карлъ Нейманъ издалъ Исторію Англійско-Китайской войны.

Вышелъ второй годъ: Deutsches Bürgerbuch für 1846 von H. Püttmann.

Вышли стихотворенія Адольфа Ширмера.

А. Ноакъ издаетъ Jahrbücher für speculative Philosophie, коего первая тетрадь вышла теперь. Содержаніе ея любопытно.

Bericht über die erste deutsche Schrifsteller-Versammlung gehalten zu Leipzig am 27—29 April 1845.

Библіотекарь Мёллеръ издаетъ Historisch-biographisches Handwörterbuch, коего первая тетрадь теперь вышла.

Вышло четвертое изданіе Исторіи Англійской революціи Дальмана, украшенное портретомъ Джона Гампдена.

Англія. Ф. С. Томасъ издалъ Исторію Англійскаго государственнаго управленія, подъ заглавіемъ: Notes of materials for the history of public Departments.

An historical and critical view of the speculative philosophy of Europe in the nineseenth century. By J. D. Morell. 2 vol. London. Атеней говоритъ, что это первая умная и безпристрастная Исторія новѣйшей и именно Нѣмецкой философіи, написанная въ Англіи и для Англичанъ.

Появились слѣдующіе переводы. Новое изданіе драматическихъ лекцій А. В. Шлегеля; переводъ сочиненія Бэка: Staatshaushalt Athen's, Дальмана: Leben des Herodot; Беккера: Gallus и Charikles.

Неизвѣстный авторъ поэмы: Новый Тимонъ, издалъ продолженіе этаго стихотворенія, подъ заглавіемъ: The modern Orlando, 1—7 пѣсни.

Американскій романистъ Ф. Куперъ издалъ новый романъ: Ravenest, or the Redskin. 3 vol. Дѣйствіе происходитъ въ Америкѣ.

Изъ біографическихъ сочиненій замѣчательны:

The lives of s̓welwe eminent Judges of the last and of the present century. By W. C. Townsend. 2 vol.

Горацій Вальполь, недавно издавшій мемуары о правленіи Георга III, издалъ теперь Memoirs of the Reign of King George the second. 3 vol.

Новеллистъ Глейгъ издалъ Sale's Brigade in Afghanistan, and the defense of Jellabad.

Живущій въ Англіи Персіанинъ Могомъ Лалъ издаетъ біографію эмира Достъ Магомеда Хана, въ 2 частяхъ.

Франція. Статистикъ I. Шницлеръ издалъ въ 4 томахъ Statistique générale méthodique et complète de la France, comparée aux grandes puissances de l'Europe.

Александръ Лайя (Laya) издалъ 2 тома: Études historiques sur la vie privée, politique et littéraire de M. A. Thiers.

Вышелъ первый томъ Études sur le passé et l'avenir de l'Artillerie, par le prince Louis Bonaparte.

МЕЛКІЯ СТАТЬИ АЛЬМКВИСТА.

I.

НОЧЬ ПОЭТА.

19-го Ноября.

Въ одну ночь я лежалъ на своей постелѣ въ великой тревогѣ, и голубка сна не покоилась надо мною.

Душа моя была объята горемъ, духъ мой тоскою. Безпредѣльные вопросы возставали, сомнѣнія окружали меня. Жизнь, міръ, вѣчность, время—все сидѣло въ тоскѣ и разслабленіи у моего одра. Нигдѣ связи не было. А веселье? Никакаго.

Творенія искуства не утѣшали моего сердца. Внѣшняя форма его вѣдь не пряма, неправильна! Безпрестанными извилинами идетъ оно; дыханіе его ложь, и на днѣ его — ядъ. Искуство нейдетъ къ той цѣли, къ которой оно стремится. Ахъ, я хотѣлъ бы видѣть свою цѣль, добросовѣстно достигнуть ея! Развѣ я непремѣнно долженъ обманываться — и обманывать?

Я думалъ о прежнихъ ночахъ, о бывалыхъ часахъ, когда я былъ блаженъ — и набоженъ. Тогда я чувствовалъ, что духъ мой былъ въ сосѣдствѣ небесъ. О, если бъ я былъ тамъ, гдѣ я прежде былъ!

Такъ я лежалъ, и время шло за полночь. Пробилъ часъ — два часа. Я испытывалъ мыслію вселенную, осматривалъ все, что̀ было мнѣ извѣстно въ мірѣ. Чистоты не нашелъ я нигдѣ — ни въ себѣ, ни въ комъ-либо другомъ.

Тогда я слышалъ, какъ во мракѣ ночи какой-то голосъ шепнулъ моей душѣ: «Выбирай—хочешь ли ты быть сильнымъ? Тебѣ достанется удѣлъ сильнаго—борьба безъ успокоенія. Тебѣ предстоитъ борьба со всѣмъ: ничего внѣ себя на землѣ ты не будешь находить себѣ по-нраву. И ничто внѣ тебя на землѣ не будетъ довольно тобою; все безпрестанно будетъ возставать противъ тебя. Такъ и въ мыслящей душѣ твоей — ты будешь неспокойнымъ, и существо твое — непостояннымъ.

«Но если ты хочешь быть агнцемъ, то приди ко мнѣ. Тогда ты обрѣтешь невинность и покой. Я обниму тебя—и ты не будешь терзаться разъединеніемъ и жалкою существенностью. Если ты хочешь быть агнцемъ, то ты долженъ давать всякому поступать съ собою, какъ угодно; но это тебя не коснется: ты подъ покровомъ. Хотя бездомный, ты не будешь зябнуть; у меня ты найдешь теплоту и сладость, невозмутимыя страхомъ. Никакое зло, никакая старость тебя не постигнетъ, потому-что я приду и буду молодъ въ тебѣ.»

Господь! отвѣчала душа моя, обмирая — могу ли я быть агнцемъ, какъ ты говоришь?

Тогда, подобно молніи, распались всѣ оковы, и тихое облако, подобно небесному сну — который

однако же бодрствуетъ въ созерцаніи Бога — окружило меня—и я чувствовалъ, что принятъ подъ покровъ, охраняющій отъ всего.

Тогда я въ душѣ своей оставилъ всё, и сказалъ: пусть все будетъ и дѣлается, какъ другимъ угодно.

Со мною пускай поступятъ, какъ водится; пусть убьютъ меня.

Но Господь принялъ мое бѣдное сердце въ свое лоно, и послѣ того все въ мірѣ сдѣлалось для меня игрою.

Невинность и спокойствіе сѣли у моего одра, и миръ поднялъ завѣсу передъ моей постелью.

Смерть теперь умерла, и одна только жизнь жила для меня.

Я слышалъ, как громъ стучалъ по облакамъ, и устрашенный небосводъ дрожа распускалъ свои крылья надъ землею. Но я сказалъ улыбаясь: молнія прекрасна.

Дождь ливмя падалъ на землю, все низвергалось, таяло и утопало. Меня не омочило.

Бури стремились по лѣсамъ и лугамъ, животныя бѣгали и люди зябли жестоко. Моя рука была тепла, и я живописалъ.

Я видѣлъ, какъ цвѣты распускались, какъ они отцвѣтали. Я живописалъ.

Я видѣлъ, какъ дѣти выростали, становясь дѣвами и юношами; какъ дѣвы цвѣли и потомъ назывались женщинами, прекрасныя будто розы жизни; я видѣлъ, какъ онѣ потомъ старѣли, отцвѣтали

и исчезали. Я видѣлъ, какъ юноши мужали; я слышалъ, какъ они говорили остро и умно; я видѣлъ, какъ и они потомъ старѣли, покрывались блѣдностью и сѣдинами. Но я все продолжалъ быть тѣмъ, что теперь и чѣмъ былъ, т. е. ничѣмъ.

Я только пишу.

. . . .

Боже, Боже мой! послѣдняя мольба моя къ тебѣ: дай и мнѣ отцвѣсти и умереть, подобно другимъ *.

* Этѣ строки Альмквиста, кажется, заключаютъ въ себѣ полную характеристику его. Постараемся ближе объяснить это. Въ жизни каждаго мыслящаго человѣка непремѣнно бываетъ духовный переворотъ, знаменующійся волненіемъ и сомнѣніями; это — время перехода отъ юношества къ мужеству. Горе тому, чьи сомнѣнія не разрѣшатся; но вдвойнѣ счастливъ тотъ, кому небесный голосъ, незаглушенный еще бурными наслажденіями жизни, укажетъ истинный путь. Такой-то духовный переворотъ и описалъ здѣсь Альмквистъ, конечно немного мистическимъ слогомъ, но какими поэтическими красками! Постигнувъ ничтожество людскихъ умствованій, онъ возвратился къ пламенной Вѣрѣ первой молодости, сдѣлался «агнцемъ» — и спасся! Сохраняя память прежнихъ впечатлѣній ума и сердца, онъ понялъ ихъ невѣрность, обманчивость чувствъ, и сталъ юмористомъ. Онъ сталъ любоваться всѣмъ, что видитъ въ мірѣ, не увлекаясь имъ, и, подобно живописцу, пишетъ то, что ему нравится. Это не эгоизмъ, хотя такъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Чувствуя небесное пламя въ душѣ своей, увлекаясь чувствами высокаго добра и истины, вѣря ихъ божественному вдохновенію, онъ пишетъ картины такъ, какъ онѣ являются его воображенію, не связываясь ничѣмъ, равнодушный къ тому, понравятся ли онѣ кому-нибудь въ свѣтѣ, или нѣтъ; онъ пишетъ для собственнаго удовольствія, только повинуясь непреодолимой силѣ вдохновенія. Это, кажется, настоящее, истинное искуство. Все другое въ свѣтѣ должно дѣлать для *другихъ*; но искуство одно существуетъ для собственнаго *я*, не должно имѣть никакой цѣли, кромѣ развѣ той, чтобъ быть посредникомъ для человѣка между землею и небомъ.

Въ другой статьѣ, Альмквистъ, развивая далѣе эту тему, говоритъ, что *изящнаго* недолжно *искать*, потому-что оно само по себѣ не существуетъ. Изящное произрастаетъ отъ слiянія добра и истины;

II.

БОЛОНКА БАРОНЕССЫ.

Письмо.

Любезная Аделаида! Признаюсь тебѣ въ своей слабости: я люблю Лаурету, мою бѣленькую болонку. Тонкая, пушистая шерсть ея развѣ не похожа на нѣжнѣйшій лебяжій пухъ? Сегодня 4-ое Августа—и я не безъ причины изливаю передъ тобой мое сердце, любезная Аделаида! Сколько упрекали, терзали, хулили, порицали, охуждали меня за любовь мою къ этому маленькому, милому существу—этаго никто не знаетъ лучше меня самой. Собачёнка — тфу, какое низкое, неблагородное слово! О, я слыхала это! Аделаида, станетъ ли у тебя терпѣнія прочесть это письмо? Я никогда не говорила о томъ; я страдала и молчала. Подумай хоть разъ о бѣдной баронессѣ Оттиліи! Я откровенна—вотъ единственная моя добродѣтель. Я не требую, чтобы ты меня любила, Аделаида — кто меня любитъ? но ты прочтешь мои строки сегодня вечеромъ.

Я богата—богаче всѣхъ въ околодкѣ. Я вдова—и сама всѣмъ завѣдываю. Кто живетъ въ помѣстьѣ,

человѣкъ долженъ искать этѣхъ двухъ стихій въ жизни; въ тотъ мигъ, какъ онъ найдетъ ихъ *вмѣстѣ*, онъ найдетъ и изящное.

Альмквистъ любитъ иногда не развивать вполнѣ своихъ идей, предоставляя читателю самому пополнять недосказанное.

Прим. Перев.

лучше устроенномъ? У кого есть садъ лучше моего? Гдѣ отборнѣйшая библіотека? Я играю, занимаюсь живописью, пишу, читаю — кто знаетъ — не пою ли я даже?

Рѣдкій день не посѣщаютъ меня сосѣди и друзья, любезнѣйшіе люди. Какъ они хвалятъ мои таланты! мои комнаты и мебели! мои собранія картинъ! мою щедрость къ слугамъ и крестьянамъ! Кто можетъ быть счастливѣе меня, Аделаида? Кто несчастнѣе!

Я кривобока; я мала ростомъ и худощава; у меня шершавая, нечистая кожа — и я всегда была такова. Я знаю, что разговоръ со мною интересенъ, что читаю прекраснымъ голосомъ, рисую хорошо, играю хорошо. Ахъ, Аделаида! все, что я дѣлаю, прекрасно; но собственная моя особа — противное тому. Я — я дурна.

Не откровенна ли я, мой другъ? Ты, Аделаида, ты не можешь похвалиться ни однимъ замѣчательнымъ талантомъ; ты не дѣлаешь ничего, что было бы дѣйствительно-прекрасно. Но ты сама хороша собою—какъ ты счастлива! Не откровенна ли я, что такъ показываю свою слабость?

Мой покойный мужъ не любилъ меня; онъ за мною взялъ деньги — и легко утѣшился. Не знаю, любила ли я его; но я такъ думаю, потому-что могу сказать по совѣсти, что любила каждаго человѣка, какъ никто не любилъ меня. Я не ропщу и не дивлюсь: я дурна.

Всѣ благодарятъ меня за благодѣянія, которыя

я имъ оказываю: они любятъ мои деньги и подарки, но не меня. Всѣ, которые меня посѣщаютъ, хвалятъ меня: удовольствія, какія я умѣю доставлять имъ, восхищаютъ и плѣняютъ ихъ. Всѣ почитаютъ меня, всѣ уважаютъ мои поступки: никто не любитъ меня.

Одно существо меня любитъ—это моя Лаурета. Она больна, какъ я; она никогда не оставляетъ одѣяла на моей постелѣ ночью, и колѣнъ моихъ днемъ. Ты скажешь, Аделанда, что и Лаурета любитъ только кушанья, которыя даю ей, только заботы, которыя истощаю на нее. Ахъ, Аделаида, если бъ ты знала, какъ часто, когда я иду гулять одна въ паркѣ, моя собачка, забывая все, бѣжитъ за мной; оставляетъ пищу, постелю свою и прыгаетъ за мною на своихъ бѣдныхъ больныхъ лапочкахъ. И когда я, со слезами на глазахъ отъ страданій ея, беру ее на руки, если бъ ты видѣла выразительный взоръ большихъ, темносинихъ глазъ ея, сіяющихъ преданностію! Выраженія нѣжвѣе, прекраснѣе, чувствительнѣе я никогда не замѣчала ни у кого. Можетъ быть, ты скажешь, что животное не можетъ любить? Я не забочусь о вашихъ опредѣленіяхъ; и то, что вы называете любовью, развѣ вы сами знаете, что оно такое? И точно ли вы ее ощущаете въ себѣ? Но про милую мою Лаурету я знаю то, что вижу. Если мнѣ случится умереть раньше ея, то она ляжетъ на камень надъ моей могилой, въ дождь, въ холодъ—и тамъ она кончитъ жизнь, безъ пищи, безъ всего.

Ты упомянула о религіи. Но я не знаю въ священныхъ книгахъ ни однаго мѣста, которое запрещало бы мнѣ любить мою болонку. Я должна любить людей — это правда! Но развѣ я не любила ихъ? и не люблю? Я должна и продолжаю давать имъ все, что у меня есть. Могу ли сдѣлать болѣе? Не можетъ ли наконецъ быть позволено и мнѣ желать, чтобы меня также любило какое-нибудь существо?

Теперь я хочу открыть тебѣ величайшую свою тайну. О, Аделаида, *одинъ человѣкъ* однако же любилъ меня: это было мое дитя, моя дочь, моя Фанни. Вотъ единственное удовольствіе, которое я надѣялась извлечь изъ своего супружества: оно и досталось мнѣ. О, моя дочь! дитя мое! Какое чистое наслажденіе вспоминать тебя!

Аделаида, ты знаешь, что моя дочь умерла 4-го Августа, сегодня годъ тому назадъ; ей тогда было три года. У нея былъ товарищъ въ играхъ, въ колыбели, въ постелѣ, на полу, за столомъ, въ каретѣ, вездѣ. Знаешь ли, кто былъ вѣрнымъ товарищемъ моей Фанни, до послѣдняго ея дня, до послѣдняго часу? Это была Лаурета. Удивляешься ли ты мнѣ теперь?

Когда смотрю на мою бѣленькую собачку, не могу не вспоминать, какъ ее обнимало бѣленькими ручками живое, веселое дитя мое. И съ какими глазами онѣ смотрѣли другъ на друга! Какъ ребячились, какъ прелестны были онѣ! Не должна ли

я любить существо, которое дитя мое прижимало къ своей груди послѣдними объятіями въ этомъ мірѣ?

Аделаида, ты должна простить мнѣ. Ты смѣешься надо мною? Нѣтъ, ты не смѣешься! ты не зла. Изъ людей ни одинъ не золъ. Я никого не упрекаю въ томъ, что̀ меня не любятъ: я не достойна того, чтобы меня любили! Вѣдь ужъ въ пословицу обратились слова: *барыня съ собачёнкой.*

Лаурета вѣрна мнѣ, и будетъ вѣрна до конца. О комъ же другомъ я могу сказать это? Вѣрность, Аделаида, всего дороже въ жизни, дороже и въ часъ смерти. Когда моя Лаурета лгала? Ты скажешь, что животное, какъ она, не умѣетъ говорить, а слѣдственно не можетъ и лгать. Ахъ, Аделаида, развѣ лгутъ и измѣняютъ только словами? это я испытала. Но Лаурета никогда не обманывала ни однимъ движеніемъ, ни взглядомъ, ни знакомъ. Когда она, прыгая отъ радости и привязанности, бѣжала мнѣ навстрѣчу, она не уклонялась обманчиво въ-сторону въ ту минуту, какъ я хотѣла заключить ее въ свои объятія. Нѣтъ — прибѣжавши, она отдавала мнѣ всю себя, точно такъ, какъ прежде, вдали, махая хвостомъ, изъявляла мнѣ свою готовность къ тому. Она исполняла все, что обѣщала. Милая, прекрасная! — — Аделаида, ты еще молода, ты моложе меня; и я знаю, что ты теперь не такъ еще высоко цѣнишь вѣрность, какъ будешь цѣнить, когда въ послѣдствіи съ удивленіемъ, можетъ быть, увидишь, какъ она рѣдка. Аделаида, счастлива будешь ты тогда, если наконецъ, подобно мнѣ, найдешь Лаурету.

Любезная Аделаида, я пишу тебѣ для того, чтобы просить тебя объ услугѣ. Если ты менѣе другихъ смѣешься надо мною и моей болонкой, такъ привези съ собою когда-нибудь твою палитру и твои кисти. Ты напишешь для меня портретъ Лауреты: это будетъ *портретъ вѣрности*. Я сама умѣю рисовать; но рука моя задрожала бы, не удался бы мнѣ рисунокъ, не годились бы и краски. Я желала бы имѣть портретъ этой прекрасной, нѣжной, благородной головки, на случай, если Лаурета умретъ прежде меня...

Пойми меня и приди! *

Твоя Оттилія.

Съ Шведскаго, Ю Л.

* Мы съ намѣреніемъ, въ ряду многихъ другихъ, избрали эту статью, по-видимому довольно ничтожную, но заключающую въ себѣ богатыя сокровища чистыхъ неподдѣльныхъ чувствъ. Удѣлъ *женщины*, одаренной *талантами* и пылкимъ чувствомъ, но безъ Вѣры, долженъ быть ужасенъ. Для нея не существуетъ та всемогущая сила религіи, которую знаетъ женщина болѣе простая, стоящая умомъ и сердцемъ ближе къ природѣ. Удивительна, во всякомъ случаѣ, способность Альмквиста во всемъ, какъ бы оно мелко ни было, отыскивать поэтическую сторону—и какъ удачно схваченъ самый слогъ дамскій, ходъ и образъ мыслей женщины!

Прим. Перев.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

30. *Основанія математической теоріи вѣроят-ностей.* Сочиненіе *В. Я. Буняковскаго*, Императорской Академіи Наукъ ординарнаго академика, профессора Санктпетербургскаго Университета и доктора математическихъ наукъ Парижской Академіи. Въ 4; 468 стран. Спб.

Теорія вѣроятностей только въ половинѣ XVII вѣка Паскалемъ и Ферматомъ утверждена, какъ часть прикладной математики, хотя рѣшеніемъ вопросовъ ея нерѣдко занимались еще древніе философы. До сочиненія Якова Бернулли, по смерти его изданнаго въ 1713 году, подъ заглавіемъ: Ars conjectandi, встрѣчаются нѣкоторыя разсужденія, въ которыхъ разсматриваемы были отдѣльные вопросы исчисленія вѣроятностей. Въ XVIII столѣтіи, на этотъ предметъ, обращено было вниманіе извѣстнѣйшихъ тогда математиковъ Франціи, Англіи и Россіи. Между множествомъ любопытныхъ задачъ тогда явилась такъ называемая *Петербургская* задача, заключающаяся въ слѣдующемъ: «Два игрока A и B играютъ въ извѣстную игру *орелъ или* «*рѣшетка* на слѣдующихъ условіяхъ: 1. игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не вскроется орелъ «и 2. игрокъ B платитъ *два* червонца игроку A.

«если *орелъ* вскроется при первомъ бросаніи моне-«ты, *четыре* червонца, если при второмъ, *восемь* «червонцевъ, если при третьемъ, и такъ далѣе до «n-го бросанія, удваивая платимую сумму при каж-«домъ бросаніи. Спрашивается, сколько игрокъ А, «при вступленіи въ игру, обязанъ заплатить игроку «В для обоюдной безобидности.» Въ Запискахъ Петербургской Академіи Наукъ (Commentarii Academiae Petropolitanae, t. v.) Даніилъ Бернулли помѣстилъ по этому предмету свои изслѣдованія. Знаменитый Эйлеръ не пропустилъ безъ вниманія теоріи вѣроятностей. Кромѣ изданныхъ уже изслѣдованій его, хранятся любопытныя по этой части рукописи у внука его, Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ П. Н. Фусса, какъ на прим: *Vera aestimatio sortis in ludis* и *Reflexions sur une espèce singulière de loterie, nommée loterie Génoise.* Его же есть очень занимательная переписка, по предмету особаго рода лотерей, съ Прусскимъ Королемъ Фридрихомъ II. Дальнѣйшимъ развитіемъ своимъ теорія вѣроятностей обязана трудамъ Лагранжа, Лакруа, Лежандра и Гаусса. Но полный блескъ доставилъ ей Лапласъ. Онъ въ 1812 году издалъ въ первый разъ свою *Théorie analytique des probabilités.* Это геніальное твореніе, во всей силѣ обнаруживающее глубокій умъ его, возвело теорію вѣроятностей на высшую степень совершенства. Въ наше время, пользуясь трудами глубокомысленныхъ предшественниковъ, многіе астрономы и математики съ большимъ успѣхомъ приложили уже теорію вѣроятностей къ сво-

имъ изслѣдованіямъ, что можно видѣть въ сочиненіяхъ Бесселя, Плана, Энке, Струве, Пуассона, Линденау и Боненбергера. Между-тѣмъ справедливость требуетъ признанія, что Франція была и остается исключительно страною успѣховъ этой части математики. Соотечественникъ нашъ, В. Я. Буняковскій, предупредивши въ столь трудномъ дѣлѣ соперничество Англіи и Германіи, представилъ ученому свѣту сочиненіе, которое доставляетъ имени его несомнѣнную славу между современными математиками. Книга его содержитъ въ себѣ подробное изложеніе какъ математическихъ началъ теоріи вѣроятностей, такъ и важнѣйшихъ ея приложеній къ жизни общественной, къ естественной философіи, къ наукамъ политическимъ и нравственнымъ. Она раздѣлена на двенадцать главъ: 1. о законахъ вѣроятности вообще; 2. о законахъ вѣроятности при неопредѣленномъ повтореніи испытаній; 3. о математическомъ ожиданіи; 4. о нравственномъ ожиданіи; 5. о вліяніи на результаты исчисленія вѣроятностей неравновозможныхъ статочностей, принимаемыхъ за равновозможныя, и изслѣдованіе особаго рода соединеній, приводящихъ къ разсматриванію безконечнаго числа статочностей; 6. рѣшеніе нѣкоторыхъ особенныхъ вопросовъ изъ анализа вѣроятностей; 7. о законахъ вѣроятности при неопредѣленномъ числѣ статочностей; 8. о вѣроятностяхъ жизни человѣческой; 9. о пожизненныхъ доходахъ, вдовьихъ кассахъ, тонтинахъ (пенсіяхъ, выдаваемыхъ вкладчикамъ, переживающимъ другихъ чле-

новъ общества — названіе отъ Флорентинца Лаврентія Тонти, предложившаго этотъ денежный оборотъ въ XVII в.), сберегательныхъ кассахъ и страховыхъ учрежденіяхъ вообще; 10. о наивыгоднѣйшихъ результатахъ наблюденій; 11. приложеніе анализа вѣроятностей къ свидѣтельствамъ, преданіямъ, различнаго рода выборамъ между кандидатами и мнѣніями и къ судейскимъ опредѣленіямъ по большинству голосовъ; 12. краткій историческій очеркъ постепеннаго развитія математической теоріи вѣроятностей. Сверхъ того приложено десять примѣчаній къ математической теоріи вѣроятностей, двѣ таблицы съ объясненіемъ ихъ и прибавленіемъ, подъ заглавіемъ: «опредѣленіе по приближенію предѣловъ потери убитыми и ранеными, претерпѣваемой отрядомъ войскъ во время сраженія.» Аторъ говоритъ самъ, что безсмертное твореніе Лапласа: Théorie analytique des probabilités, постоянно служило ему образцомъ какъ изящностію употребленнаго въ немъ анализа, такъ и глубокомысліемъ сужденій. Но Русская книга теперь облегчаетъ изученіе самой книги Лапласа, которая, по сжатости своей и по особеннымъ затрудненіямъ, свойственнымъ предмету, доступна очень немногимъ. Въ сочиненіи нашего Академика упрощены доказательства Лапласовыхъ теорій, изложеніе ихъ и самый анализъ. Онъ, сверхъ того, пользовался изслѣдованіями великаго Эйлера, Лагранжа и Пуасссона. Надобно только сравнить его главы 7 и 10 съ ученіемъ другихъ математиковъ о томъ же предметѣ, чтобы почувствовать и оцѣ-

нить превосходство его книги предъ прочими. До сихъ поръ у насъ въ языкѣ и терминовъ не доставало для этой новой отрасли математики: теперь мы обязаны ими автору. Интересъ книги его такъ увлекателенъ, что многіе параграфы ея займутъ читателей и не принадлежащихъ къ числу математиковъ. Чтобы читатели наши убѣдились, въ какой мѣрѣ занимательны изслѣдованія теоріи вѣроятностей, мы приводимъ здѣсь начало главы 4-ой: о нравственномъ ожиданіи: «Въ предыдущей главѣ (говоритъ авторъ) мы изложили съ возможною подробностію условія математическаго равенства, или безобидности всякаго рода игоръ. Правило, предложенное для достиженія этаго равенства, должно считать въ полной мѣрѣ точнымъ и удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ въ отвлеченномъ, математическомъ смыслѣ. Но, въ примѣненіяхъ своихъ къ вопросамъ изъ общежитія, которые представляютъ обстоятельства, зависящія отъ нравственныхъ отношеній лицъ, причастныхъ къ вопросу, оно нерѣдко приводитъ къ недоумѣніямъ и, даже, къ кажущимся противорѣчіямъ. Подобныя несообразности, чаще всего, не легко могутъ быть объяснены посредствомъ соображеній, основанныхъ на разсматриваніи одваго только математическаго ожиданія. Философы-математики, имѣя въ виду по-возможности подчинить математическому анализу и тѣ вопросы, въ которыхъ надлежитъ принимать въ расчётъ относительное имущество лицъ и нравственныя ихъ отношенія, придумали ввести въ исчисленіе вѣроятно-

стей, сверхъ математическаго ожиданія, еще другую мѣру выгоды, и назвали ее *выгодою нравственною* или *нравственнымъ ожиданіемъ*. Чтобы объяснить вразумительнѣе, какимъ образомъ раждается это новое понятіе, разберемъ нѣкоторые весьма простые случаи. Играютъ въ большую игру математически равную, на примѣръ въ вистъ. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что благоразумный человѣкъ, имѣющій небольшое состояніе, откажется отъ этой игры, не смотря на то, что охотно играетъ въ умѣренную. Между-тѣмъ его математическое ожиданіе точно такое же, какъ и для другихъ игроковъ, предполагая, что всѣ равно искусны. Положимъ еще: богатый человѣкъ предлагаетъ бѣдному держать значительный закладъ, равный для обѣихъ сторонъ, что вынутая на-удачу карта изъ полной колоды будетъ красная. Разсудительный человѣкъ, разумѣется, откажется отъ такаго заклада, хотя условіе безобидно, и слѣдовательно математическое ожиданіе обоихъ закладчиковъ одинаково. *Бюффонъ*, въ своемъ *Essai d'Arithmétique morale*, съ краснорѣчивою простотой показалъ разительное отличіе между одною и тою же выгодой, ожидаемой при различныхъ обстоятельствахъ. Мы приводимъ собственныя его слова, которыя рѣзкими чертами отдѣляютъ математическое ожиданіе отъ нравственнаго. «Скупецъ «похожъ на математика; тотъ и другой цѣнятъ день- «ги по внутреннему ихъ достоинству; разсудитель- «ный же человѣкъ не разбираетъ, какова ихъ услов- «ленная цѣнность, а видитъ только выгоды, которыя

«можетъ извлечь изъ нихъ. Онъ разсуждаетъ основа-
«тельнѣе скупца, и чувствуетъ лучше математика.
«Эфимокъ, отложенный бѣднымъ для внесенія закон-
«ной повинности, и эфимокъ, дополняющій мѣшки
«откупщика, въ глазахъ скупца и математика, имѣ-
«ютъ одинаковую цѣнность: первый присвоитъ себѣ
«каждый изъ нихъ съ равнымъ наслажденіемъ, вто-
«рой будетъ считать ихъ двумя равными единицами:
«между-тѣмъ, человѣкъ разсудительный оцѣнитъ въ
«золотую монету эфимокъ бѣднаго, а въ денежку
«эфимокъ откупщика.» Неподлежитъ никакому со-
мнѣнію, что нравственное, внутреннее довольство,
доставляемое намъ какою-либо математическою вы-
годою, непропорціонально мѣрѣ этой выгоды, а
зависитъ какъ отъ сей послѣдней, такъ и отъ мно-
жества почти неуловимыхъ обстоятельствъ и отъ
нашихъ личныхъ отношеній. Дѣйствительно, нельзя
не согласиться, что незначительная для богача сум-
ма можетъ быть сокровищемъ для нищаго; поэтому-
то и необходимо отличать *безусловную* или *абсолют-
ную* величину какаго-либо имущества отъ его *отно-
сительной* величины. Первая не зависитъ отъ обсто-
ятельствъ лица, обладающаго этимъ имуществомъ
или ожидающимъ его, а вторая, напротивъ, подчи-
нена симъ обстоятельствамъ во всѣхъ отношеніяхъ.
Но изъ всѣхъ данныхъ, которыя слѣдуетъ прини-
мать въ расчетъ при опредѣленіи нравственнаго о-
жиданія, главная, вообще, есть математическая вы-
года, или, просто, *физическое имущество*. Разнообра-
зіе обстоятельствъ, которыя слѣдовало бы прини-

мать въ расчетъ для точнаго опредѣленія нравственнаго ожиданія, дѣлаетъ это опредѣленіе совершенно невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ строгомъ смыслѣ. По-этому довольствуются ипотезами, согласующимися въ главныхъ чертахъ своихъ съ опытомъ и указаніями здраваго разсудка. Знаменитый Бюффонъ, въ своемъ *Essai d'Arithmétique morale*, разсматриваетъ этотъ предметъ съ слѣдующей точки. Онъ предполагаетъ, что два человѣка, имѣющіе равныя состоянія, на примѣръ, каждый по 100 тысячь рублей, играютъ въ кости на половину своего имущества, то есть на 50 тысячь рублей. Очевидно, что выигрывающій увеличитъ свое состояніе одною третью, ибо онъ будетъ имѣть 150 т. рублей вмѣсто 100 т.; состояніе же проигравшаго уменьшится половиною, потому-что у него отъ 100 т. рублей останется только 50 т. рублей. И-такъ, по окончаніи игры, имущество однаго изъ игроковъ увеличится *одною третью,* а другаго, напротивъ того, уменьшится *половиною:* слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ, проигрышъ будетъ превышать выигрышъ *одною шестой,* ибо $\frac{1}{2}-\frac{1}{3}=\frac{1}{6}$. Изъ этаго Бюффонъ заключилъ, что игра, по сущности своей, представляетъ невыгоду для игроковъ, и слѣдовательно, что она основана на ложномъ началѣ. Еще разительнѣе примѣръ двухъ игроковъ, имѣющихъ одинаковыя состоянія, и которые играютъ на всё свое имущество. Выигравшій удвоитъ свое состояніе, а проигравшій потеряетъ всё. Какая же тутъ соразмѣрность между проигрышемъ и выигрышемъ? Правда,

выигрышъ доставитъ одному игроку средства жить въ бо̀льшомъ довольствѣ, нежели прежде, но за то̀ проигрышъ сдѣлаетъ другаго нищимъ.»

31. *Гидроятрія.* Руководство къ правильному употребленію воды при леченіи болѣзней по способу Присница. Составлено *Е. Венцелемъ,* старшимъ медикомъ водолечебнаго заведенія въ Лопухинкѣ. Въ 8; 234 стран. Спб.

Медицинскія сочиненія бываютъ предназначаемы или только *для* врачей, или вообще *для* общаго чтенія. Къ первому разряду принадлежитъ книга, о которой мы говорить будемъ. Она составлена какъ по собственнымъ наблюденіямъ автора, такъ и по извѣстнымъ изслѣдованіямъ этаго предмета Курцемъ, Шницлейномъ, Кохомъ, Вейсомъ, Мунде, Гиршелемъ и Маутнеромъ. Авторъ говоритъ, что гидроятрія не есть особая *наука*, не есть даже особая *система*, какъ гомеопатія; ея принципы общіе съ аллопатіею; она есть ученіе объ употребленіи воды въ извѣстныхъ болѣзняхъ, и составляетъ часть аллопатической терапіи. По его убѣжденію, всякая система хороша на своемъ мѣстѣ. Книгу свою г. Венцель изложилъ въ двухъ отдѣленіяхъ, назвавши первое *общею гидроятріею*, а другое *частною*. Семь главныхъ предметовъ вошло въ первое отдѣленіе: 1. о свойствахъ воды вообще; 2. различные способы употребленія воды; 3. потѣніе; 4. методы леченія; 5. діэта; 6. физіологическое и патологическое значеніе кожи (эта вся глава заимствована изъ Кленке); 7, объясненіе моментовъ общаго леченія и цѣль

способа Присница. Что касается до частной гидроятріи, она вся основана на руководствѣ Краузе. Въ ней тоже семь главъ: 1. лихорадки; 2. воспаленія; 3. приливы и кровотеченія; 4. болѣзни отдѣляющихъ и испражняющихъ органовъ; 5. худосочія; 6. нервныя болѣзни; 7. критическія явленія (происходящія необыкновенно, непринадлежащія существенно къ понятію о болѣзни и влекущія за собою бòльшее, или мѐньшее облегченіе). Не смотря на то, что книга можетъ получить полное примѣненіе къ дѣлу только въ рукахъ медика, и обыкновенный читатель немало полезныхъ свѣдѣній занять изъ нея можетъ. Она изложена чистымъ языкомъ, ясно и очень кратко. Есть главы, на прим., о значеніи кожи и о цѣли способа леченія по Присницу, столь назидательныя и обогащающія умъ истинами, безпрестанно прилагающимися къ жизни, что на сочиненіе г. Венцеля надобно смотрѣть, какъ на общеполезное явленіе въ медицинской литературѣ. Оно пополнено прибавленіемъ, въ которомъ авторъ разсказалъ исторію двадцати паціентовъ, бывшихъ въ Лопухинкѣ и излеченныхъ тамъ по способу Присница.

32. *Отчетъ Общины Сестеръ милосердія за 1845 годъ.* Въ 12; 30 стран. Спб.

Состояніе этаго новаго въ Россіи заведенія, какъ видно изъ представленнаго нынѣ Ея Императорскому Величеству Отчета — втораго со времени основанія его — въ полной мѣрѣ оправдываетъ тѣ надежды, которыми исполнены были сердца всѣхъ благомы-

слящихъ людей при извѣстіи объ его учрежденіи. Въ заведеніи Общества Сестеръ милосердія находится семь отдѣленій: 1. отдѣленіе Сестеръ милосердія, 2. больница, 3. богадельня, 4. пансіонъ, 5. пріютъ, 6. дѣтское исправительное отдѣленіе, 7. отдѣленіе магдалинъ. «Сестры милосердія (сказано въ Отчетѣ), усердствуя предназначенію своему, подъ тщательнымъ руководствомъ доктора, Гофъ-Медика Гигинботома, пріучались ходить за больными, и большая часть изъ нихъ нынѣ уже можетъ исполнять всѣ обязанности фельдшера, кромѣ жильнаго кровопусканія. Услужливое, нерѣдко съ большвмъ самоотверженіемъ сопряженное хожденіе за больными; утѣшеніе болящихъ и умирающихъ; безпрекословная готовность къ точному исполненію приказаній врачей; оказанное въ частныхъ домахъ сердоболіе; кротость и ласковое обращеніе съ лицами, окружающими больныхъ, заслужили Сестрамъ признательность и вниманіе публики.» Число Сестеръ милосердія нынѣ 23. Изъ 225 больныхъ, бывшихъ тамъ въ продолженіе 1845 года, выздоровѣло 179, а умерло только 16. Неизлечимо-больныя призрѣны въ богадельнѣ, учрежденной въ заведеніи. Въ пансіонѣ, гдѣ въ годъ платится только 275 р. ас., обучаютъ катихизису, грамматикѣ Русскаго языка, ариѳметикѣ. чистописанію и рукодѣліямъ, а способнѣйшихъ еще Нѣмецкому языку и церковному пѣнію. Пансіонерокъ 60. Изъ нихъ 18 содержатся на счетъ заведенія. Въ пріютѣ призрѣно 80 человѣкъ дѣтей. И въ исправительномъ дѣтскомъ отдѣленіи заведе-

ніе на свой счетъ содержитъ 18 дѣвочекъ. Отдѣленіе магдалинъ существуетъ уже 12-й годъ. Съ его основанія до нынѣшняго времени въ немъ облагодѣтельствовано 481 лице. Въ продолженіе 1845 года въ этомъ Отдѣленіи было 38 лицъ, изъ которыхъ 15 опредѣлены на мѣста, 5 отправлены въ мѣста ихъ рожден;я, 7 отпушены по ихъ желанію, а 11 остаются. Содержаніе всѣхъ частей учрежденія обошлось въ годъ только въ 11,731 р. 94 к. сер., а наемъ дома 2,571 р. 42 к. сер. Такимъ образомъ нельзя не убѣдиться, что, при благоразумной распорядительности, при усердіи къ добру, самая ограниченная сумма превращается въ источникъ неисчислимыхъ благодѣяній людямъ, нуждающимся въ помощи и призрѣніи.

33. *Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія.* Соч. *А. Вейдемейера.* Изданіе И. Эйнерлинга. Въ 8; 212 и 222 стран. Спб.

Пособіемъ къ изученію исторіи наиболѣе служатъ сборники отдѣльныхъ расказовъ, относящихся къ какой-нибудь эпохѣ. Въ подробностяхъ своихъ эти повѣствованія могутъ доходить до увлекательной занимательности современныхъ записокъ, а свободнымъ выборомъ предметовъ защищаются отъ хронологической сухости, почти неизбѣжной въ собственно-называемой исторіи. Конечно, недостаточно свѣдѣній, почерпаемыхъ въ подобныхъ расказахъ, для полнаго уразумѣнія того періода, который критически обнять надобно. Но безъ ихъ помощи мно-

гое останется безцвѣтнымъ и даже безжизненнымъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія книгу г. Вейдемейера, мы находимъ ее, подобно прежнимъ сочиненіямъ того же автора о Россіи, изданнымъ въ 1831 и 1835 годахъ, очень полезною и достойною вниманія публики. Вѣкъ Екатерины II, въ Русской исторіи, навсегда останется не только замѣчательнѣйшимъ для насъ временемъ, но и основнымъ для изученія гражданственности Россіи. Начало благодѣтельныхъ преобразованій въ отечествѣ нашемъ положено Петромъ I, а приведеніе ихъ въ полную и систематическую стройность, водвореніе повсемѣстнаго порядка, благосостоянія, правосудія, безопасности, образованности и гражданскихъ нравовъ — все это было созданіемъ Екатерины II. И–такъ, сколько бы ни являлось новыхъ книгъ, которыхъ сочинители дополняютъ свѣдѣнія наши о времени, столь назидательпомъ для потомства, мы не можемъ не принять ихъ безъ благодарности. Есть однако же недостатокъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, который какъ анахронизмъ непріятно бросается въ глаза читателю, и отъ котораго давно уже пора освободиться Русскимъ писателямъ. Мы разумѣемъ небрежность, неправильность въ языкѣ, необработанность оборотовъ его и видимое оскорбленіе законовъ прекрасной рѣчи Русской. Современникъ, во все время существованія своего, постоянно обращалъ вниманіе писателей на это странное явленіе. Нигдѣ не пишутъ такъ небрежно и ошибочно, какъ у насъ. Большая часть сочинителей думаетъ,

что навыкомъ вполнѣ замѣняется изученіе правилъ. Однако же несчастные опыты должны когда-нибудь ихъ разувѣрить въ этомъ.

34. *Кавказъ и его горскіе жители въ нынѣшнемъ ихъ положеніи.* Съ объясненіемъ исторіи, религіи, языка, облика, одежды, строеній, воспитанія, правленія, законовъ, коренныхъ обычаевъ, нравовъ, образа жизни, пищи, образованія и торговли хищныхъ горцевъ Кавказа. Составлено *Н. Данилевскимъ* (съ шестью рисунками). Въ 12; 136 стран. Моск.

См. въ предыдущемъ № разборъ книги, отмѣченной цифрою 21.

35. *Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній.* Соч. *Д. П. Журавскій.* Въ 8; 210 стран. Кіевъ.

Сочиненіе, котораго заглавіе здѣсь выписано, относится къ разряду теоретическихъ изысканій, не смотря на то, что авторъ занимается наукою самою положительною. Подобныя сочиненія произвольны и ничего не прибавляютъ къ дѣлу. Г. Журавскій доказываетъ, что для Статистики еще мало собрано достовѣрныхъ извѣстій; а въ-слѣдъ за тѣмъ онъ указываетъ на придуманныя имъ средства къ обогащенію науки несомнѣнными данными. Первыя мысли его столько истинны, сколько исполнимы требованія въ предпріятіи, котораго совершеніе зависитъ отъ времени и развитія образованности во всѣхъ классахъ гражданъ. Что касается до пособій, изобрѣтенныхъ имъ для блага науки, они непримѣнимы къ практикѣ, и такою отзываются мелочностію,

что, осуществившись, подавятъ Статистику безплодными массами цифръ и классификацій. Если бы авторъ, вмѣсто теоретическихъ воззрѣній своихъ, представилъ намъ маленькую долю обработанныхъ для науки матерьяловъ (какъ, по его мнѣнію, ни маловажны они), сочиненіе его принесло бы существенную пользу. Теперь же оно исчезнетъ въ массѣ тѣхъ журнальныхъ статей, въ которыхъ обсуживаютъ все, ни о чемъ не разсуждая.

36. *Двѣ поѣздки.* Сочиненіе *Николая Баженова.* Въ 16; 82 стран. Казань.

Если бы въ этой книжкѣ побольше было матерьяльнаго, разумѣемъ, положительныхъ указаній, статистическихъ извѣстій, топографическихъ новостей — читатель охотно слѣдовалъ бы за путешественникомъ, хоть еще далѣе. Но придуманные расказы. трудно изобрѣтенныя шутки и подобныя тому украшенія лишаютъ сочиненіе занимательности и достоинства.

37. *Изображеніе улицъ Литейной части* съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ казенныхъ и обывательскихъ домовъ. Составлено приставомъ Литейной части *Цыловымъ.* Въ-листъ; 35 стран. съ 63 чертежами. Спб.

Изданіе, о которомъ теперь мы говоримъ, нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ книгою: это собраніе чертежей, на которыхъ, для справокъ, означены всѣ улицы Литейной части и каждый обывательскій или казенный домъ. Весь текстъ состоитъ только изъ указателя улицъ и алфавитнаго списка,

кому принадлежатъ домы. Если бы каждая часть нашей столицы представлена была въ такомъ же видѣ, какъ теперь Литейная, изданіе, не говоря о видимой отъ него пользѣ въ настоящее время, составило бы драгоцѣнный памятникъ для потомства. Можно ли безъ любопытства и ученаго пріобрѣтенія разсматривать планъ столичнаго города, каковъ онъ былъ, на прим., при Петрѣ I, или Екатеринѣ II? Это какъ бы исторія въ лицахъ. Въ главномъ городѣ сосредоточивается вся умственная, гражданская и административная дѣятельность націи. Взглядъ на устройство такаго города разрѣшаетъ важнѣйшіе вопросы, возникающіе въ исторіи. Послѣднія почти полтора столѣтія не могутъ быть изображены въ исторіи Россіи со всею очевидностію и заманчивостію безъ помощи хронологической топографіи Санктпетербурга. И–такъ на трудъ г. Цылова надобно смотрѣть какъ на прекрасный опытъ изданія, которое должно осуществиться въ полномъ видѣ. Онъ можетъ служить и образцемъ для послѣдующихъ частей, потому–что совершенъ какъ нельзя лучше.

38. *Стихотворенія В. Аскоченскаго.* Въ 8; 200 и III стран. Кіевъ.

Книга содержитъ въ себѣ 56 мелкихъ стихотвореній. Опи по содержанію своему такъ разнородны, что трудно отыскать между ними какое–нибудь единство. Начавши съ предметовъ религіозныхъ, сочинитель перешелъ наконецъ и къ юмористическимъ. Если бы это собраніе ознаменовано бы-

ло силою таланта, рѣшительнымъ направленіемъ поэзіи, оригинальнымъ слогомъ, собственнымъ характеромъ сочинителя и художническимъ языкомъ— оно привлекло бы къ себѣ читателей самымъ разнообразіемъ своимъ. Къ сожалѣнію, въ стихахъ г-на Асноченскаго нѣтъ ни однаго изъ тѣхъ признаковъ, которыми истинная поэзія отличается отъ бездарныхъ писаній. Это самый обыкновенный опытъ человѣка, прочитавшаго нѣсколько хорошихъ стихотвореній и воображающаго, что на подобные труды можно всякому рѣшиться. Всматриваясь въ подражанія г-на Аскоченскаго, убѣждаешься, что и въ выборѣ образцевъ онъ смѣшиваетъ хорошее съ ошибочнымъ. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ его безвкусіе дошло до неприличія. Вотъ, на примѣръ, какимъ вдохновеніемъ нашъ поэтъ одолженъ былъ чтенію всякаго вздору. Пьеса его называется *Пьяница*. Къ ней взятъ слѣдующій эпиграфъ: «Чувствуя, чѣмъ бы онъ могъ «быть, и зная, что никогда ничѣмъ быть не можетъ, «Глазовъ почиталъ себя счастливымъ тогда только, «когда могъ забыть свое положеніе, и впасть въ со-«стояніе безсмысленнаго животнаго. Булгаринъ.» Стихи начинаются такъ:

«Бродя по комнатѣ неровною походкой,
Въ рукѣ трепещущей держалъ стаканъ онъ съ водкой;
И красные глаза, налитые виномъ,
Горѣли у него горячечнымъ огнемъ;
И непріятно дикъ былъ голосъ его хриплкій,
И пухлое лицо кривлялося улыбкой.
Остановился онъ, и залпомъ проглотилъ

Вонючее вино и солью закусилъ.
Отплюнувъ въ сторону, поникъ онъ головою» — — —
и проч.

39. *Честь дороже жизни!* Драма въ двухъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ. *А. П. Сл — на.* Въ 16; 66 стран. Спб.

Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.

40. *Фіолетовыя книжки.* Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ. *С. Ахлопкова.* Книжка *первая.* Въ 8; 32 стран. Спб.

Видно, что въ книжкѣ этой собраны сочинителемъ давніе опыты его въ упражненіяхъ Русскимъ языкомъ. Нѣкоторые написаны лѣтъ за десять. Ежели въ названіи *фіолетовыхъ* книжекъ таится намекъ на скромный характеръ статей, то мы полагаемъ, что для нихъ гораздо точнѣе будетъ эпитетъ *полинялыхъ.*

41. *Начальныя основанія общей и прикладной механики,* руководство къ преподаванію механики въ архитектурномъ отдѣленіи института и въ строительномъ училищѣ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Сочиненіе *Я. Ястржембскаго.* Часть I. Общая механика. Въ 8; Спб.

Сочинитель, руководствуясь теоріею механики извѣстнаго Понсле, сообщилъ книгѣ своей надлежащую ясность, простоту и законный объемъ. Курсъ его открывается изъясненіемъ общихъ началъ нау-

ки, отъ которыхъ онъ переходитъ къ изслѣдованіямъ о составѣ и образѣ дѣйствія фабричныхъ машинъ. Для облегченія успѣховъ въ наукѣ, столь отвлеченной и затруднительной, онъ умѣлъ изыскать доказательства столько же очевидныя, какъ и доступныя понимающимъ одни простыя начала геометріи безъ дифференціальнаго и интегральнаго вычисленія. Надобно желать, чтобы его курсъ получилъ извѣстность и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается эта часть математики.

42. *Новый учебникъ для умственнаго развитія малолѣтныхъ дѣтей* и обогащенія ихъ полезными познаніями, составленный *Я. Лангеномъ*. Въ 8; 217 стран. Спб.

Книжка начинается азбукою и складами; далѣе слѣдуютъ замѣчанія о чтеніи и знакахъ препинанія; наконецъ собраны разныя статьи для умственнаго развитія. Послѣднее отдѣленіе, само по себѣ, останется безплоднымъ, ежели не поможетъ ребенку умный учитель, потому-что въ приведенныхъ здѣсь сочиненіяхъ безпрестанно встрѣчаются мѣста, еще темныя для дѣтскаго понятія. Ежели бы составитель книги потрудился подобрать въ этой части дѣйствительно статьи постепенныя, такъ, чтобы все послѣдующее становилось яснымъ отъ предыдущаго; то учебникъ его заслужилъ бы по справедливости названіе *новаго*.

43. *Счетоводство для всѣхъ родовъ торговли.* Сочиненіе *Э. Мудрова*, старшаго учителя Олонецкой губернской гимназіи. Въ 8; VI и 373 стран. Спб.

Опытный и образованный наставникъ всегда основательнѣе излагаетъ науку, нежели самый тонкій теоретикъ. Разсматриваемая нами книга служитъ тому доказательствомъ. Учебникъ г. Мудрова обнимаетъ изученіе торговаго счетоводства въ системѣ правильной и легко развитой. Всѣ предметы на своемъ мѣстѣ. Ничего нѣтъ лишняго. Доказательства строги, а послѣдовательность естественна.

44. *О плугѣ и плугахъ въ механическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ.* Сочиненіе члена-корреспондента Вольнаго Экономическаго общества, Московскаго общества сельскаго хозяйства и Ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, *Эрнста Рудольфа*, автора *Земледѣльческаго Календаря.* Съ рисунками. Въ 8; 78 стран. Спб.

Главная цѣль книги не ограничивается изображеніемъ составныхъ частей плуга, ихъ назначенія и необходимыхъ условій для правильнаго и успѣшнаго ихъ дѣйствія, но простирается еще и на обозрѣніе причинъ, которыя до сихъ поръ останавливали у насъ введеніе улучшенныхъ пахатныхъ орудій. Сочинитель, обладающій опытностію и отчетливыми свѣдѣніями по этой части, изыскиваетъ средства, какъ бы поправить у насъ общую неудачу, нанесенную землепашеству ошибочностію нововведеній, несообраденныхъ съ мѣстностію и другими вопросами хозяйства, какъ отвратить дороговизну улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій — и наконецъ, какъ бы пріохотить рабочихъ людей къ попыткамъ надъ новыми средствами, которыя изобрѣ-

таются для совершенствованія ихъ промысла. Главную надежду свою въ этомъ дѣлѣ полагаетъ авторъ на учрежденіе обществъ, которыя бы и деньгами и натурою способствовали улучшенію земледѣлія.

45. *Полеводство.* Соч. *Старіона Ходецкаго.* Въ 8; 162 стран. Спб.

Молодой ученый, издавшій нынѣ первый опытъ обработыванія науки, которую онъ излагаетъ съ профессорской каѳедры, образовался въ Санктпетербургскомъ Университетѣ и дополнилъ свои знанія во время путешествія за границею. Напечатанная имъ книга заключаетъ въ себѣ систематическій курсъ полеводства. Онъ сохранилъ въ немъ все ученое достоинство, какое только можетъ внести въ науку человѣкъ, обладающій современными по ся части знаніями, мыслящій строго-логически, способный къ практическимъ приложеніямъ своей теоріи и съ точностію излагающій идеи на отечественномъ языкѣ. Наука сельскаго хозяйства у насъ до сихъ поръ не пріобрѣла еще въ достаточномъ количествѣ достойныхъ дѣятелей. Тѣмъ съ бо̀льшею радостію принимается всѣми образованными людьми появленіе труда добросовѣстнаго и вмѣстѣ скромнаго.

46. *Карманная поваренная книга,* составленная *К. Авдѣевой.* Въ 8; 184 стран. Спб.

Надобно думать, что вкусъ къ кухонной литературѣ распространяется у насъ сильно: почти не проходитъ мѣсяца, чтобы сочинительница карманной поваренной книги не дарила намъ новаго лакомаго

сборника, пользуясь всѣмъ, что до нея издано было въ этомъ родѣ подъ разными наименованіями.

II.

47. *Библіотека для воспитанія.* Изданіе *Августа Семена.* Отдѣленіе *второе. Часть IV.* Въ 12; 95 стран. Моск.

48. *Всеобщая географія,* приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Выпуски 3 и 4.* Въ 8; съ 225 по 560 стран. включительно. Моск.

49. *Достопамятности Москвы,* издаваемые *Корниліемъ Тромонинымъ.* Тетрадь *пятая.* Моск.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

2. *Ученіе Либига о составныхъ частяхъ и дѣйствіи навоза.* Изъ химическаго словаря, изданнаго *Либигомъ, Поггендорфомъ и Келеромъ* въ Брауншвейгѣ 1845 г. Перевелъ съ Нѣмецкаго *Николай Пановъ.* Въ 8; 38 стран. Моск.

Землеудобреніе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Голосъ знаменитаго Либига въ этомъ дѣлѣ достоинъ вниманія людей, занимающихся у насъ хозяйствомъ. Переводъ его статьи, къ счастію, предпринятъ былъ человѣкомъ, знающимъ хорошо и Нѣмецкій языкъ и Русскій и самую науку.

3. *Вѣчный Жидъ*, романъ, сочиненіе *Евгенія Сю.* Переводъ съ Французскаго *Аркадія Маркова.* Изданіе, украшенное 200 литографированными рисунками съ оригинальныхъ картинъ извѣстныхъ художниковъ. 10 частей. Въ 12; 282, 359, 291, 295, 335, 285, 189, 285, 273 и 304 стран. Моск.

Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ усиліе литературной промышленности, съ которымъ она хлопочетъ около ничтожной книги, попавшей въ моду. Около вѣчнаго Жида собрались безграмотные поставщики издѣлій книжныхъ — и заодно съ провинціальны-

ми журналами снабжаютъ своими переводами добродушныхъ читателей. Но зачѣмъ имъ мѣшать?

II.

4. *Исторія консульства и имперіи во Франціи.* Сочиненіе *А. Тьера.* Переводъ *Ѳ. Кони. Томъ II.* Часть *четвертая.* Въ 8; 129 стран. Спб.

5. *Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ,* издаваемая *Н. Улитинымъ.* Выпускъ *четвертый.* Томы X, XI и XII (Странствующій Жидъ, романъ Еженя Сю, автора *Парижскихъ тайнъ.* Переводъ съ Французскаго. *Части XIV — XX*). Въ 8; 115, 98, 98, 88, 96, 80, 90 и VI стран. Моск.

6. *Двадцать лѣтъ спустя. Продолженіе Трехъ Мушкатеровъ,* романъ *Александра Дюма.* Части I, II, III, IV, и V. Въ 8; 141, 136, 153, 128 и 154 стран. Спб.

7. *Странствующій Жидъ.* Романъ *Еженя Сю,* автора Парижскихъ тайнъ. Переводъ съ Французскаго. *Части XIV—XX.* Въ 8; 115, 98, 98, 88, 96, 80, 90 и VI, стран. Моск.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

12. *Упражненія въ декламаціи*, или собраніе стихотвореній для дѣтей. Изданіе *второе*. Въ 8; 61 стран. Спб.

13. *Учебная книга всеобщей географіи*, принятая для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Составилъ *А. Ободовскій*. *Второе* изданіе исправленное. Въ 8; 455 стран. Спб.

14. *Самоучитель Французскаго языка*, или руководство научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-Французски. Въ двухъ частяхъ. *Второе* изданіе исправленное. Въ 16; 174 стран. Спб.

15. *Наставникъ Русской граматъ*, или руководство къ обученію малолѣтныхъ дѣтей въ самомъ скоромъ времени чтенію правильному и свободному. Съ 36-ю картинками, прописями для чистописанія и оригиналами для рисованія. Изданіе *третіе*. Въ 8; 119 стран. Спб.

16. *О построеніи несгараемыхъ глиняныхъ крышъ*, по способу *г-на Дорна* и др. *Третье* исправленное изданіе, съ чертежами. Въ 12; 26 стран. Спб.

17. *Набивное построеніе*, или руководство строить изъ обыкновенной земли весьма дешевые, проч-

ные, отъ огня безопасные и теплые дома, съ описаніемъ новѣйшихъ опытовъ, произведенныхъ въ Швейцаріи, и IV чертежа. Инженера *Даффнера*. Изданіе *второе*. Въ 8; 26 стран. Спб.

II.

18. *Руководство къ познанію новой исторіи* для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное *С. Смарагдовымъ*, адъюнктъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго лицея. Изданіе *второе* исправленное. Въ 8; 552 стран. Спб.

19. *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Географія*. Часть *четвертая*. *Географія Россійской имперіи*. Составилъ *Н. Соколовскій*. Изданіе *второе*. Въ 8; 288 стран. Спб.

РАЗНОЕ.

— Редакторъ Отечественныхъ Записокъ въ 8 № журнала своего объявилъ, что онъ предполагаетъ «сдѣлать подарокъ своимъ читателямъ,» помѣстивши въ Отечественныхъ Запискахъ переводъ романа Эженя Сю *Martin, l'enfant trouvé.* Странно показалось намъ, что этотъ l'enfant trouvé овладѣетъ Отечественными Записками — и мы тогда же (т. XLIII, стран. 323 и 324) со всею искренностію замѣтили, что нѣтъ никакой надобности распространять по нашимъ провинціямъ извѣстность литературныхъ произведеній такой школы, которая давно уже и въ Парижѣ осмѣяна порядочными людьми. Теперь и самъ г-нъ Краевскій вынужденнымъ нашелся подтвердить справедливость замѣчанія нашего. Вотъ что говоритъ онъ (XLIII, VI, 108): «Новый романъ Эженя Сю Martin, l'enfant trouvé, «введеніе къ которому предложили мы въ книж-«кѣ Отечественныхъ Записокъ за прошлый мѣ-«сяцъ, *оказывается болѣе и болѣе неудобнымъ для* «*перевода.* Даже изъ «введенія» мы должны были «выкинуть нѣсколько главъ, *которыя*, можетъ быть, «*годятся для Французской, но нисколько негодны для* «*Русской литературы.* Читая далѣе этотъ романъ и «увидѣвъ, что *чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше* «*дровъ*, мы должны были рѣшиться» — — и т. д.

— Г-нъ Булгаринъ, въ 230 № Сѣверной Пчелы нынѣшняго года, съ полною справедливостію, съ истиннымъ безпристрастіемъ отозвался о достоинствѣ небольшой книжки, изданной подъ заглавіемъ: «Карманная книжка для помѣщиковъ, или лучшій, извлеченный изъ опыта способъ управлять имѣніемъ.» *Ее надлежало бы набрать алмазами на золотѣ*, говоритъ критикъ. Для дополненія свѣдѣній его о сочиненіи, которому суждено играть блистательную ролю въ Русской библіографіи, долгомъ считаемъ присовокупить, что оно первоначально явилось въ Современникѣ 1843 года (Т. XXXI, стран. 130—142).

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ отъ свѣтскихъ наслажденій,
Отъ городскихъ заботъ, превратностей и смутъ,
Далеко, въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
Въ душеспасительный пріютъ!

Бѣги же ты въ свои родимыя долины,
На свѣжіе луга поемныхъ береговъ,
Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины
И лепетаніе ручьевъ!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ —
И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
Свѣтло заискрится твой взоръ.

И лиру ты возмешь: проснется золотая,
И снова запоетъ о жизни и любви,
И звуки полетятъ, красуясь и играя —
Живые, чистые, твои!

Не медли, другъ и братъ! Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О, будь же вѣренъ ей всегда!
Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
Она твой крестъ, твоя звѣзда!

И что же на землѣ и сладостнѣй и краше?
Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
И ради нашихъ музъ и ради дружбы нашей
Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй — и славою своею
Обрадуй вновь Парнасъ и оживи меня —
Да новый хоръ пѣвцовъ исчезнетъ передъ нею
Какъ снѣгъ передъ лицомъ огня!

Н. Языковъ.

4 Марта, 1836.

БЫВАЕТЪ.

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ
Надъ зданіемъ трудится терпѣливо —
И, постарѣвъ отъ горестей и бѣдъ,
Къ концу его подводитъ горделиво.

Доволенъ онъ упрямою душой,
Веселый взоръ на зданіе наводитъ;
Но куполъ кривъ! но трещиной большой
Разсѣлся онъ, и дождь въ него проходитъ!..

Ломаетъ все, что выстроено имъ;
Но новый трудъ его опять безплоденъ,
За тѣмъ, что планъ его неисполнимъ,
И зодчій плохъ и матерьялъ негоденъ!...

Не такъ ли ты трудишься, человѣкъ,
Надъ зданіемъ общественнаго быта?
Оконченъ трудъ... Идетъ за вѣкомъ вѣкъ —
И истина могучая разбита!

И всякій разъ, какъ много съ ней падетъ
Безвинныхъ жертвъ рабочаго движенья!...
Ужель твое развитіе идетъ,
Какъ колесо, путемъ круговращенья?

О родъ людской! Не разъ въ судьбѣ своей
Ты мнилъ найти и Истину и Вѣру,
За тѣмъ, чтобъ вновь разувѣряться въ ней
И строить храмъ по новому размѣру!

Какимъ путемъ ты цѣли не искалъ?
Къ какимъ богамъ не возсылалъ моленья?
Но много ль ты вопросовъ разгадалъ,
И тайный смыслъ ты понялъ ли творенья?

Къ чему же насъ ты нынѣ привела,
Судебъ мірскихъ живая скоротечность?
Все таже власть враждующаго зла,
Все также намъ непостижима вѣчность!

Но опытомъ смирилися умы,
Исчезли съ нимъ надежды и утѣхи...
И жизнь теперь, какъ бремя, носимъ мы,
И вѣры нѣтъ въ грядущіе успѣхи!

Ив. Аксаковъ.

26 Августа, 1846 г. Калуга.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я счастливъ былъ. Любовь вплела
Въ вѣнокъ мой нити золотыя,
И жизнь съ поэзіей слила
Свои движенія живыя.
Я сердцемъ жилъ. Я жизнь любилъ.
Мой путь усыпанъ былъ цвѣтами,
И я веселыми устами
Мою судьбу благословилъ.

Но вдругъ вокругъ меня завыла
Напастей буря, и съ чела
Вѣнокъ прекрасный сорвала,
И цвѣтъ за цвѣтомъ разронила.
Все, что любилъ, я схоронилъ
Во мракѣ двухъ родныхъ могилъ.
Живой мертвецъ между живыми,
Я отдыхалъ лишь на гробахъ.
Краснорѣчивъ мнѣ былъ ихъ прахъ,
И я сроднился сердцемъ съ ними.

Дни одиночества текли
Какъ дни невольника. Печали,
Какъ глыбы гробовой земли,
На грудь болѣзненно упали.
Мнѣ тяжко было. Тщетно я
Въ пустынѣ знойнаго страданья
Искалъ струи воспоминанья:
Горька была мнѣ та струя!

Она души не услаждала,
А жгла, томила и терзала.
Хотя бы слезъ ниспалъ потокъ
На грудь изсохшую въ печали:
Но тщетно слезъ глаза искали,
И даже плакать я не могъ!

Но были дни: въ душѣ стихало
Страданье скорби. Утро дня
Въ душевной ночи разсвѣтало,
И жизнь сіяла на меня.
Мечтой любви, мечтой всесильной
Я ниспускался въ мракъ могильной,
Оковы гроба разрывалъ,
Трупъ милый обвивалъ руками,
Сливалъ уста съ ея устами,
И воплемъ къ жизни вызывалъ —
И жизнь на зовъ мечты являлась.
Въ забвеньи страсти мнѣ казалось —
Дышала грудь, цвѣли уста,
И въ чудномъ блескѣ открывалась
Очей небесныхъ красота...
Я плакалъ сладкими слезами,
Я снова жилъ и жизнь любилъ —
И, убаюканный мечтами,
Хотя обманомъ счастливъ былъ.

* *

ПРИПЛЫТІЕ.

Мы плыли долго и счастливо;
Корабль, надувши паруса,
Бѣжалъ, какъ конь нетерпѣливой,
И голубыя небеса
Надъ нами весело сіяли.
Благословляя легкій бѣгъ,
Пловцы увидѣть близкій брегъ
Надежду сладкую вкушали.
Мнѣ грустно было... На землѣ
Мой негодуетъ духъ свободный:
Тамъ часто въ дерзновенномъ злѣ
Находятъ подвигъ благородный;
Тамъ часто истины законъ
Поруганъ властію неправой;
Порокъ увѣнчанъ яркой славой,
И слышенъ слабыхъ тщетный стонъ.
Какія грозы океана,
Удары гнѣвные волны
Страшнѣй коварной тишины
Земли недвижной?... У обмана
И тихъ и ласковъ образъ — имъ
Не разъ я въ жизни обольстился...
Воспоминаніемъ томимъ,
Я небу пламенно молился,
Чтобъ моря синее стекло
Разбилось бурей благостынной,
Чтобъ насъ далече увлекло
Отъ береговъ волной пустынной.

Н. Будьдобрый.

Амстердамъ.

СОВѢТЪ.

(К. С. А.)

Храни уставъ приличій строгихъ свѣта,
Волненья думъ глубоко затаивъ:
Ихъ назовутъ горячностью поэта,
Почтутъ хвалой твой искренній порывъ!

Но похвала горячему движенью,
Какъ ядъ крови́, опасна и вредна:
Она ведетъ къ вопросу и сомнѣнью,
Свободу чувствъ смутитъ въ тебѣ она.

И чистота внезапнаго порыва
Затмится вдругъ тщеславною мечтой...
О, бойся ихъ хвалебнаго отзыва,
Не щеголяй душевной красотой,

Чтобъ гордый свѣтъ улыбкой снисхожденья
Не оскорбилъ восторженную рѣчь!
Безсильныхъ душъ порывомъ не увлечь:
Своей души растратишь ты движенья,
Остынетъ жаръ и притупится мечь!...

Ив. Аксаковъ.

1 Сентября, 1846. Калуга.

À MA FEMME.

Моей звѣзды восточное теченье
Свершило кругъ, начертанный судьбой,
Миръ на земли принесши мнѣ съ собой.
А въ людяхъ нѣтъ, въ нихъ нѣтъ благоволенья

Въ землѣ чужой я встрѣтилъ васъ нежданно,
Привѣтъ любви и прелесть милыхъ глазъ!
Свободы градъ! Моей свободы странной
Въ твоихъ стѣнахъ пробилъ послѣдній часъ!

Ты родилась въ Бургундіи счастливой:
Ты вспоена родимымъ молокомъ!
И голосъ чувствъ безпечно горделивыхъ
Тебѣ давно, съ младенчества знакомъ!

Златой телецъ богатствъ и чести мнимой
Тебѣ ничто. Во прахъ толпы кумиръ!
Нашъ общій кладъ, ничѣмъ незамѣнимый,
Любовь, и честь — священный сердца миръ!

Жеманства нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ и взорѣ:
И взглядъ одинъ сдружилъ насъ навсегда!
Лихое насъ не разлучило море,
Не разлучатъ ни счастье, ни бѣда!

И если тамъ, за океаномъ синимъ
Надеждъ и вѣръ, есть мѣсто для любви:
Въ сліяньи душъ міръ дольній мы покинемъ.
Живъ Богъ — и ты, душа моя, живи!

ТРИ ВЗГЛЯДА.

Когда ты взглянешь на меня
Звѣздами жизни и огня —
Своими черными глазами,
Глубоко въ грудь твой взоръ падетъ,
Забьется сердце и замретъ,
Какъ будто птичка подъ сѣтями.

Но новый взглядъ твоихъ очей —
И въ тотъ же мигъ въ груди моей
Цвѣтокъ надежды разцвѣтаетъ;
И свѣтитъ сердцу свѣтъ сквозь тьму,
И сладокъ милый плѣнъ ему,
И цѣпи милыя лобзаетъ.

Но что жъ, когда въ твоихъ глазахъ
Сквозь тучи въ молнійныхъ огняхъ
Любовь заблещетъ роковая?
О, сердце, сердце! этотъ взглядъ
Освѣтитъ блескомъ самый адъ
И разольетъ блаженство рая.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я обходилъ полуночной порою
Дремучій садъ. Лиловѣли сирени;
На озерѣ нарисовались тѣни,
И звѣздочки бѣжали за луною.

И медленно овладѣвало мною
Предвѣстіе неотразимой лѣни,
И я присѣлъ на плитныя ступени,
Обросшія шелковою травою.

И ясени, условясь межъ собою,
Воздвигнули хранительныя сѣни
И слышались таинственныя пѣни
Плѣненнаго душистой красотою.

II.

На ровномъ берегу угомоненныхъ водъ,
Въ нихъ отражаяся, кружится хороводъ,
И часто дѣвушка, какъ лебедь, лебедь бѣлый,
Смиренно движется походкою несмѣлой,
Но, видя, что ее другая стережетъ,
Какъ рыбка изъ руки порывисто скользнетъ,
И косы черныя, какъ луговыя змѣи
Оживши, задрожатъ на перламутрѣ шеи,
И будто бы шипокъ безцѣннаго куста
Игривой гордостью раскроются уста,
А слабоглазыя старухи осуждаютъ —
Они, знать, молодость свою позабываютъ.

III.

Она покоится на кружевахъ постели,
Какъ милое дитя въ уютной колыбели,
Покровы выпукливъ, рисуются слегка
На дѣвственной груди лежащая рука,
Плѣнительной ноги округленные члены,
Да нѣжное плечо, достойное Елены —
И стережетъ ее таинственная ночь,
Какъ любящая мать просватанную дочь.

IV.

Сорится дождь прозрачными иглами;
Какъ бисеромъ унизаны кусты,
И молнія, сорвавшись съ высоты,
Разсыпалась лиловыми звѣздами.

Но лѣтнею порою непогода,
Какъ пылкій гнѣвъ ребенка, коротка;
Какъ челноки, уходятъ облака
За рубежи лазореваго свода.

И ярче листъ и чашечка цвѣточка
Облитые полуденной росой,
Какъ будто бы любовною слезой
Плѣнительно-увлаженная щечка.

Д. Коптѣвъ.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

НА 1847 ГОДЪ.

СОВРЕМЕННИКЪ, основанный А. С. Пушкинымъ, а въ послѣдствіи съ Высочайшаго соизволенія перешедшій въ распоряженіе П. А. Плетнева, съ 1847 года подвергается *СОВЕРШЕННОМУ ПРЕОБРАЗОВАНІЮ.* Редакція Современника, съ разрѣшенія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, переходитъ къ Профессору Спб. Университета А. В. НИКИТЕНКО.

Изданіе же сего журнала, по взаимному согласію и условію съ прежнимъ издателемъ и редакторомъ, приняли на себя И. И. ПАНАЕВЪ и Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Заготовивъ предварительно значительное количество матерьяловъ и получивъ согласіе на участіе въ Современникѣ многихъ извѣстныхъ Русскихъ ученыхъ и литераторовъ, редакторъ и издатели въ тоже время нашли нужнымъ значительно увеличить объемъ журнала.

Современникъ съ 1847 года будетъ издаваться ежемѣсячно книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ въ большую осьмушку. Такимъ образомъ годовое изданіе Современника будетъ заключать въ

себѣ отъ 250 до 300 печатныхъ листовъ. Книжки будутъ выходить *аккуратно 1-го числа каждаго мѣсяца* и печататься на хорошей бумагѣ въ одной изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій.

Въ Современникѣ съ 1847 года будутъ участвовать слѣдующіе ученые и литераторы:

Бѣлинскій, В. Г. — Гамазовъ М. А. — Грановскій, Т. Н. — Губеръ, Э. И. — Гончаровъ, И. А. — Даль-Луганскій, В. И. — Достоевскій, Ѳ. М. — Засядко, Д. А. — Искандеръ. — Кавелинъ, К. Д. — Комаровъ, А. С. — Коршъ, Е. Ѳ. — Кронебергъ, А. И. — Кетчеръ, Н. Х. — Мельгуновъ, Н. А. — Майковъ, А. Н. — Небольсинъ, Г. П. — Нестроевъ. — Некрасовъ, Н. А. — Никитенко, А. В. — Надеждинъ, Н. И. — Одоевскій, князь В. Ѳ. — Панаевъ, И. И. — Плетневъ, П. А. — Перевощиковъ, Д. М. — Рѣдкинъ, П. Г. — Соллогубъ, графъ В. А. — Струговщиковъ, А. Н. — Тургеневъ, И. С., и др.

Согласно утвержденной Правительствомъ программѣ, каждая книжка Современника будетъ раздѣляться на слѣдующіе отдѣлы:

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Романы, повѣсти, расказы, драмы — оригинальные и переводные. Стихотворенія.

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и по поводу всѣхъ замѣчательныхъ явленій въ мірѣ Искуствъ и Наукъ, какъ въ Россіи, тякъ и за границею. Здѣсь особенное вниманіе обращено будетъ на исторію отечественную.

III. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

a) *Русская Литература.* Отчеты о всѣхъ выходящихъ въ Россіи и заслуживающихъ вниманіе новыхъ книгахъ — краткіе или пространные, смотря по важности разбираемаго сочиненія. Статьи по поводу извѣстнѣйшихъ Русскихъ писателей, преимущественно не подвергавшихся еще основательному критическому разсмотрѣнію. Въ первой книжкѣ каждаго года Обзоръ Русской Литературы за истекшій годъ. — Литературныя и другія извѣстія.

b) *Иностранная Литература.* Отчеты о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ, появляющихся въ Нѣмецкой, Англійской, Французской и другихъ.

IV. СМѢСЬ. Ученыя извѣстія. Засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею. Обозрѣніе дѣятельности Русскихъ и вообще Европейскихъ Университетовъ и отрывки изъ замѣчательныхъ лекцій. Открытія въ области наукъ и промышленности. Біографіи извѣстныхъ Европейскихъ и отечественныхъ ученыхъ и литераторовъ. Путешествія. Расказы. Юмористическія статьи въ стихахъ и прозѣ: пародіи, физіологическіе очерки, очерки современныхъ нравовъ, и т. п. (Статьи этаго отдѣла будутъ иногда съ *иллюстраціями печатаемыми въ самомъ текстѣ).* Музыка. Отчеты о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ Русскаго и иностранныхъ театровъ. Мелкія, заслуживающія особенное вниманія, извѣстіе. — Словомъ все, что входитъ въ понятіе о современномъ состояніи наукъ, литературы, искуствъ и общественнаго быта.

V. МОДЫ. Извѣстія о всѣхъ новыхъ Парижскихъ модахъ. Къ каждому нумеру будетъ прилагаться гравированная на мѣди и раскрашенная въ Парижѣ картинка модъ, изъ лучшаго моднаго журнала: «Moniteur de la mode.»

При быстромъ распространеніи любви къ чтенію въ нашей публикѣ, свидѣтельствующемъ объ успѣхахъ образованности, дѣятельность литературная должна усилиться. Теперь она пока сосредоточивается преимущественно въ журналахъ. Лучшіе писатели наши, кромѣ приготовленія твореній обширныхъ, которыхъ общество вправѣ ожидать отъ ихъ дарованій, чувствуютъ въ настоящее время необходимость постояннаго соприкосновенія съ умственными стремленіями публики—необходимость сообщать ей немедленно плоды своей мысли, своихъ изысканій и вдохновеній. По этому неудивительно, что журнальная дѣятельность у насъ увеличивантся—и, не смотря на нынѣ уже съ честію существующія періодическія изданія, журналъ новый, или усиливающій свои средства, можетъ быть не только не лишнимъ въ кругу своихъ собратій, но весьма полезнымъ и вполнѣ сообразнымъ съ нуждами эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, что независимо отъ того справедливаго участія, съ какимъ публика принимаетъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ нашихъ литературныхъ журналовъ, въ ней довольно найдется сочувствія *еще* къ журналу, котораго редакція, не давая никакихъ пышныхъ обѣщаній, употребитъ всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы онъ оправдывалъ свое заглавіе и

представлялъ вѣрную и, по возможности, полную картину *современнаго* состоянія науки, искуства и литературы, какъ отечественной, такъ и вообще Европейской. Все могущее интересовать публику и соотвѣтствующее программѣ, направленію и достоинству журнала будетъ постоянно имѣть мѣсто на страницахъ Современника. Главная заботливость редакціи обращена будетъ на то, чтобъ журналъ наполнялся произведеніями преимущественно Русскихъ ученыхъ и литераторовъ—произведеніями, достоинствомъ и направленіемъ своимъ вполнѣ соотвѣтствующими успѣхамъ и потребностямъ *современнаго* образованія. Что же касается до переводныхъ повѣстей и романовъ, то редакція будетъ въ отношеніи къ нимъ руководствоваться самымъ строгимъ выборомъ, печатая только замѣчательнѣйшіе изъ нихъ, или въ самомъ журналѣ, или въ приложеніи къ журналу. Мелкая, личная и никакихъ ученыхъ или литературныхъ вопросовъ нерѣшающая полемика вовсе не будетъ имѣть мѣста въ Современникѣ.

Между матерьялами, заготовленными для Современника, находятся слѣдующіе:

Родственники, нравственная повѣсть . . . . И. И. Панаева.
Сорока-Воровка, повѣсть . . Искандера.
Записки Доктора Крупова. . Его же.
Обыкновенная исторія, романъ въ 2-хъ частяхъ . . . И. А. Гончарова.
Изъ записокъ Артиста . . . . . — на.
Безъ разсвѣта, повѣсть . . . Нестроева.

Маскарадъ, расказъ въ стих.	И. С. Тургенева.
Много шуму изъ ничего, драма Шекспира, перев.	А. И. Кронеберга.
Рядъ критическихъ статей о Гоголѣ и Лермонтовѣ	В. Г. Бѣлинскаго.
Взглядъ на юридическій бытъ Россіи	К. Д. Кавелина.
О современ. состояніи Русск. литературы	А. В. Никитенко.

При 1 № Современника, подписчики этаго журнала получатъ безденежно — вполнѣ оконченный романъ г. Искандера: «Кто виноватъ?» начало котораго напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе Современника, состоящее изъ двенадцати книжекъ (отъ 20 до 25 печатн. листовъ въ каждой), съ двенадцатью гравированными на мѣди и раскрашенными въ Парижѣ картинками модъ — пятнадцать руб. серебр. безъ пересылки; за пересылку и доставку на домъ прилагается особо полтора рубля серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Современника, *на Невскомъ проспектѣ у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, при конторѣ Агентства и Коммисіонерства Языкова и К°.*

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Современника, *на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Университетской типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора подъ № 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова и О. Л. Свѣшникова.*

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Контору редакціи Современника, въ С. Петербургѣ,* или *въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.* Можно также адресоваться прямо на имя однаго изъ издателей, адресуя такъ: *Г-ну Некрасову, на Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста, въ домѣ княгини Урусовой, въ С. Петербургѣ.*

Издатели примутъ мѣры, чтобы книжки журнала доставлялись подписчикамъ въ совершенной исправности и полнотѣ, аккуратно и поспѣшно. Всякая справедливая жалоба на неисправную доставку, поступившая въ контору, будетъ немедленно удовлетворена. Но за экземпляры, на которые подписка принята у книгопродавцевъ (за исключеніемъ тѣхъ, у которыхъ находятся конторы журнала), издатели не отвѣчаютъ.

Редакторъ *А. НИКИТЕНКО.*

Издатели { *И. ПАНАЕВЪ.* / *Н. НЕКРАСОВЪ.* }

КЪ ЧИТАТЕЛЮ СОВРЕМЕННИКА.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости.

Пушкинъ.

Прошло девять лѣтъ съ той поры, какъ я приступилъ къ изданію Современника. Профессорская должность моя особенно побудила меня къ тому. Въ исполненіе обязанности своей — добросовѣстно и съ пользою дѣйствовать на молодое поколѣніе развитіемъ науки — я желалъ вдругъ заниматься и въ кабинетѣ, и на каѳедрѣ, и передъ судомъ публики. Во мнѣ есть убѣжденіе, что ученый тогда только вполнѣ отвѣчаетъ призванію своему, когда обрабатываемою имъ наукою непосредственно споспѣшествуетъ благу общественной жизни. Для профессора словесности литературный журналъ представляетъ прекрасное открытое поприще, на которомъ онъ является передъ своими современниками какъ критикъ, какъ историкъ и какъ теоретикъ. Каждая истина, произнесенная имъ всенародно, обращается въ общее достояніе. Въ кабинетѣ онъ внимательнѣе къ своему дѣлу, работая для свѣта; а на каѳедрѣ слово его значительнѣе, получивши вѣсъ отъ приговора публики.

Постиженіе истины и чувствованіе прекраснаго достаются намъ въ удѣлъ, подобно прочимъ способностямъ души, какъ даръ природы. Но развиваютъ ихъ воспитаніе, ученіе, чтеніе и особенно общество, посреди котораго намъ жить суждено. Такъ нравственное чувство, называемое совѣстію, принимаетъ разнообразные оттѣнки, соотвѣтственно силѣ и характеру впечатлѣній, посреди которыхъ оно поставлено обстоятельствами, его воспитывающими. Слѣдовательно въ одной и той же литературѣ, объ одномъ и томъ же произведеніи ума, или таланта, могутъ являться сужденія и приговоры, очень несходные между собою. Это разногласіе, довольно естественное, часто приписывается духу партіи, пристрастію и другимъ подобнымъ тому причинамъ. По моему мнѣнію, защищеніе какой-нибудь литературной партіи, пристрастіе къ нѣкоторымъ писателямъ выражаетъ собою сферу ума и степень вкуса. Большое надобно самоотверженіе, большое презрѣніе собственнаго достоинства и чести, чтобы гласно защищать безъ убѣжденія неправое дѣло, дурное сочиненіе называть хорошимъ. Выборъ партіи опредѣляетъ уже меня самаго. Что ни произнесу я въ Современникѣ, все остается моимъ убѣжденіемъ и зависѣло отъ началъ моего сужденія и вкуса. Мнѣ извѣстно, какъ и всякому, что въ дѣлѣ словесности очень немного правилъ общихъ и неизмѣнныхъ. Какъ и другіе, я чувствую, что великое и прекрасное въ искуствахъ не подчиняется предварительнымъ условіямъ. Старое не потому часто хо-

рошо, что за нимъ право давности; равно и новое не отъ того иногда худо, что непохоже на старое. Напротивъ: въ созданіяхъ искуствъ прежде всего нравится намъ свѣжесть, самобытность, новизна. Но все, какъ въ созданіяхъ природы, должно быть полнымъ жизни, жизни истинной, поражающей насъ своимъ организмомъ, красками, свѣтомъ и теплотою. Природа, истина и жизнь — для меня, въ отношеніи къ произведеніямъ искуствъ, однозначущія слова. Художникъ есть воспроизводитель того, чѣмъ поражаетъ его природа. И изъ старыхъ и изъ новыхъ писателей много было лжецовъ и клеветниковъ на природу. Не сливаясь своею безчувственной, или холодной душою съ гармоніей міра, они прикидывались вдохновенными, а между-тѣмъ въ ледяномъ безчеловѣчіи только выдумывали, *сочиняли* характеры, страсти и положенія, которые внезапнымъ явленіемъ своимъ могутъ подѣйствовать развѣ на человѣка полусоннаго физически, или нравственно. По моимъ идеямъ успѣхи искуства ни замкнуться, ни остановиться не могутъ, потому-что ряды явленій духа въ образахъ чувственныхъ, подобно формамъ жизни, безконечны и неостановимы.

Съ такими убѣжденіями я не могъ опасаться, что отстану отъ идей вѣка. Принадлежа обществу и жизни по неизмѣннымъ требованіямъ моего духа, я чувствовалъ себя *современникомъ* литературныхъ своихъ собратій не по одному названію моего журнала. Но часто не былъ я современникомъ въ характерѣ, въ духѣ, въ формахъ, въ тонѣ и выраже-

ніяхъ нынѣшней критики. Это составляетъ особенность моей личности. Мнѣ кажется, для истины довольно однаго появленія, чтобы ее приняли. Противное ей также отвергнуто будетъ здравомыслящимъ человѣкомъ, когда ему спокойно укажутъ на то. Наборъ восклицаній одобрительныхъ, или унижающихъ произведеніе, язвительное преслѣдованіе ошибокъ, неистовый гнѣвъ на неудачное оправданіе, самолюбивое торжество побѣды, залпъ насмѣшекъ на противника — этѣ современныя черты журнальной критики я почитаю недостойными литератора, унижающими его какъ человѣка и какъ представителя образованной части въ гражданскомъ обществѣ. Доказательства могутъ сдѣлаться убѣдительными безъ иперболъ, при одномъ ясномъ и точномъ ихъ развитіи. Отъ одушевленія и шутки велико еще пространство до изступленія и брани.

Въ нашу эпоху журналы сдѣлались исключительнымъ чтеніемъ публики. Ими удовлетворяетъ она двумъ своимъ потребностямъ: знакомится съ новостями въ области наукъ и словесности, и въ тоже время наполняетъ досуги тѣмъ чтеніемъ, которое необходимо для самаго полуобразованнаго человѣка. Если бы журналисты, радѣя о благѣ общемъ, заботливо избирали статьи для чтенія, они могли бы теперь оказать обществу великія услуги. Отбрасывая все безвкусное, грязное и пустое, они незамѣтно ознакомили бы публику съ тѣмъ, что приноситъ пользу уму, сердцу и вкусу. Въ томъ собственно и назначеніе писателя. Онъ не долженъ

подслушивать, чего требуютъ, а наклонять умы къ сторонѣ добра и чистоты. Я помѣстилъ въ Современникѣ два романа: *Семейство* — Фредерики Бремеръ, и *Импровизатора* — Андерсена: оба они остаются самымъ занимательнымъ и вмѣстѣ самымъ поучительнымъ чтеніемъ для читателей всѣхъ сословій. Въ отношеніи къ романамъ новой Французской школы я оставался потому только современникомъ, что постоянно указывалъ на ихъ безвкусіе и отсутствіе въ нихъ всякой художнической истины. Присматриваясь ко множеству появляющихся нынѣ романовъ Русскихъ и другихъ произведеній *такъ называемой* изяшной словесности, кто теперь не чувствуетъ, куда завело насъ это чтеніе, съ такою быстротой распространяемое по провинціямъ въ школьническихъ переводахъ? Какія формы, какія краски принялъ у насъ этотъ Русскій языкъ, которымъ еще недавно мы услаждались какъ музыкою, какъ живописью?

Нарушеніе правильности, ясности и чистоты языка у насъ вообще самое обыкновенное дѣло. Записные литераторы часто составляютъ фразы, видимо несоотвѣтствующія духу Русскаго языка. О самоучкахъ въ литературѣ нашей и говорить нечего. Рѣдко попадется ихъ издѣлія книга, которая бы не содержала безсмыслицы въ самомъ заглавіи своемъ. Посреди этаго хаоса безграмотности, какъ не думать, что трудишься не напрасно, когда снабжаешь читателей образчиками по крайней мѣрѣ логической и грамматической правильности? Тамъ, гдѣ отечествен-

ному языку всѣ учатся основательно, смѣшно было бы и упоминать о подобной заслугѣ журнала. А мы и до того не дошли еще. Я могу надѣяться, что 36 томовъ Современника, изданнаго тщательно, съ полнымъ вниманіемъ къ изложенію мыслей, не безъ пользы для этаго дѣла останутся въ рукахъ молодыхъ людей. Моими постоянными сотрудниками были не подрядныя лица, а писатели, которыхъ знанія, вкусъ и таланты всѣмъ извѣстны. Отъ того ихъ было немного, и отъ того журналъ не вошелъ въ категорію *толстыхъ*. Имъ обязанъ я, что мнѣ легко было трудиться. Періодъ моего Современника составляетъ въ жизни моей время, о которомъ я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе. Не участвуя въ шумныхъ распряхъ, издалека доходившихъ до меня, я занимался только общимъ дѣломъ— развитіемъ идеи словесности въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаю ее. Это цвѣтъ умственной жизни. Благоуханіемъ своимъ онъ оживотворяетъ силы духа. Онъ приноситъ наконецъ плоды, которыми питаются всѣ науки. Безъ цвѣтущей словесности ни въ чѣмъ нѣтъ жизни. Общество вяло и холодно. Ученые едва сами себя понимаютъ. Воспитаніе безъ способовъ и успѣховъ. Кто жъ будетъ равнодушенъ къ дѣлу, въ которомъ сознаетъ столько важности и пользы?

Но журналисту часто представляется возможность дѣйствовать во благо другихъ не однимъ открытымъ способомъ, не одними приговорами, печатающимися въ изданіи. Съ нимъ безпрестанно входятъ

въ сношеніе люди, вовсе ему неизвѣстные, однако же знающіе его и ввѣряющіе ему первые опыты умственныхъ трудовъ своихъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ потаенно способствуетъ образованію новыхъ писателей съ тѣмъ, или другимъ направленіемъ. Полагаясь на его вкусъ, вѣрятъ и одобренію его и осужденію. Нечаянно встрѣтить талантъ, который, за недостаткомъ правильнаго развитія, сбился съ прямой дороги, открыть существо, страстно преданное искуству, но гибнущее отъ заразы дурныхъ примѣровъ и ложныхъ мыслей, снять съ ихъ глазъ пелену обмана, или невѣжества—для теплой души много отраднаго въ подобныхъ случаяхъ. У меня сохраняются письма, то начертанныя поспѣшною рукою юноши, то вылившіяся изъ полнаго сердца женщины: въ нихъ лучшая исторія современной литературы нашей. Тутъ читаешь неподдѣльные расказы вліянія на общество этой школы романистовъ, которые вмѣсто чернилъ обмакивали свои перья въ крѣпкіе напитки. Не было мнѣ надобности ни передъ кѣмъ притворствовать. Я прямодушно высказывалъ истину, какъ ее понимаю. Удалось ли мнѣ остановить лишній пріемъ зелья—покажетъ время. Тѣ, которые обращались ко мнѣ съ первыми опытами, конечно явятся когда-нибудь въ свѣтѣ какъ опытные писатели. Въ ихъ рукахъ остается и приговоръ мнѣ — довольно ли искренно я прощаюсь здѣсь съ моимъ читателемъ.

Приводя себѣ на память все лучшее, чѣмъ я столько времени пользовался за постоянною своею

работой, не скажу однако же, что не рѣшился бы разстаться съ нею безъ важныхъ обстоятельствъ, лично меня касающихся. Нѣтъ: я только нашелъ много значенія въ слѣдующихъ словахъ однаго человѣка, который ихъ помѣстилъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 24 Сентября нынѣшняго года: «Нужно «иногда обновлять свою жизнь существенными пе- «ремѣнами — иначе ржавѣетъ.» Переходъ къ занятіямъ несрочнымъ, въ другомъ объемѣ, чуждымъ столкновенія съ ежедневными новостями, несомнѣнно принесетъ мнѣ и новый интересъ и новое удовольствіе. Передаю редакцію Современника сослуживцу моему и товарищу по каѳедрѣ, профессору А. В. Никитенко. Довольно этаго ручательства, чтобы я былъ покоенъ за будущую судьбу изданія моего. «Мы (кстати повторю здѣсь) одно любимъ, однаго «желаемъ.»

Плетневъ.

30-го Ноября,
1846 г.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[illegible]

[illegible]

вой, схоластической учености, но нужна критика фактовъ, философское пониманіе и художественное воспроизведеніе судебъ человѣчества, и въ заключеніе — глубокое личное убѣжденіе. Отъ того съ лучшимъ пониманіемъ исторіи увеличились и наши требованія отъ историческаго труда—и чѣмъ далѣе идетъ наука, тѣмъ труднѣе будетъ удовлетворить этимъ требованіямъ.

Истекшая первая половина 1846 года представляетъ много хорошихъ трудовъ. Обзоръ ея дѣятельности покажетъ намъ, какими новыми сочиненіями обогатились различныя части Исторіи. Этотъ обзоръ, не имѣющій притязаній ни на полноту, ни на диктаторскую непогрѣшимость, написанъ единственно съ цѣлію обратить вниманіе читателей на науку, еще мало у насъ извѣстную. Поименованіе изданій источниковъ и сочиненій спеціально-ученыхъ, или мѣстныхъ въ него не вошло, какъ несогласное съ цѣлію обзора.

Философія исторіи, до сихъ поръ обработываемая въ одной Германіи, хотя Мишле и старался познакомить Французовъ съ ея основателемъ — Вико, мало сдѣлала успѣховъ послѣ геніальнаго труда Гегеля. Нынѣ вышедшія сочиненія по этой части всѣ тоже изданы въ Германіи. Профессоръ Апельтъ въ Іенѣ издалъ: *Эпохи исторіи человѣчества* (Die Epochen der Geschichte der Menscheit). 2 тома. Это сочиненіе написано съ ясностью и отличается внѣшнею отдѣлкою. Оно начинается картиною исторіи человѣчества (1-ая глава), потомъ авторъ показы-

ваетъ вліяніе великихъ географическихъ открытій на ходъ исторіи цивилизаціи (2-ая глава), а во второмъ томѣ переходитъ къ философской сторонѣ своего предмета. Хотя съ этимъ вторымъ томомъ во многомъ нельзя согласиться, но нельзя не отозваться съ похвалою о второй главѣ первой части, выше поименованной. Г. Эренфеухтеръ, профессоръ въ Геттингенѣ, издалъ *Исторію развитія человѣчества, преимущественно въ этическомъ отношеніи* (Enswickelungsgeschichte der Menscheit, besonders in ethischer Beziehung). Въ этомъ сочиненіи должно различать двѣ части: теологическую и философско-историческую. Первая представляетъ совершенно особую теорію, которая въ самомъ сочиненіи вовсе не находитъ никакаго приложенія и стоитъ безъ связи съ философскимъ изложеніемъ содержанія исторіи. Это объясняется изъ того, что авторъ свои убѣжденія теолога не былъ въ силахъ наложить на содержаніе исторіи. Вторая часть имѣетъ болѣе достоинствъ: хотя мысли автора не оригинальны, но хорошо изложены. Наконецъ должно еще упомянуть о двухъ брошюрахъ: профессоръ Филиппсъ издалъ *Объ изученіи исторіи въ отношеніи къ юридическимъ наукамъ* (Ueber das Studium der Geschichte, insbesondere in ihrem Verhältniffe zu der Rechtswissenschaft.), а Dr. Борницъ: *Духъ всемірной исторіи и ея будущность* (Der Geist der Weltgeschichte und ihre Zukunft.).

Хотя учебниковъ по части *Всеобщей Исторіи* выходитъ ежегодно множество, но только очень немногіе могутъ имѣть притязанія на титулъ истори-

ческаго произведенія. Въ нынѣшнемъ году вышло очень мало замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Знаменитый Шлоссеръ продолжаетъ издавать свою *Всемірную Исторію* (Welt-geschichte für das deutsche Volk), которая нынѣ доведена до Среднихъ вѣковъ. Это сочиненіе, въ новомъ видѣ своемъ, отличается не только содержаніемъ, но и изящною формою. Безъ сомнѣнія этому труду суждено надолго занять первое мѣсто въ ряду сочиненій, писанныхъ съ популярною цѣлью. Густавъ Клеммъ издалъ четвертый томъ своей *Всеобщей Исторіи культуры человѣчества* (Allgemeine Cultur-Geschichte der Menscheit von G. Klemm). До сихъ поръ авторъ, обладающій удивительною начитанностью въ путешествіяхъ, все еще говоритъ о первобытномъ, доисторическомъ состояніи дикихъ народовъ. Онъ исключаетъ изъ исторіи своей изображеніе духовной жизни человѣчества. По философскимъ воззрѣніямъ своимъ авторъ сенсуалистъ, слѣдовательно принадлежитъ къ той школѣ, которая давно опровергнута и отвергнута наукой. В. Меккиннонъ издалъ *Исторію цивилизаціи* въ 2 частяхъ (History of Civilisation by W. A. Mackinnon), но сочиненія этаго, мы, къ сожалѣнію, не могли получить.

По части *Исторіи Востока* должно замѣтить сочиненіе М. Ганри: *Египетъ Фараоновъ* (L'Egypte Pharaonique ou historie des institutions des Egyptiens sous leurs rois nationaux; 2 vol.). Еще вышли два сочиненія, написанныя Англичанами, которые естественно болѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ принимаютъ участія въ судьбахъ Азіи, потому-что вла-

дѣютъ тамъ огромнѣйшими землями. Первое сочиненіе есть *Новѣйшая Исторія Англійской Индіи* Г. Вильсона (The History of Britisch India from 1805 to 1835); другое — *Исторія Пенжаба*, неизвѣстнаго автора (History of the Punjab and of the progress and present condition of the sect and nation of the Sikhs 2 vol.). Почетное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ должна занять *Исторія Калифовъ* Густава Вейля, обработанная по рукописнымъ, большею частью неизвѣстнымъ источникамъ (Geschichte der Chalifen. 1 Band: Vom Tode Mohammeds bis zum Untergange der Omejjaden, mit Einschluss der Geschichte Spaniens, vom Einfalle der Araber bis zur Trennung vom östlichen Chalifat.). Это сочиненіе примыкаетъ къ извѣстному труду того же автора: Жизнь Магомета, и будетъ состоять изъ 3 томовъ. Одно замѣчаніе только можно сдѣлать автору: онъ слишкомъ мало говоритъ о внутренней жизни Исламитскаго міра, тогда-какъ мы въ правѣ отъ него ожидать подробныхъ и любопытныхъ извѣстій о многихъ внутреннихъ явленіяхъ и преимущественно, на прим., о сектахъ.

Давно уже, по праву, завладѣли *Древней Исторіей* филологи—и мы, не касаясь ихъ спеціальныхъ трудовъ, упомянемъ только о слѣдующихъ книгахъ. Потомокъ знаменитаго Гуго Гроція, Г. Гротъ, издалъ Исторію Греціи, основанную на новѣйшихъ изысканіяхъ Нѣмецкихъ ученыхъ (A History of Greece, by G. Grote. 2 vol.) А. Пуансиньонъ издалъ сочиненіе *о Римскихъ провинціяхъ* (Essai sur le nombre et l'origine des provinces romaines créées depuis

Auguste jusqu' à Dioclétien, par A. M. Poinsignon.) Жюль Легри издалъ *о Римѣ временъ Августа* (Rome, ses novateurs, ses conservateurs et la monarchie d'Auguste par I. Legris 2 vol.).

Гораздо дѣятельнѣе была обработываема *Исторія Среднихъ вѣковъ* и преимущественно Французами. Съ большею похвалою должно отозваться объ *Исторіи Теодорика Великаго* Маркиза Дюрура (Histoire de Théodoric-le-Grand, roi d'Italie, par Le M. Du Roure 2 vol.). Герцогъ Дино издалъ переводъ *Сіенскихъ Хроникъ* (Chroniques Siennoises, trad. par le duc de Dino). Графъ де Сиркуръ издалъ *Исторію Испанскихъ Арабовъ подъ владычествомъ Христіанъ* (Histoire des Mores Mudejares et des Morisques ou des Arabes d'Espagne sous la domination des Chrétiens, par le Comte de Circourt, 3 vol.). Это трудъ, достойный похвалы: изложеніе автора вѣрно, спокойно и поучительно и основано на прилежномъ изученіи источниковъ. Профессоръ Гавеманнъ издалъ *Исторію гибели ордена Рыцарей Храма* (Geschichte des Ausgangs des Tempelherrn-ordens), которая написана по недавно вышедшимъ источникамъ и преимущественно по процессу Тампліеровъ, изданному историкомъ Мишле. Хотя это сочиненіе обработано съ большимъ прилежаніемъ, но въ немъ есть отдѣлы совершенно лишніе и ни сколько не нужные для объясненія главнаго предмета. Баронъ Базанкуръ издалъ *Исторію Сициліи подъ владычествомъ Норманновъ* (Histoire de la Sicile sous la domination des Normands, par le Baron de Bazancourt. 2 vol.). Авторъ

долгое время жилъ въ Сициліи и тамъ собралъ матерьялы для своего сочиненія, въ которомъ является более диллетантомъ, нежели истиннымъ историкомъ. Г. Курсонъ издалъ *Исторію Бретонскихъ народовъ* (Histoire des peuples Bretons, 2 vol.), написанную съ какимъ-то Кельтическимъ фанатизмомъ. Кажется, что главною цѣлью сочинителя было доказать, что феодальныя постановленія Бретанцевъ не заимствованы ими изъ Германскаго права, но развились у обоихъ народовъ независимо другъ отъ друга изъ древнихъ обычаевъ патроната. Сочиненіе Курсона представляетъ результатъ обширныхъ изученій, но авторъ слишкомъ полемизируетъ, что весьма непріятно читателю, непринимающему участія въ спорѣ. Извѣстный историкъ Бюшонъ издалъ *Исторію завоеваній Французовъ въ Греціи во время крестовыхъ походовъ* (Histoire des conquêtes des Français en Grèce sous les Villehardouins. 1-er vol). Это весьма основательное сочиненіе о странномъ эпизодѣ крестовыхъ походовъ.

Литература *Новой Исторіи* обогатилась нѣсколькими замѣчательными сочиненіями. Историкъ Ланцъ издалъ третій и послѣдній томъ чрезвычайно важной *Переписки Императора Карла V*, находящейся въ Архивѣ и въ Библіотекѣ въ Брюсселѣ (Correspondenz des Kaisers Karl V, von Dr. Karl Lanz). За нѣсколько времени предъ смертію знаменитаго Мархейнеке вышла его *Исторія Реформаціи*, обработанная для народа (Die Reformation, ihre Enstehung und Verbreitung in Deutschland). О *лекціяхъ профессора*

Дройзена о Новѣйшей Исторіи (Vorlesungen über die Freiheitskriege von I. G. Droysen) мы уже прежде говорили. Неутомимый компиляторъ Капфигъ продолжаетъ издавать свою *Исторію Европы со вступленія на престолъ Короля Луи-Филиппа* (L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe.) Извѣстный историкъ Ваксмутъ тоже издаетъ *Исторію новѣйшаго времени*, которой вышелъ первый выпускъ (Das Zeitalter der Revolution. Geschichte der Fürsten und Völker Europas seit dem Ausgange der Zeit Friedrichs des Grossen). Чрезвычайно любопытна, какъ современный вопросъ, *Исторія уничтоженія Іезуитскихъ конгрегацій во Франціи въ 1845 г.* Людвига Гана. (Geschichte der Auflösung der Jesuiten Congregationen in Frankreich im Jahre 1845).

Обратимся теперь къ специальной Исторіи замѣчательнѣйшихъ и образованнѣйшихъ странъ Западной Европы. По части *Исторіи Германіи*: извѣстный переводчикъ Марко Поло, Августъ Бюркъ, издалъ прекрасную *Біографію Ульриха фонъ Гуттена* (Ulrich von Hutten, der Ritter, der Gelehrte, der Dichter, der Kämpfer für die deutschte Freiheit.). Эта популярная біографія, написанная по изслѣдованіямъ Ранке и Карла Гагена, дышетъ любовью къ истинѣ, праву и просвѣщенію. Поэтому желательно, чтобы это сочиненіе благодѣтельно подѣйствовало на современность, потому-что ни одинъ періодъ въ исторіи не имѣетъ болѣе схожихъ чертъ съ временами Лютера и Гуттена, какъ современный. Баронъ Арнимъ издалъ сочиненіе *О характерѣ, планахъ и отношеніяхъ къ Ба-*

варіи Валленштейна (Wallenstein. Beiträge zur näheren Kenntniss seines Charakters, seiner Plane, seines Verhältnisses zu Bayern). По вѣрности сужденія о характерѣ Валленштейна это сочиненіе, написанное по документамъ, хранящимся въ Баварскомъ государственномъ архивѣ, имѣетъ большой перевѣсъ надъ трудами Ферстера. Ф. Шнейдавиндъ издалъ *Біографію Императора Іосифа II.* (Leben Kaiser Iosephs II). По случаю совершенія въ нынѣшнемъ году трехсотлѣтія по смерти Лютера, вышло множество біографій этаго реформатора, изъ коихъ мы укажемъ на замѣчательнѣйшія: Luthers Leben, von K. Iürgens; Dr. M. Luther, von W. Mönnich; Zur Todtenfeir M. Luthers, von Dr. Fr. Koethe.

По *Исторіи Англіи* вышли: *Исторія Англіи* Е. Робине (Histoire des nations européenes. Angleterree — par M. Edm. Robinet 2 v.), и Виконта Бомона де Васси (Histoire des états européens depuis le congrès de Vienne. Grand-Bretagne. 2 vol.). Авторъ подробно, хотя часто и очень поверхностно, изглагаетъ Исторію Англіи съ 1815 г. Особенно удались ему описанія внѣшнихъ фактовъ, напр. войнъ. Но онъ нисколько незнакомъ съ внутреннею, разнообразною и богатою жизнію Англійскаго народа. І. Буртонъ издалъ *Біографію славнаго историка Юма* (Live and correspondance of avid Hume). Баронъ Вьель-Кастель издалъ *опытъ Историческій объ обоихъ Питтахъ* (Essai historique sur les deux Pittes). Гаррисъ-Никласъ издалъ *Депеши и письма Нельсона* (The dispatches and letters of Vice-Admiral Lord-Visc. Nelson). Ж. Галливель

издалъ *Письма Англійскихъ Королей* (Letters of the Kings of England). Лордъ Брумъ издалъ вторую серію своихъ біографій знаменитыхъ ученыхъ временъ Георга III (Lives of the Men of Letters and Science, who flourisched in the time of George III). Извѣстный историкъ Французской революціи Томасъ Карлейль издалъ *Письма Кромвеля*, о коихъ Филаретъ Шаль написалъ статью, переведенную въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Французы, по справедливости гордящіеся своею національною исторіей, чрезвычайно прилежно обработываютъ ее въ нынѣшнемъ году. Дѣйствительно, число сочиненій по части *Исторіи Франціи* чрезвычайно велико. Жюль Мижонъ издалъ: La France, ses institutions, ses assemblées politiques, son état social et moral et le developpement des ses libertés publiques). Изданъ посмертный трудъ Биньона: 11-й и 12-ый томъ его *Исторіи Франціи при Наполеонѣ* (Histoire de France sous Napoleon.) Г. Клеманъ издалъ *Исторію жизни и администраціи Кольбера* (Histoire de la vie et de l'administration de Colbert). Она написана съ основательнымъ изученіемъ документовъ и содержитъ объ управленіи Кольбера многочисленныя выписки изъ массы ненапечатанныхъ бумагъ, находящихся въ королевской библіотекѣ и архивѣ. Авторъ обсуживаетъ Кольбера съ точки зрѣнія свободной торговли. Естественно, что онъ во многомъ порицаетъ министра, который первый ввелъ во Франціи запретительную систему. При всемъ томъ сужденія его справедливы и умѣренны,

и сочиненіе это внушаетъ величайшее уваженіе къ честности, дѣятельности и талантамъ Кольбера, но представляетъ также жалкую картину времени *великаго Короля.* Очень замѣчательна, какъ трудъ современника, *Исторія Консульства и Имперіи, К. Лакретеля* (Histoire du Consulat et de l'Empire). Г. Волабель издалъ *Исторію двухъ реставрацій до паденія Карла X,* написанную въ духѣ Наполеонизма. Ф. Барьеръ издаетъ *Библіотеку мемуаровъ XVIII вѣка* (Bibliothèque des Mémoires, relatifs à l'Histoire de France pendant le XVIII siècle). Это изданіе, кажется, книгопродавческая спекуляція, потому-что не сообщаетъ полныхъ мемуаровъ, а какіе-то отрывки, такъ-что его можно назвать хрестоматіею изъ мемуаровъ XVIII вѣка. Трудно исчислить всѣ сочиненія по специальной исторіи Франціи, вышедшія въ нынѣшнемъ полугодіи. Изданы исторіи Гасконьи, Тулузы, Лангедока, Реймса, Ліона, Франшъ-Конте, и т. д. Въ заключеніи должно упомянуть о трехъ Нѣмецкихъ сочиненіяхъ объ исторіи Франціи. Г. Шмидтъ издалъ третій томъ своей *Исторіи Франціи* (Geschichte Frankreichs), которая составляетъ часть сборника Герена и Укерта. Е. Арндъ окончилъ свою *Исторію происхожденія и развитія Французскаго народа, или изображеніе главнѣйшихъ идей и фактовъ, которые приготовили Французскую національность и подъ вліяніемъ которыхъ она образовалась и развилась* (Geschichte des Ursprungs und der Entwickelung des französichen Volkes). Содержаніе этаго сочиненія, къ сожалѣнію, вовсе не соотвѣт-

ствуетъ заглавію, а заглавіе содержанію. Наконецъ Л. Варнкенигъ и Штейнъ издали 1-ый томъ *Исторіи государства и права Франціи* (Französiche Staats und Rechtsgeschichte). Это сочиненіе, ученое, богатое по содержанію, и достойное удивленія по исполненію, написано съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и приноситъ честь Нѣмецкой наукѣ.

К. Гврцъ.

РАСКАЗЫ АНДЕРСЕНА.

I.

СОЮЗЪ ДРУЖБЫ.

Мы только-что воротились изъ маленькаго путешествія—и уже намъ хотѣлось опять ѣхать подалѣе; куда? въ Спарту, въ Мисену, въ Дельфы? тамъ есть тысяча мѣстъ, которыхъ одни названія заставляютъ сердце биться желаніемъ странствовать. По нагорнымъ тропинкамъ ѣдешь верхомъ черезъ кустарникъ. Одинокій странникъ путешествуетъ точно такъ же, какъ цѣлый караванъ. Самъ онъ ѣдетъ впереди съ своимъ Аргоятомъ, а за нимъ лошадь везетъ его сундукъ, палатку и провизію; двое жандармовъ сопровождаютъ его въ видѣ конвоя. Здѣсь нѣтъ гостинницы съ хорошими постелями, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть послѣ тяжкаго дня. Палатка посреди дикой, величественной природы — вотъ его кровъ; тутъ Аргоятъ варитъ на ужинъ пилавъ. Миріады комаровъ жужжатъ вокругъ шалаша; ночь выходитъ самая непріятная, а завтра дорога идетъ черезъ бурныя рѣки. Сиди крѣпче на конѣ, странникъ, а то тебя увлечетъ теченіе!

Но какое вознагражденіе ожидаетъ его за всѣ этѣ трудности? Самое богатое и прекрасное! Приро-

да является ему во всемъ своемъ величіи. Каждый уголъ полонъ историческаго интереса; мысль и взоръ наслаждаются. Поэтъ можетъ воспѣвать этѣ красоты; живописецъ можетъ передавать ихъ въ роскошныхъ образахъ: но благоуханіе дѣйствительности, которое проникаетъ въ душу созерцающаго и уже навѣкъ остается при ней — вотъ чего ни тотъ, ни другой не въ состояніи передать.

Въ небольшихъ очеркахъ я старался изобразить часть Аѳинъ и окрестностей города. Но какъ безцвѣтна эта картина, какъ блѣдна она передъ Греціей, этимъ скорбнымъ геніемъ красоты, котораго величіе и грустный образъ навѣкъ запечатлѣваются въ памяти странника!

Безыскуственный расказъ пастуха, уединеннаго жителя горъ, объ одномъ событіи его жизни, лучше моихъ очерковъ дастъ понятіе о древней Элладѣ тому, кто желаетъ видѣть ея изображеніе въ немногихъ простыхъ чертахъ.

Пусть же расказываетъ пастухъ (говоритъ моя муза) — и вотъ мы изъ устъ его слышимъ расказъ о прекрасномъ, оригинальномъ обычаѣ, о союзѣ дружбы.

«У насъ хижина была простая, но рамою дверей служили полированныя мраморныя колонны, найденныя на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ выстроенъ домикъ. Крыша, которая доходила почти до земли, отъ времени почернѣла и совершенно утратила красивый свой видъ. Но когда ее настилали, она состояла изъ цвѣтущихъ олеандровъ и свѣжихъ лавровыхъ вѣтвей, на-

рванныхъ по другую сторону горы. Тѣсно было вокругъ скромнаго нашего жилища. Передъ нимъ возвышались дикія, неприступныя скалы, надъ которыми, будто оживленныя существа, носились бѣлыя облака. Никогда здѣсь не слышно было пѣнія птички; никогда не видно, чтобы крестьяне плясали подъ звуки волынки. Но мѣсто было священно по своимъ воспоминаніямъ. Самое имя его вѣетъ святостью — его звали: Дельфы. Дикія, угрюмыя горы были покрыты снѣгомъ. Самая высокая гора, которая прежде другихъ являлась взорамъ, сіяя въ лучаххъ вечерняго солнца, была — Парнассъ. Ручеекъ близъ нашего жилища вытекалъ изъ нея и нѣкогда былъ также священъ. Теперь оселъ мутитъ его своими ногами; но онъ течетъ быстро и опять становится свѣтелъ. Какъ живо я помню каждый уголъ этаго уединеннаго жилища и священныя его окрестности! На серединѣ хижины у насъ разводили огонь; а когда все перегарало, то на оставшейся кучѣ золы пекли хлѣбъ. Когда сугробы ложились вокругъ нашего домика, такъ-что онъ почти совершенно исчезалъ подъ снѣгомъ, матушка становилась веселѣе, брала меня за голову, цѣловала въ лобъ и пѣла пѣсни, которыхъ въ другое время никогда не пѣвала, потому-что онѣ не нравились Туркамъ, повелителямъ нашимъ. «На вершинѣ Олимпа — пѣла она — въ низкомъ. сосновомъ лѣсу, сидѣлъ старый олень, у котораго глаза были наполнены слезами. Онъ проливалъ красныя, зеленыя, даже свѣтло-голубыя слезы. Но вотъ мимо его идетъ козленокъ!

«Что съ тобою? о чемъ ты проливаешь красныя, зеленыя, голубыя слезы?» спросилъ онъ у оленя. «О чемъ? Турокъ ворвался въ нашъ городъ, и привелъ съ собою огромную стаю борзыхъ собакъ для охоты.» «Я прогоню ихъ за острова въ глубокое море,» сказалъ молодой козленокъ. Но день еще не погасъ, когда козленокъ былъ уже убитъ, а олень еще до ночи былъ загнанъ до смерти!» При этомъ мѣстѣ у матушки обыкновенно скатывалась по щекѣ слеза; но она скрадывала ее и ходила поворачивать черный хлѣбъ на золѣ. Тогда я сжималъ руку въ кулакъ и говорилъ: «мы убьемъ Турка!» Но матушка, воротясь, опять принималась за свою пѣсню. «Я прогоню ихъ за острова въ глубокое море. Но день еще не погасъ, когда козленокъ уже былъ убитъ, а олень еще до ночи былъ загнанъ до смерти!» Много дней и ночей мы съ матушкой прожили вдвоемъ въ нашей хижинѣ. Наконецъ пришелъ батюшка. Я зналъ, что онъ принесетъ мнѣ изъ Лепантскаго залива раковинъ и улитокъ, или острый, блестящій ножъ. Но на этотъ разъ онъ принесъ намъ ребенка. Маленькая, нагая дѣвочка, которую онъ держалъ подъ своимъ бараньимъ тулупомъ, была завернута въ шкуру, и когда матушка, взявъ малютку на колѣна, развернула ее, она нашла три серебряныя монеты, завязанныя въ черные волосы дѣвочки. Батюшка расказалъ намъ, что Турки убили ея родителей. Потомъ онъ расказалъ намъ еще много другаго, о чемъ мнѣ всю ночь грезилось. Батюшка самъ былъ раненъ. Матушка перевязала ему ру-

ку. Рана была глубокая, и толстый бараній тулупъ насквозь промокъ отъ крови. Мнѣ сказали, что малютка будетъ моею сестрой. Она была такъ мила, такъ ангельски-восхитительна! У самой матушки не выражалось въ глазахъ болѣе кротости. Анастасія — такъ звали малютку — была моею сестрою, потомучто отецъ ея, по старинному обычаю, котораго мы до сихъ поръ придерживаемся, былъ связанъ съ батюшкою союзомъ дружбы. Въ молодости они заключили между собою братство — и самая прекрасная и добродѣтельная дѣвушка во всемъ околодкѣ должна была посвятить ихъ въ этотъ союзъ. Какъ часто я въ дѣтствѣ слышалъ объ этомъ прекрасномъ и необыкновенномъ обычаѣ!»

«И вотъ малютка была моею сестрою. Я носилъ ее на рукахъ, рвалъ для нея цвѣты и взбирался на самыя высокія скалы, чтобы доставать красивыя птичьи перышки. Мы вмѣстѣ пили Парнасскую воду. Мы спали другъ подлѣ друга подъ тѣнію лавровыхъ деревъ, окружавшихъ хижину. Уже прошло нѣсколько зимъ, а матушка все пѣла о красныхъ, зеленыхъ и голубыхъ слезахъ. Но я еще не понималъ, что въ этѣхъ слезахъ отражались безчисленныя бѣдствія собственнаго моего отечества.»

«Однажды къ намъ явилось трое Франковъ. Они были одѣты не по-нашему. Постели и палатки ихъ были на лошадяхъ, и при нихъ находилось двадцать, или болѣе Турокъ, всѣ съ саблями и въ полномъ вооруженіи. Эти иностранцы были въ дружбѣ съ Пашой и получили отъ него письма. Они

пришли только, чтобы взглянуть на наши горы, по снѣгу и посреди облаковъ взобраться на Парнассъ, посмотрѣть на черныя, причудливыя, крутыя скалы, окружавшія нашу хижину. Они не могли помѣститься въ ней. Къ-тому же дымъ, выходившій изъ низенькой двери, былъ имъ противенъ, и потому они раскинули свои палатки передъ нашей хижиной на площадкѣ. Тутъ они жарили ягнятъ и птицъ, и пили сладкія крѣпкія вина, къ которымъ Турки не смѣли и прикоснуться.»

«Когда они отправились въ обратный путь, я пошелъ провожать ихъ съ сестрой моей Анастасіей, которая висѣла у меня за спиною, зашитая въ козью шкуру. Одинъ иностранецъ поставилъ меня къ скалѣ и срисовалъ меня съ нею, такъ-что мы оба очутились на бумагѣ словно живые: мы составляли будто одно существо. Я никогда не размышлялъ о томъ. Но вѣдь Анастасія и я, мы въ самомъ дѣлѣ были одно нераздѣльное цѣлое. Она всегда или лежала у меня на рукахъ, или висѣла за спиною; а когда я мечталъ, то она присутствовала въ мечтахъ моихъ.»

«Черезъ двѣ ночи послѣ того къ намъ опять явились незнакомые люди. Они были вооружены ножами и ружьями. Это были Албанцы, храбрый народъ, по словамъ матушки. Они остались недолго. Одинъ изъ нихъ бралъ на колѣна сестру Анастасію. Когда онъ ушелъ, у нея вмѣсто трехъ серебряныхъ монетъ нашлись въ волосахъ только двѣ. Они закатывали въ бумагу табакъ и курили его.

Старшій говорилъ о томъ, по какой дорогѣ они пойдутъ, и еще не зналъ, на что рѣшиться. «Плюнь я вверхъ,» сказалъ онъ, «у меня замочится лице; плюнь я внизъ, у меня замочится борода!» Но куда-нибудь да надобно же итти. И вотъ они пустились въ дорогу, и отецъ мой отправился съ ними. Черезъ минуту послышался выстрѣлъ. На него отвѣчали другимъ. Къ намъ въ хижину пришли солдаты и увели съ собою матушку, меня и Анастасію. «Вы принимали къ себѣ разбойниковъ», сказали они; отецъ пошелъ съ ними—и потому васъ надобно увести.» Я видѣлъ трупы разбойниковъ, видѣлъ трупъ отца моего—и плакалъ, пока не заснулъ. Когда я проснулся, мы были въ тюрьмѣ. Но комната, гдѣ мы находились, была не хуже той, въ которой мы жили дома. Мнѣ дали луку и вина; послѣднее налили изъ дегтярнаго мѣшка. Дома у насъ не было ничего лучше.

«Долго ли мы оставались въ тюрьмѣ—не знаю; знаю только, что мы провели здѣсь много дней и ночей. Насъ выпустили въ самый праздникъ Св. Пасхи. Я несъ Анастасію за спиной, потому-что матушка была больна. Это принуждало насъ итти очень медленно, такъ-что мы не скоро добрались до моря и Лепантскаго залива. Мы вошли въ церковь, которая вся сіяла образами на золотомъ грунтѣ. Тутъ вездѣ были ангелы—и какіе прекрасные! Но мнѣ казалось, что наша маленькая Анастасія была такъ же прекрасна. По серединѣ церкви стоялъ гробъ, наполненный цвѣтами. «Іисуса Христа мы

видимъ въ прекрасныхъ этихъ цвѣтахъ», сказала матушка, и священникъ запѣлъ: Христосъ воскресе! Тутъ всѣ стали цѣловаться. У каждаго горѣла въ рукахъ восковая свѣча; у меня съ Анастасіей также. На улицѣ заиграли волынки. Мущины стали выходить изъ церкви, держась за руку и приплясывая, а женщины, расположившись у дверей, жарили пасхальнаго агнца. Насъ пригласили участвовать въ трапезѣ—и я сѣлъ передъ огнемъ. Какой-то мальчикъ, постарше меня, вдругъ меня обнялъ и поцѣловавъ сказалъ: «Христосъ воскресе!» Такова была первая моя встрѣча съ Афтанидомъ.»

«Матушка умѣла плесть рыбачьи сѣти. Это, по сосѣдству залива, доставляло ей хорошій доходъ, и мы долго оставались близъ моря, чуднаго моря, которое такъ грустно вздыхало, которое разнообразіемъ цвѣта своего напоминало мнѣ слезы оленя: иногда оно было алое, иногда зеленое, иногда голубое.»

«Афтанидъ умѣлъ управлять лодкою. Мы съ маленькой Анастасіей сѣли въ шлюпку и поплыли по водѣ, будто облако въ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ ложилось солнце, синева горъ темнѣла; одна цѣпь ихъ выказывалась изъ-за другой, а тамъ вдали возвышался Парнассъ съ своимъ снѣгомъ. Въ лучахъ вечерняго солнца маковка горы пылала какъ раскаленое желѣзо; свѣтъ какъ будто исходилъ изнутри. Синій, прозрачный воздухъ еще долго свѣтился послѣ солнечнаго заката. Бѣлыя морскія птицы били крыльями поверхность воды. Впрочемъ все

было здѣсь тихо, какъ близъ Дельфовъ посреди черныхъ скалъ. Я лежалъ на спинѣ. Анастасія сидѣла у меня на груди; а звѣзды сіяли надъ нами еще ярче свѣчь въ нашей церкви. Это были тѣ же самыя звѣзды, которыя горѣли надо мною, когда я сидѣлъ близъ Дельфовъ передъ нашей хижиной; даже расположеніе ихъ было совершенно то же—и я вообразилъ наконецъ, что дѣйствительно нахожусь еще тамъ. Тутъ что-то плеснуло въ водѣ, и шлюпка наша сильно покачнулась. Я громко закричалъ: Анастасія упала въ воду. Но проворному Афтаниду удалось вытащить дѣвочку—и онъ положилъ мнѣ ее на руки. Мы раздѣли Анастасію. Потомъ, выжавъ платье, опять надѣли его на нее. Афтанидъ сдѣлалъ то же самое, и мы дождались, пока платья высохли. Никто не узналъ о нашемъ испугѣ за малютку-сестру, ни о томъ, какъ Афтанидъ спасъ ей жизнь. Настало лѣто. Солнце пекло такъ жарко, что листья на деревьяхъ блекли. Я вспоминалъ о нашихъ милыхъ горахъ, о бьющей изъ нихъ свѣжей водѣ. Матушкѣ также стосковалось. И вотъ въ одинъ вечеръ мы пустились домой. Какъ все было безмолвно и тихо! Мы пошли черезъ высокій тимьянъ, который еще благоухалъ, хотя солнце уже изсушило его листья. На всемъ пути мы не встрѣтили ни однаго пастуха, не видѣли ни одной хижины. Все было мертво и уединенно: только сверканіе падучихъ звѣздъ свидѣтельствовало, что въ вышинѣ, на небѣ, есть жизнь. Не знаю, воздухъ ли, синій и прозрачный, освѣщалъ окружность, или то было дѣйствіе звѣздныхъ лучей—

но мы ясно могли видѣть всѣ очертанія горъ. Матушка развела огонь и стала жарить лукъ, который взяла съ собою, между-тѣмъ, какъ мы съ маменькой сестрою спали въ тимьянѣ, не боясь ни ужасныхъ *смидраки* *, у которыхъ будто бы выходитъ изъ гортани огонь, ни волковъ, ни шакаловъ. Вѣдь съ нами матушка: такъ чего же намъ бояться?»

«Мы достигли нашего стараго жвлища, но, вмѣсто хижины, нашли груду развалинъ — и надобно было выстроить новую. Матушка принялась за работу съ помощію двухъ женщинъ—и черезъ нѣсколько дней стѣны были готовы, и на нихъ лежала новая крыша изъ олеандровъ. Матушка приготовляла изъ кожи и древесной коры плетенки для бутылокъ; я пасъ маленькое стадо священниковъ; Анастасія и маленькія черепахи были моими товарищами въ играхъ.»

«Разъ къ намъ пришелъ въ гости милый нашъ Афтанидъ. Онъ сказалъ, что ужасно стосковался по насъ, и остался съ нами цѣлые два дня.»

«Черезъ мѣсяцъ онъ пришелъ опять и объявилъ, что сбирается въ Падрасъ и Корфу—такъ пришелъ съ нами проститься. Онъ принесъ матушкѣ въ подарокъ огромную рыбу. Сколько любопытнаго расказывалъ онъ намъ, не только о рыбакахъ Лепантскаго залива, но и о короляхъ и герояхъ, которые нѣкогда царствовали въ Греціи, какъ теперь Турки.»

«Я видѣлъ однажды, какъ на розовомъ кустѣ

* У суевѣрныхъ Грековъ есть повѣрье, будто бы эти гнусныя животныя родятся изъ неразрѣзаннаго желудка убитыхъ барановъ, когда его выбрасываютъ.

родилась почка. Прошло двѣ недѣли — и почка эта превратилась въ пышную розу. Но я замѣтилъ ея превращеніе не прежде, какъ когда цвѣтокъ уже былъ во всемъ блескѣ красокъ и свѣжести. Такъ было и съ Анастасіей. Она вдругъ очутилась передо мной прекрасною дѣвушкою; я передъ нею — сильнымъ дѣтиною. Волчья шкура на постелѣ у матушки и Анастасіи была снята со звѣря собственными моими руками — я же и убилъ его. Протекли годы.»

«Разъ вечеромъ къ намъ опять явился Афтанидъ. Онъ былъ строенъ какъ трость, былъ силенъ и пылокъ. Поздоровавшись со всѣми нами, онъ сталъ расказывать о высокихъ стѣнахъ Мальты и о древнихъ гробницахъ Египта. Расказы его были чудны, какъ легенды святителей. Я слушалъ его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ!»

«Какъ ты много знаешь!» сказалъ я, «и какъ славно ты умѣешь расказывать!»

«Но все это не стòитъ того, что̀ однажды ты расказалъ мнѣ,» возразилъ онъ — «то навсегда останется у меня въ памяти. Я говорю о прекрасномъ старинномъ обычаѣ союза дружбы. Какъ бы я желалъ возобновить его! Братъ, пойдемъ въ церковь, какъ нѣкогда твой отецъ съ отцемъ Анастасіи. Сестра твоя—самая прекрасная и невинная дѣвущка во всемъ околодкѣ: пусть она обручитъ насъ! Врядъ ли гдѣ-нибудь есть такіе прекрасные обряды, какъ у насъ Грековъ!»

«Анастасія покраснѣла какъ свѣжій розовый листокъ. Матушка поцѣловала Афтанида.»

«Недалеко отъ нашей хижины была маленькая церковь. Серебряная лампада висѣла передъ алтаремъ.»

«На мнѣ было мое лучшее платье. За поясомъ торчалъ ножъ съ пистолетами. На Афтанидѣ было синее платье, такое, какъ носятъ Греческіе матросы. На груди у него висѣла серебряная бляха съ образомъ Богородицы. Драгоцѣнный поясъ (въ такихъ щеголяли только богатые господа) обвивалъ его станъ. По наряду нашему, каждый могъ сейчасъ догадаться, что мы идемъ на какой-нибудь праздникъ. Когда мы вошли въ маленькую, уединенную церковь, вечернее солнце, сверкая противъ дверей, озаряло горящую лампаду и пестрые образа. Мы стали на колѣна на ступеняхъ алтаря, и Анастасія стала передъ нами. Длинное бѣлое платье свободно обхватывало граціозныя ея формы. Бѣлоснѣжную шею и грудь покрывали, въ видѣ большаго ожерелья, нанизанныя рядами старыя и новыя монеты. Черные волосы были положены вѣнкомъ, вокругъ котораго красовалась шапочка изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, найденныхъ въ древнихъ храмахъ. Прекраснѣйшаго наряда не было но у одной Гречанки. Лице ея сіяло. Глаза походили на двѣ звѣзды.»

«Мы всѣ трое тихо прочитали молитву. Потомъ Анастасія спросила насъ: «Готовы ли вы быть друзьями на жизнь и смерть?» Мы отвѣчали: готовы. «Готовы ли вы, что̀ бы ни случилось, всегда помнить:

братъ мой — половина меня самаго, моя тайна — его тайна, мое счастіе—его счастіе; дѣйствія, труды, самыя задушевныя мысли и намѣренія — все между нами общее?» И мы повторили: готовы! Она соединила наши руки и поцѣловала насъ въ лобъ. Потомъ мы опять помолились. Тутъ изъ алтарныхъ дверей явился священникъ. Онъ благословилъ насъ—и изъ-за иконостаса раздалось пѣніе другихъ священнослужителей. Вѣчный союзъ дружбы былъ совершенъ. Когда мы встали, я увидѣлъ у дверей церкви матушку; она проливала горячія слезы.»

«Какія блаженныя минуты мы прожили въ нашей хижинѣ близъ источниковъ Дельфійскихъ! Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда Афтанида, мы задумчиво сидѣли вдвоемъ на скалѣ. Онъ обвивалъ рукою мой станъ; я — его шею. Мы говорили о бѣдственномъ положеніи Греціи, о томъ, кому бы намъ можно было довѣриться. Мы раскрыли душу другъ передъ другомъ. Я взялъ его за руку. «У меня еще есть что-то на сердцѣ! До сихъ поръ это было извѣстно только Богу да мнѣ. Вся душа моя преисполнена любовью. И чувство это сильнѣе привязанности моей къ матушкѣ, къ тебѣ — — !»

«Кого же ты любишь?» спросилъ Афтанидъ—и щеки его покрылись яркою краскою.»

«Я люблю Анастасію», сказалъ я — и рука его задрожала въ моей рукѣ. Онъ поблѣднѣлъ какъ тѣнь. Я замѣтилъ это и угадалъ причину его волненія! Мнѣ помнится, что и моя рука задрожала. Я наклонился къ нему, поцѣловалъ въ лобъ и тихо сказалъ:

«Я никогда не говорилъ ей о томъ; можетъ быть, она и любитъ меня. Братъ, вспомни, что я видѣлся съ нею каждый день; она выросла на моихъ глазахъ, вросла мнѣ въ душу.»

«И она будетъ твоею,» сказалъ онъ, «будетъ навѣрное. Я не могу и не хочу скрывать отъ тебя, что и я также люблю ее. Но я уѣзжаю завтра. Мы увидимся не прежде, какъ черезъ годъ. Тогда вы уже будете женаты — не правда ли? У меня есть немного денегъ: они твои. Ты не можешь не принять ихъ!» Мы молча пошли по скалѣ. Было уже поздно, когда мы дошли до хижины моей матери.»

«Анастасія шла къ намъ навстрѣчу и съ лампою остановилась у дверей хижины Матушки не было тутъ. Дѣвушка съ несказанною грустію смотрѣла на Афтанида «Завтра ты оставляешь насъ!» сказала она. «Какъ это грустно!»

«Грустно? сказалъ онъ—и я замѣтилъ, что сердце его страдаетъ не менѣе моего собственнаго. Я не могъ говорить. Но онъ взялъ Анастасію за руку и сказалъ: братъ нашъ любитъ тебя; любишь ли и ты его? Онъ молчитъ; но въ этомъ-то и высказывается вся любовь его.» Анастасія задрожала. Изъ глазъ ея брызнули слезы. Въ эту минуту я видѣлъ только ее, думалъ только о ней. Я обвилъ ея станъ и воскликнулъ: «Да, я люблю тебя! «Тогда она прижала губы къ моимъ губамъ. Руки ея покоились вокругъ моей шеи. Между-тѣмъ лампа упала на полъ,

и вокругъ насъ стало мрачно, какъ въ сердцѣ бѣднаго Афтанида.»

«На другое утро онъ всталъ рано — и, простившись со всѣми нами, отправился въ путь. Всѣ его деньги перешли къ матушкѣ. Анастасія сдѣлалась моей невѣстою, а черезъ нѣсколько дней — женою!»

II.

Роза съ могилы Гомера.

Во всѣхъ пѣсняхъ Востока слышится любовь соловья къ розѣ. Въ тишинѣ звѣздной ночи крылатый пѣвецъ даетъ серенаду благоухающему цвѣтку.

Недалеко отъ Смирны, подъ сѣнію высокихъ чинаровъ, гдѣ тянутся караваны навьюченныхъ верблюдовъ, которые надменно протягиваютъ шею и тяжело шагаютъ по священной землѣ, я увидѣлъ цвѣтущій розовый кустъ. Дикіе голуби летали между вѣтвями высокихъ деревъ — и когда на крылò голубиное падалъ солнечный лучь, оно блистало какъ перламутръ.

На кустѣ одна роза была прекраснѣе прочихъ — и передъ нею-то соловей пѣлъ о мукахъ любви своей. Но роза молчала. На листкахъ ея не было ни росинки, ни одной слезы сострадания: вѣтки ея склонялись надъ широкими камнями.

«Здѣсь покоится величайшій въ мірѣ пѣвецъ,»

сказала роза.» Надъ его могилой я буду благоухать. На нее посыплю свои листочки, когда буря сорветъ ихъ. Пѣвецъ Иліады превратился въ прахъ — и на этомъ прахѣ я разцвѣла. Роза на могилѣ Гомера такъ священна, что не можетъ цвѣсти для ничтожнаго соловья.»

И соловей пѣлъ до того, что, изнуренный, заснулъ навѣки.

Но вотъ однажды мимо куста проходилъ купецъ съ своими навьюченными верблюдами и черными невольниками. Маленькій сынъ его нашелъ мертвую птицу, и онъ зарылъ маленькаго пѣвца въ могилу Гомера. Розу колыхалъ вѣтеръ. Насталъ вечеръ—и роза плотно свернула свои листья, и ей пригрезилось, будто, въ прекрасный солнечный день, нѣсколько Франковъ пришло поклониться могилѣ Гомера. Между ними былъ пѣвецъ съ Сѣвера, изъ страны тумановъ и сѣверныхъ сіяній. Онъ сорвалъ розу, вложилъ ее въ книгу и увезъ съ собою въ другую часть свѣта, на далекую свою родину. Роза завяла съ печали, сжатая въ тѣсной книгѣ. Возвратившись на родину, иностранецъ открылъ книгу и сказалъ: «вотъ роза съ могилы Гомера!»

Такъ пригрезилось цвѣтку—и онъ проснулся, и наполнилъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Капля росы упала съ листковъ его на могилу пѣвца. Солнце взошло высоко—и роза была прекраснѣе прежняго. День насталъ жаркій— это было въ знойной Азіи. Тутъ раздались шаги: пришли незнакомые Франки, точь-въ-точь какъ снилося розѣ — и между ними

былъ пѣвецъ съ Сѣвера. Онъ сорвалъ розу, напечатлѣлъ поцѣлуй на свѣжихъ устахъ ея, и взялъ ее съ собою въ страну сѣверныхъ сіяній и тумановъ.

Трупъ розы какъ мумія покоится теперь въ его Иліадѣ—и она, какъ въ сновидѣніи, слышитъ, какъ иностранецъ, открывъ книгу, говоритъ: «вотъ роза съ могилы Гомера!»

III.

Праздникъ свободы.

Седьмаго Апрѣля Греки справляютъ праздникъ свободы. Въ этотъ день началось возстаніе—и полилась впервые Турецкая кровь. Тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ рогъ луны, нынѣ водруженъ крестъ. Крестъ свѣтится на развалинахъ. Мертвая тишина царствуетъ въ долинахъ, гдѣ нѣкогда раздавался звонъ оружія. Во всѣхъ концахъ государства, даже въ бѣднѣйшихъ деревняхъ, развѣвается сегодня знамя свободы. Пастухъ отправляется къ развалинамъ храма въ уединенныя горы, вѣшаетъ на треснувшей стѣнѣ, передъ вѣтхими образами, лампаду, и читаетъ блалодарственную молитву. Греція свободна.

Я нынѣшній годъ присутствовалъ на этомъ праздникѣ въ Аѳинахъ. Погода была чудесная. На небѣ не было ни облачка. Съ горъ не дулъ холодный вѣтеръ. Военная музыка отъ ранняго утра раздавалась на улицахъ. Я изъ окна любовался на ря-

ды молодыхъ красивыхъ Грековъ съ смуглыми лицами и черными глазами. У каждаго развѣвалось на копьѣ маленькое знамя. По улицамъ бѣгали прелестные мальчики въ бѣлыхъ шароварахъ и красныхъ курткахъ. На балконахъ стояли богато одѣтые Греки, въ яркихъ парадныхъ костюмахъ, шитыхъ серебромъ и золотомъ, съ кинжалами и саблями на боку. У женщинъ была на головѣ маленькая красная шапочка, вокругъ которой вились длинныя роскошныя косы, а изъ-за открытаго спереди бархатнаго платья выказывался глазетовый корсетъ, который обхватывалъ полную, прекрасную грудь. Большая часть какъ мущинъ, такъ и женщинъ держала въ рукахъ миртовую вѣтку, или букетъ левкоевъ. Горцы, въ овчинныхъ тулупахъ и высокихъ шапкахъ, надменно прислонялись къ низкимъ каменнымъ колоннамъ церкви и глазѣли на проѣзжающихъ кавалеристовъ. Въ церкви горѣло множество лампадъ, и до меня доходилъ изъ отворенныхъ дверей ѳиміамъ кадила. Венеціанская мандолина гудѣла, и старикъ съ сѣдой бородою пѣлъ военную пѣснь Ригаса:

«Воспряньте, Греціи сыны!»

Самая обширная церковь въ Аѳинахъ, на Эоловой улицѣ, вовсе не походитъ на храмъ, и строилась не съ этимъ назначеніемъ. Но когда въ Аѳинахъ появился Дворъ, оказалось, что при торжественныхъ случаяхъ ни одна изъ прежнихъ церквей не могла вмѣстить Двора, дипломатическаго корпуса

и городскихъ властей. Вотъ почему рѣшились устроить церковь въ этомъ зданіи.

Въ тотъ день церковь была наполнена священниками, королевскою фамиліей, министрами и чиновниками. Я, въ качествѣ иностранца, получилъ позволеніе отъ дежурнаго офицера присутствовать при богослуженіи. Греческій епископъ въ богатомъ облаченіи стоялъ между священниками въ ризахъ. Король и Королева, оба въ Греческомъ костюмѣ, находились тутъ подъ бархатнымъ балдахиномъ, который былъ украшенъ скипетромъ и короною. Наслѣдный Принцъ Баварскій былъ подлѣ. «Да здравствуетъ Король!» раздалось у церкви, когда онъ садился съ Королевою въ карету. Всего-на-все оставалось не болѣе трехъ, или четырехъ экипажей. Дипломаты большею частію отправились пѣшкомъ. Замѣтно было, что королевство еще въ пеленахъ. Вся улица, балконы и окна были наполнены Греками. Одно прекрасное лице являлось возлѣ другаго. Солнце лучами своими обливало несмѣтное множество красныхъ шапокъ, пестрыхъ куртокъ и бѣлыхъ рубашекъ. Я не могъ налюбоваться на всѣ этѣ чудно-прекрасныя головы мущинъ и мальчиковъ. Женщинъ тутъ было очень мало, и тѣ некрасивы собою.

Послѣ завтрака, я, вмѣстѣ съ соотечественниками моими профессоромъ Россомъ, Чеппеномъ, братьями Ганзенъ и нѣкоторыми другими пріятелями, отправился верхомъ на гору, чтобы въ одной изъ сосѣднихъ деревень посмотрѣть, какъ поселяне празднуютъ этотъ день. Мы спустились по узенькой тро-

пикѣ мимо Ликобеттоса къ деревнѣ Маруцце, гдѣ бѣлыя мазанки и небольшіе, но роскошные садики составляютъ прелестную картину. Всѣ обыватели находились на улицѣ, которая была такъ узка, что народъ принужденъ былъ входить въ дома, чтобы дать намъ проѣхать. Передъ церковью было водружено знамя свободы — бѣлое съ синимъ крестомъ. Я замѣтилъ тутъ маленькую дѣвочку въ коротенькой бархатной юбочкѣ съ полотняными, бѣлыми какъ снѣгъ рукавами, которые болтались вокругъ смуглыхъ рученокъ. Черты лица у нея были восхитительно-правильны. Черные глала сіяли подъ тонкими, будто нарисованными бровями. Она сидѣла на кучѣ кипарисныхъ вѣтвей у самаго знамени. Не знаю, почему эта дѣвочка, сидящая на вѣтвяхъ смерти, представилась мнѣ геніемъ красоты чудной Греціи, надъ которымъ теперь опять развѣвалось знамя свободы.

Цѣлію нашей поѣздки между-тѣмъ было близлежащее мѣстечко Кефиссія. Дорогу оттуда называютъ проѣзжею для тѣхъ, кто осужденъ сломить себѣ шею. Нигдѣ въ Европѣ не имѣютъ понятія о такой дорогѣ. Самую дурную, для противоположности съ нею, можно назвать широкой дорогою грѣха, по которой покойно ѣдешь въ адъ. Греческія лошади вообще очень легко ходятъ по бугристымъ горамъ. Такъ было и здѣсь. Водяные протоки сначала шли вдоль дороги, но потомъ стали пересѣкать ихъ въ густой грязи на пол-локтя вышины. По сторонамъ стояли прекрасныя лавровыя де-

ревья и цвѣтущіе олеандры. На поляхъ — садами нельзя назвать этихъ огороженныхъ пространствъ — росли дикія груши и миндальныя деревья. Пастухи тутъ же пасли свои стада, среди которыхъ видно было и нѣсколько прекрасныхъ огромныхъ быковъ. Мы привѣтствовали пастуховъ Греческихъ: «въ добрый часъ!» на что они учтиво отвѣчали: «многія тебѣ лѣта.» Когда Греція была подъ владычествомъ Турціи, маленькій городокъ Кефиссія, какъ намъ сказали, былъ еще болѣе въ цвѣтущемъ состояніи, нежели нынѣ. Здѣсь богатые Аѳинскіе Турки строили себѣ мызы. Аѳины съ каждымъ годомъ будутъ пріобрѣтать все болѣе важности — и плодоносная эта окрестность современемъ покроется красивыми виллами. Въ самомъ центрѣ города лежали развалины Турецкой мечети, которая теперь служитъ конюшнею. Отъ минарета сохранилась только одна нижняя часть; но передъ нимъ возвышался чинаръ необыкновенной величины и красоты. Въ-жизнь не видывалъ я такаго. Дебелыя, повисшія вѣтви его образовали кругъ, который тѣнію своею защищалъ почти площадь. Мы разостлали наши плащи на травѣ подъ деревомъ и, вынувъ бутылки съ виномъ, расположились обѣдать. Насъ окружила толпа Гречанокъ. Тогда былъ постъ — и онѣ конечно съ завистію смотрѣли на наши вкусныя кушанья. Потомъ мы пошли по прекрасной тѣнистой аллеѣ, гдѣ журчаніе источниковъ и раскошная растительность напомнили мнѣ плодоносную равнину между Неаполемъ и Позилиппо. Съ обѣихъ сторонъ, вплоть до

густаго оливковаго лѣса, росли дикія фруктовыя деревья и душистыя ползучія растенія. Повсюду разстилались засѣянныя поля и виноградныя плантаціи. Мы видѣли, чѣмъ Греція могла быть. День свободы представился мнѣ пророческимъ видѣніемъ. Въ рощѣ былъ каменный бассейнъ. Ручей образовалъ нѣсколько небольшихъ водопадовъ. Мы сошли внизъ. Зеленыя вѣтви надъ нашею головою навѣвали на насъ прохладу, а свѣтлая. прозрачная вода журчала такъ невыразимо-пріятно. Солнце, обливая листья своими лучами, сообщало имъ яркій блескъ. Птицы наполняли воздухъ своимъ пѣніемъ. На дорогѣ возлѣ рощи ѣхало верхомъ нѣсколько кавалеровъ и дамъ, одѣтыхъ по-Европейски. Они принадлежали ко Двору Короля Оттона. Мы обмѣнялись поклономъ — и они скрылись за деревьями. Черезъ минуту показалась еще амазонка, которая догоняла компанію. Это была молодая дѣвушка въ полномъ Греческомъ костюмѣ. Изъ-подъ красной шапочки у нея вились черные какъ смоль локоны. Гордое чело, живые черные глаза и бойкіе пріемы изобличали въ ней истинную Гречанку. Она мелькнула въ лѣсу какъ очаровательное видѣніе, какъ царица Греческихъ альфовъ! Это была дочь Марко Боцариса, фрейлина Греческой Королевы, и первая красавица въ Аѳинахъ.

Солнце начинало спускаться къ горамъ. Мы отправились въ обратный путь; но еще не успѣли прибыть въ Аѳины, какъ уже стемнѣло. Весь Акрополисъ горѣлъ безчисленнымъ множествомъ огней, что

производило эффектъ очаровательный. Синій воздухъ сіялъ яркимъ свѣтомъ, а городъ, отъ множества лампъ и свѣчь, которыми были иллюминованы домы, представлялся будто въ блескѣ лучезарномъ. На балконахъ были разставлены свѣчи, а поперегъ улицъ и передъ открытыми лавками вездѣ висѣли сплетеныя изъ цвѣтовъ люстры съ разноцвѣтными лампами. Фруктовые базары, нагруженные багровыми апельсинами, темно-коричневыми финиками и огромными Грецкими орѣхами, сіяли огнями. Во многихъ окнахъ были выставлены литографіи: портреты Короля Оттона, поэта Ригаса, Міолиса, Марко Боцариса. На Эоловой улицѣ было устроено нѣсколько транспарановъ. На одномъ виденъ былъ гробъ, изъ котораго выходилъ молодой Грекъ съ знаменемъ свободы въ рукахъ. На другомъ — Греческій корабль во время бури. Подъ всѣми изображеніями стояли остроумные стихи на ново-Греческомъ языкѣ.

Эолова улица, самая широкая въ Аѳинахъ, которая прямою линіею тянется до Акрополиса, кипѣла веселыми толпами народа. Огни и лампы превращали ночь въ день. На улицахъ играла военная музыка. Домы, подымаясь въ гору къ Акрополису, образовали терасы, уставленныя цѣлыми рядами лампъ. Красный огонь на самой верхней башнѣ освѣщалъ колонны древняго храма блѣднымъ трепещущимъ свѣтомъ. Въ открытыхъ лавкахъ раздавалось пѣніе съ акомпанимапомъ мандолины, а во Французскія кофейни стремились любопытные, нетерпѣливо же-

лавшіе прочесть въ свѣжихъ газетахъ, что̀ Европа говоритъ о бунтѣ Кандіотовъ.

Извѣстія изъ Креты, какъ изустныя, такъ и печатныя, были различнаго содержанія. Какъ самую достовѣрную и свѣжую новость расказывали, что въ Патрасѣ увезли тайкомъ изъ магазина порохъ и оружія. Веселые Греки осушали одинъ бокалъ за другимъ въ честь побѣды Кандіотовъ. Пѣніе и оружейные выстрѣлы не умолкали до самой глубокой ночи какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ мазанкахъ, разбросанныхъ между уединенными горами.

IV.

Мои сапоги.

Въ Римѣ есть улица, называемая Via purificazione и вовсе не соотвѣтствующая своему названію. Надобно безпрестанно то спускаться, то подыматься. На всякомъ шагу подъ ноги попадаются кочерыжки капусты и черепки разбитой посуды. Изъ дверей остеріи выходитъ густой дымъ, а живущая насупротивъ синьора—виноватъ, но это сущая правда — каждое утро вытряхиваетъ изъ окна свои простыни. На этой улицѣ живутъ въ большомъ числѣ иностранцы. Но горячка и другія злокачественныя болѣзни, свирѣпствовавшія въ тотъ годъ, побудили многихъ остаться въ Неаполѣ и во Флоренціи. Я

жилъ въ большомъ домѣ одинъ-одинехонекъ; даже хозяева ночевали въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ огромномъ и, что еще хуже, холодномъ строеніи былъ маленькій сырой садъ. Весь онъ состоялъ изъ однаго куста гороху и однаго полу-завялаго левкоя. Между-тѣмъ въ сосѣднихъ садахъ, расположенныхъ нѣсколько выше, красовались роскошные кусты съ мѣсячными розами и деревья, покрытыя лимонами. Послѣднимъ безпрестанные дожди не вредили; но за то розы были въ самомъ жалкомъ положеніи: онѣ будто цѣлую недѣлю купались въ морѣ.

Большія, холодныя комнаты, которымъ черный каминъ въ простѣнкѣ придавалъ еще болѣе мрачности, наводили на меня тоску, особливо въ вечернее время, когда на дворѣ шумѣли вѣтеръ и дождь. Двери всѣ были заперты на замокъ или задвижку. Но это не помогало: вѣтеръ страшно гудѣлъ, проникая въ скважины дверей. Щепки въ каминѣ пылали; но комната отъ этаго не нагрѣвалась. Холодный, каменный полъ, тонкія стѣны и высокій потолокъ, казалось, были устроены только для лѣта.

Чтобы избавиться отъ страданій, на которыя я былъ осужденъ, мнѣ бы надобно было надѣть мѣховые дорожные сапоги, сертукъ на ватѣ, плащъ и мѣховую шапку. Только въ этомъ костюмѣ положеніе мое стало бы, можетъ быть, посноснѣе. Я почти изжарился съ того бока, которымъ обращался къ камину; но вѣдь въ здѣшнемъ мірѣ надобно умѣть вертѣться—и я поворачивался словно подсолнечникъ.

Вечера были нѣсколько длинны. Но вотъ зубы мои вздумали позабавить меня нервическими концертами. Я изумился, съ какимъ возрастающимъ проворствомъ разыгрывались тутъ пьесы. Самая сильная Датская зубная боль — ничто въ сравненіи съ Итальянской. Боль играла на клавишахъ зубовъ не хуже самаго Листа, или Тальберга. Потѣха происходила поперемѣнно то въ нижнемъ ряду, то въ верхнемъ. Они чередовались какъ два военные хора, между-тѣмъ, какъ большой передній зубъ пѣлъ партію прима-донны, со всѣми украшеніями, руладами и быстрыми переходами боли. Въ этой музыкѣ было столько силы и гармоніи, что я наконецъ совершенно ошалѣлъ.

Вскорѣ вечерніе концерты превратились въ ночные. Разъ, когда окна тряслись отъ вѣтра и дождь лился ливмя, я грустно взглянулъ на ночную лампу. Возлѣ нея лежали письменные мои припасы — и я могъ явственно видѣть, что перо плясало на бумагѣ, какъ будто имъ водила невидимая рука. Это однако только казалось: въ самомъ же дѣлѣ оно шевелилось и пищало само собою—но подъ чью же диктовку? Это покажется невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе — сущая правда! Если я говорю, то мнѣ должно вѣрить. Перо писало по диктовкѣ моихъ сапоговъ, моихъ старыхъ Копенгагенскихъ сапоговъ, которые, для просушенія послѣ дождя, были поставлены на золу въ каминѣ. Покуда я страдалъ зубами, они не менѣе того страдали водяною болѣзнію. Вдругъ имъ вздумалось написать свою біогра-

фію — она, можетъ быть, дастъ читателямъ нѣкоторое понятіе объ Итальянской зимѣ 1840 и 41 г.

Сапоги диктовали:

«Насъ два брата: сапогъ на правую и сапогъ на лѣвую ногу. Мы еще живо помнимъ день, когда насъ въ первый разъ вымазали ваксой, а потомъ необыкновенно тщательно вычистили. Мы могли служить другъ другу зеркаломъ, составляли нѣкоторымъ образомъ одно тѣло, были нѣчто въ родѣ Кастора и Поллукса, или Сіамскихъ близнецовъ, которымъ судьба судила жить и умереть вмѣстѣ. Оба мы родомъ изъ Копенгагена.

Мальчишка башмашника вынесъ насъ въ свѣтъ — и это пробудило въ насъ сладостныя, но ложныя надежды на счетъ нашей будущности. Господинъ, къ которому насъ снесли, дралъ насъ за уши до тѣхъ поръ, пока мы не взошли ему на ноги, и потомъ спустился съ нами по лѣстницѣ. Мы скрипѣли отъ радости. Шелъ дождь; но, не смотря на то, мы продолжали скрипѣть. Однако это было съ нами только въ первый день.

Ахъ, какъ подумаешь, какъ мокро ходить по здѣшнему міру! Мы не родились пачкаться по грязи, и потому были несчастливы. Никакая щетка не могла возвратить намъ блеска молодости, которымъ мы красовались, когда мальчикъ сапожника несъ насъ по улицѣ. Но какова была наша радость, когда мы разъ утромъ услышали, что ѣдемъ за границу, въ Италію, этотъ теплый, благовонный край, гдѣ мы надѣялись ходить по мрамору и классичес-

кой землѣ, упиваться солнцемъ и снова найти утраченный блескъ юности. Мы отправились. Почти все время мы спали въ ящикѣ и мечтали о теплыхъ краяхъ. Только въ городахъ мы выходили изъ заключенія, чтобы удостовѣриться, такъ ли вездѣ сыро и грязно, кадъ у насъ въ Даніи. Къ подошвамъ нашимъ прикинулся антоновъ огонь, и потому въ Мюнхенѣ ихъ надобно было отнять. Насъ снабдили другими, которыя были такъ хорошо придѣланы, какъ будто бы мы родились съ ними. «Лишь бы намъ перебраться только черезъ Альпы!» говорили мы вздыхая, «тамъ такъ тепло и упоительно!» И вотъ мы наконецъ за Альпами, но и тутъ чувствовали себя не многимъ лучше! Безпрестанно шелъ дождь и дулъ вѣтеръ, а съ ходьбою по мрамору также соединялись важныя неудобства: онъ былъ холоденъ какъ ледъ, и вытягивалъ холодный потъ изъ нашихъ подошвъ, такъ-что мы вездѣ оставляли послѣ себя слѣды. Еще всего веселѣе намъ было по вечерамъ, когда слуга ставилъ нумера на всѣ сапоги и башмаки, какіе были въ гостинницѣ, и когда мы, стоя съ незнакомыми товарищами, слушали ихъ расказы о городахъ, гдѣ опи бывали! Между прочимъ мы видѣли, если не ошибаюсь — въ Болоньѣ, пару красивыхъ сафьянныхъ красныхъ голенищъ съ черными головами. Они расказывали намъ о жаркомъ лѣтѣ въ Римѣ и Неаполѣ, и о восхожденіи своемъ на Везувій. Тамъ-то и сгорѣли у нихъ головы отъ дѣйствія подземнаго жара. Ахъ! подумали мы, что за блаженство умереть такой смертью. Лишь бы намъ

только пробраться за Апенины! Только бы поскорѣе попасть въ Римъ! И вотъ мы въ Римѣ. Тутъ намъ пришлось нѣсколько недѣль безъ отдыха пачкаться въ грязи. Все надобно видѣть и осмотрѣть. Достопримѣчательностямъ и дождю не было конца. Ни единый лучь солнца не хотѣлъ отогрѣть насъ. Вокругъ насъ безпрестанно бушевалъ вѣтеръ. О, Римъ, Римъ! Сегодня мы въ первый разъ упиваемся теплотою у благословеннаго камина, и будемъ упиваться, пока не растрескаемся. Передки уже пропали; теперь мы начинаемъ ходить на голенищахъ, но и тѣ рвутся! Въ ожиданіи блаженной смерти, которая предстоитъ намъ, мы вздумали расказать нашу исторію, и кончаемъ желаніемъ, чтобы тѣла наши были отвезены въ Берлинъ, къ тому, у кого достало духу описать «Италію, какъ она есть.» Именно къ правдолюбивому Николаю».—Тутъ сапоки совсѣмъ съежились. Стало совершенно тихо. Лампа погасла. Я уснулъ. Когда я на другое утро проснулся, я думалъ, что все это сонъ; но посмотрѣлъ въ каминъ, и увидѣлъ—сапоги были совсѣмъ сморщены и походили на муміи. Я взглянулъ на лежавшую подлѣ лампы бумагу: она была вся измарана; перо дѣйствительно скользило по ней; но письмо было очень нечетко, и это происходило отъ того, что перо писало мемуары сапоговъ на сѣрой бумагѣ. Я уже позже разобралъ рукопись. Прошу всѣхъ и каждаго помнить, что не я, а сапоги мои бранятъ la bella Italia!

МНѢНІЕ ГЁТЕ О МАНЦОНИ.

Давнымъ давно собираюсь я послать вамъ, что могу, о состояніи современной Итальянской литературы. Сначала мнѣ казалось это дѣломъ легкимъ, какъ кажется большей части людей, не говорю уже знающихъ Итальянскую письменность по наслышкѣ, но даже тѣхъ, которые сами постоянно слѣдятъ за всѣми ея явленіями. Александръ Манцони, Джанбатиста Николини, Чезаре и Игнатіо Канту, прекрасный, но рано погибшій талантъ Джакомо Леонарда, Массимо д' Азеліо, Гверацци, Марко Грасси, почти сошедшій съ поприща дѣятельности Николао Томазео, слабый талантъ Джузеппе Ровани, врядъ ли не еще слабѣе Джованни Розини, Джузеппе Ревере, написавшій одно сочиненіе, полудраматическое, полуповѣствовательное — *Плаксуны и бѣшеные времени Савонароли* (j Piagnoni e gli arabiati al tempo di Savonarola), Венеціанецъ Корреръ, нѣчто среднее между плохимъ журналистомъ и незначительнымъ расскащикомъ, и нѣсколько другихъ — правда, именъ довольно, но врядъ написали ли всѣ они въ половину того, что написалъ одинъ изъ плодовитыхъ Французскихъ романистовъ. Кажется, долго ли все это прочесть и обсудить? Но дѣло въ томъ, что Итальянская изящная литература съ нѣкотораго вре-

мени до того сливается съ историческою, что нельзя, говоря объ одной, не разсмотрѣть другой: а эта другая, и по числу произведеній, и по важности ихъ, врядъ ли не богатѣйшая изо всей современной исторической литературы. Къ-тому же направленіе изящной словесности въ Италіи совершенно отдѣльно отъ направленія ея въ остальной Европѣ. Начиная съ содержанія до внѣшности — обрисовка лицъ, ихъ постановка, чувство и проникающее каждаго драматическое сліяніе характеровъ, наконецъ чувство, производимое на читателя—все рѣшительно свое и нисколько не похоже ни на то, что мы назвали въ литературѣ юною Франціею, ни на рѣшеніе политическихъ, гражданскихъ и нравственныхъ вопросовъ, встрѣчаемое нами въ формѣ романовъ и повѣстей Французскихъ писателей, ни на веселость и наставительность романовъ Англійскихъ, ни на идеализмъ и прекрасный фантасмизмъ Германскихъ. Въ Италіи основа всѣхъ произведеній изящной литературы — исторія. Соединеніе событій и расказъ болѣе, или менѣе проникнуты лирическимъ чувствомъ. Для нихъ доступенъ одинъ вопросъ нравственный — любовь къ отечеству. Онъ руководитъ чувствомъ писателя и вездѣ пробивается какъ нравственное начало романа, трагедіи, повѣсти, или драматическаго расказа. Вездѣ эта любовь остается на степени чувства, и не имѣетъ надобности переступать эти законные свои предѣлы, потому что вездѣ она можетъ свободно высказываться въ дѣйствіяхъ. Въ Италіи, почти такъ же, какъ въ странахъ

юго-Славянскихъ, частое употребленіе слова отечество навлекаетъ уже подозрѣніе, случается даже, и гоненіе. Еще недавно подвергся сильному гоненію сочинитель превосходной книги: *Война Сицилійскихъ вечерень, или періодъ Сицилійской исторіи XIII вѣка, написанный Михаиломъ Амори* (La guerra Vespero Siciliano, o un periodo delle istorie Siciliane del secolo XIII, per Michele Amori). Какъ это дѣлается и почему? пусть рѣшитъ современная исторія. Но безъ такаго рѣшенія трудно было бы очертить ходъ современной Итальянской литературы; а потому вы видите, что изображеніе ея — дѣло не легкое.

И-такъ, отложивши это до другаго времени, позвольте мнѣ, въ настоящую минуту, въ исполненіе даннаго обѣщанія, передать вамъ нѣсколько отрывковъ, какъ вступленіе въ изученіе Итальянской изящной словесности. Я начну съ разбора Манцоніевой трагедіи *Графъ Карманьола*, написаннаго человѣкомъ, на дѣлѣ доказавшимъ свѣту свои высокія понятія о драмѣ—знаменитымъ *Гёте*. Разборъ этотъ въ свое время былъ помѣщенъ въ листкѣ, издаваемомъ великимъ поэтомъ въ Штутгардтѣ: *Ueber Kunst und Alterthum*.

«Эта трагедія, пишетъ Германскій драматикъ, о выходѣ которой въ свѣтъ мы извѣстили еще прежде, заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобъ мы снова возвратились къ ней и разобрали бы ее подробнѣе. Съ самаго предисловія, авторъ ея излагаетъ желаніе быть судимымъ не иначе,

какъ по тому, что онъ предположилъ своею задачею. Мы охотно дѣлаемъ ему эту уступку: всякое истинное произведенiе искуства, точно такъ же, какъ всякое полное и здоровое произведенiе природы, должно быть оцѣниваемо само по себѣ, а не по отношенiямъ. Потомъ Манцони передаетъ свои понятiя, какимъ путемъ, по его мнѣнiю, должно итти при такомъ сужденiи. Слѣдуя ему, должно сперва хорошо ознакомиться съ цѣлiю, предположенною поэтомъ, потомъ смотрѣть, разсудительна ли и занимательна ли эта цѣль, и послѣ рѣшить, вполнѣ ли она достигнута. Сообразно съ желанiемъ Манцони, мы начали съ того, что составили себѣ, сколько могли, точное понятiе о его намѣренiи. Разсматривая потомъ самое это намѣренiе, мы нашли его занимательнымъ и сообразнымъ съ тѣмъ, чего требуютъ природа и искуство; и наконецъ, послѣ самаго отчетливаго разбора, мы убѣдилися, что онъ мастерски исполнилъ дѣло, имъ предпринятое. Кажется, что послѣ такаго объявленiя нечего прибавить съ нашей стороны, кромѣ желанiя видѣть, чтобы всѣ любители Итальянской литературы читали произведенiе Манцони съ такимъ же участiемъ, какъ и мы его читали, оцѣнили бы его съ такою же искренностiю, и были бы столько же, какъ и мы, удовлетворены имъ.

Но такъ-какъ система, по которой было предпринято и составлено это сочиненiе, имѣетъ много противниковъ въ Италiи и, можетъ быть, тоже не придетъ по вкусу всѣхъ даже и въ Германiи, по-

этому мы считаемъ обязанностію отдать отчетъ въ сужденіяхъ, и показать, какимъ образомъ, сообразно желанію и понятію автора, мы выводимъ нашу похвалу прямо изъ самаго сочиненія.

«Въ предисловіи своемъ, о которомъ мы однажды уже упомянули, Манцони прямо объявляетъ, что онъ освободился отъ строгихъ правилъ единства времени и мѣста. Онъ приводитъ въ свою пользу сужденія Вильгельма Шлегеля, на которыя смотритъ какъ на конечный приговоръ, и выказываетъ неудобства, происходящія отъ притязанія очертить драматическое дѣйствіе въ предѣлахъ, черезъчуръ опредѣленныхъ и тѣсныхъ. Безъ сомнѣнія во всемъ этомъ для Германскаго читателя нѣтъ ничего ни новаго, ни спорнаго; во всякомъ случаѣ мысли Манцони * объ этомъ предметѣ не

* Кромѣ немногихъ словъ, сказанныхъ въ этомъ предисловіи, Манцони написалъ довольно большое письмо на Французскомъ языкѣ: *Объ единствѣ времени и мѣста въ трагедіи* (Sur l'unité du temps et du lieu dans la tragédie), которое потомъ было напечатано Форьелемъ (Fauriel), переводчикомъ Манцоніевой трагедіи *Графъ Карманьола.* Печатая это письмо, Форьель, въ выноскѣ, говоритъ слѣдующее о томъ, по какому поводу оно было написано.

«Многіе изъ нашихъ журналовъ, съ большею, или меньшею похвалою, дали отчетъ о Манцоніевомъ *Графѣ Карманьолѣ* тогда, какъ только онъ появился въ свѣтъ, то есть, въ началѣ 1820 года, и между ними особенно *Французскій Лицей* (Lycée français), гдѣ былъ данъ отчетливый и пространный разборъ, въ которомъ красоты произведенія были оцѣнены съ большимъ вкусомъ и дѣльностію, и гдѣ намѣреніе, принятое сочинителемъ, избавиться отъ правила единствъ было оспариваемо остроумно и частію даже ново.»

«Манцони, бывшій тогда въ Парижѣ, прочитавъ эту статью, не былъ ни нечувствителенъ къ похваламъ, какія образованный судья воздалъ его таланту, ни пораженъ опроверженіями, сдѣланными драматической системѣ, которой онъ слѣдовалъ. Но, ни

лишены занимательности даже и для Германца. Это правда, что вопросъ, къ которому они относятся, съ давнихъ поръ у насъ оспариваемый и разбираемый, теперь уже совершенно рѣшенъ; но все таки нельзя сказать, чтобъ онъ былъ вполнѣ исчерпанъ. Человѣкъ съ талантомъ, принужденный защищать вновь и при новыхъ обстоятельствахъ старую ис-

сколько не считая этихъ опровержeній неоспоримыми, онъ надѣялся, напротивъ того, въ нихъ самихъ найти новыя причины, чтобъ упорствовать въ своемъ мнѣніи касательно единства времени, и онъ не могъ устоять противъ искушенія — написать по этому случаю нѣсколько замѣчаній, которыя онъ вознамѣрился надписать, въ знакъ благодарности и уваженія, на имя самаго автора статьи, разобравшаго его произведеніе.»

«Неожиданныя обстоятельства попрепятствовали Манцони окончить письмо такъ скоро, чтобы оно могло явиться кстати и своевременно, и не дали ему возможности заняться имъ столько, сколько ему хотѣлось. Принужденый потомъ, вскорѣ послѣ этаго, отправиться въ Италію, онъ не думалъ больше издавать въ свѣтъ сочиненія, которое не считалъ достойнымъ печати и надъ отдѣлкою котораго онъ не могъ трудиться столько, сколько бы желалъ. Я нашелъ въ немъ такія достоинства и такую занимательность, которыя заставили меня желать издать его въ свѣтъ, и показались мнѣ столь высокими, что предъ ними ничего не значитъ случайная запоздалость такаго изданія. По-этому, предъ отъѣздомъ Манцони, я просилъ его оставить мнѣ рукопись, съ позволеніемъ напечатать ее, когда и какъ найду я это сдѣлать кстати.»

«Это небольшое сочиненіе не только было написано во Франціи, но, нѣкоторымъ образомъ, для Франціи и въ добавокъ по-Французски.»

Я съ своей стороны не могу не прибавить, что въ немъ такъ много остроумія и къ-тому же такъ много истинно-художественныхъ и художническихъ замѣтокъ и наблюденій, что оно во многихъ мѣстахъ не могло бы показаться устарѣлымъ даже и теперь, спустя 26 лѣтъ, послѣ того, какъ оно было написано, и даже тогда, когда споръ объ единствѣ времени и мѣста въ трагедіи сдѣлался историческимъ событіемъ отжившаго времени въ исторіи литературы и пересталъ уже совершенно занимать умы драматическихъ писателей.

тину, не можетъ не придать ей новости въ какомъ-либо отношеніи, и не противопоставить врагамъ ея доказательствъ, еще никѣмъ нетронутыхъ. Такимъ образомъ Манцони нашелъ возможность сказать въ пользу имъ защищаемаго новыя истины, которыя должны остановить на себѣ умъ каждаго, и не могутъ не нравиться даже тѣмъ людямъ. которые и безъ него были уже убѣждены.

«Въ-слѣдъ за предисловіемъ помѣшенъ историческій расказъ происшествія, гдѣ авторъ собралъ всѣ событія, необходимыя для того, чтобъ дать понятіе о времени, въ которомъ онъ взялъ предметъ своей трагедіи, и о лицахъ, выказывавшихся въ исторіи того времени.

«Графъ Карманьола родился въ 1390 году. Изъ пастуха, сдѣлавшагося удалымъ воиномъ, онъ быстро возвышается, получаетъ степень за степенью, и становится главноначальствующимъ надъ войсками Іоанна-Маріи Висконти, герцога Миланскаго. Побѣдами своими онъ защищаетъ и обезопашиваетъ владѣнія этаго властителя, который, въ благодарноть за это, осыпаетъ его почестями и даже даетъ ему въ супружество одну изъ своихъ родственницъ. Но возмутительный и гордый нравъ счастливаго выскочки, его непреодолимая потребность быть въ неумолкаемой дѣятельности и итти впередъ, скоро поселяютъ раздоръ, безъ надежды на примиреніе, между нимъ и его властителемъ-покровителемъ — и вотъ онъ въ 1425 году переходитъ въ службу Венеціанцевъ.

«Въ тѣ времена безпорядковъ и несогласій, кто

только чувствовалъ какую-нибудь тѣлесную и душевную силу и жаждалъ ее выказать, всякій, при малѣйшемъ предлогѣ, предавался удовольствію наѣздничанья съ небольшимъ числомъ товарищей, или на свой собственный счетъ, или на чей-нибудь чужой. Военное дѣло сдѣлалось чистою торговлею: военный народъ нанимался съ той и другой стороны, по минутному желанію, по выгодѣ, безъ убѣжденія, безъ всякой иной причины, и всѣ воины смотрѣли на свою службу и на свои услуги, какъ работникъ на свою работу. Отдѣльными отрядами заключали они условія съ первымъ военачальникомъ, который приходился имъ по вкусу, и чаще съ тѣмъ, кто своею храбростію, своею опытностію и своимъ искуствомъ могъ внушить имъ довѣренность. Этотъ, въ свою очередь, нанимался къ какому-либо властителю, къ какому-нибудь городу, ко всякому, кто только нуждался въ немъ.

«Все дѣлалось тогда по требованію личности — и личности сильной, повелительной, не терпѣвшей уклончивости, не избѣгавшей препятствій, такъ-что ни одинъ искатель приключеній не вступалъ иначе въ предпріятіе въ пользу другаго, какъ изъ собственнаго расчета и для собственной своей выгоды. Одно могло казаться чрезвычайно страннымъ при такомъ порядкѣ ополченія, хотя, въ существѣ дѣла, ничего не было естественнѣе этаго, именно то, что всѣ эти нанятые воины, отъ военачальника до простаго солдата, не смотрѣли одни на другихъ какъ на враговъ, тогда даже, когда они были, ли-

цемъ къ лицу, другъ противъ друга, въ двухъ враждебныхъ войскахъ. Они уже были взаимно знакомы, какъ люди, не однажды сражавшіеся товарищами, и всегда ожидали, что снова придется имъ воевать подъ одними знаменами. По-этому дѣло никогда не доходило прямо до отчаянной битвы; всегда въ минуту нападенія спрашивали, кого должно было прогнать, сбить съ поля битвы, или взять плѣнникомъ. Отъ такаго способа вести общественныя дѣла, при которомъ всѣ избѣгали дѣльности и были нерѣшительны, безпрестанно происходили неудачи и опасности. Съ плѣнинками обрашались со всею заботливостію; всякій военачальникъ выговаривалъ себѣ право — освобождать тѣхъ, которыми онъ овладѣвалъ. Кажется, что сначала ограничивались только покровительствомъ старымъ товарищамъ по службѣ, которые случайно попадались на сторонѣ непріятельской; но мало-по-малу снисхожденіе усилилось и кончилось тѣмъ, что сдѣлалось общимъ и обязательнымъ. Какъ воеводы отрядовъ освобождали своихъ плѣнниковъ безъ спора военачальника, точно такъ же этотъ послѣдній, въ свою очередь, отпускалъ своихъ, не относясь къ государю, или даже противъ его воли, и подобныя дѣйствія неповиновенія, соединеныя со множествомъ другихъ, не менѣе гибельныхъ, безпрестанно полагали препятствія окончанію всякой войны.

«Это еще не все. Каждый *condottiero*, отдѣльно отъ цѣли того, у кого находился онъ на жалованьѣ, имѣлъ свою частную цѣль — накопить столь-

ко богатствъ, пріобрѣсти столько уваженія и довѣрія, чтобъ имѣть возможность, подобно другимъ, до него бывшимъ, или вмѣстѣ съ нимъ когда-то сражавшимся, перемѣнить службу у временнаго, чисто военнаго начальника, на другую у признаннаго властителя, который имѣлъ бы земли, подданныхъ, и былъ бы такъ же могучь во время мира, какъ и во время войны. Отсюда происходило недовѣріе, подозрительность, ненависть и всегдашняя готовность къ ссорѣ между наемникомъ и его властелиномъ.

«Пусть представятъ теперь въ Карманьолѣ одного изъ такихъ наемныхъ героевъ, такаго, который со всею гордостію стремится быть чѣмъ-нибудь, завися отъ собственныхъ своихъ силъ, но у котораго нѣтъ ничего, что было бы ему нужно для достиженія своихъ цѣлей, ко всему этому, такаго, который не умѣлъ ни притворяться, ни показываться кстати гибкимъ и снисходительнымъ, который не можетъ ни на минуту возобладать надъ своимъ непокорнымъ, гордымъ и властолюбивымъ духомъ. Нетрудно предусмотрѣть распрю, какая должна была необходимо произойти между характеромъ, столь пылкимъ и самовластнымъ, и властію, соединенною съ такимъ подозрительнымъ умомъ, какова была власть Венеціанская, такъ-что тутъ съ перваго шагу все и роковое и трагическое смѣшивается воедино въ томъ положеніи, котораго происшествія и перевороты составляютъ предметъ Манцоніева сочиненія. Эти-то совершенно различные между собою интересы, совершенно противоположныя положенія

именно—правительственная тога и воинское вооруженіе пущены здѣсь въ ходъ въ различныхъ лицахъ. Они тутъ развиты и характеризованы съ удивительнымъ умѣньемъ; а точно, только такимъ образомъ могли быть они развиты, и только въ той формѣ, какую избралъ авторъ, которая по-этому совершенно оправдывается и сама себя защищаетъ отъ всякаго противъ нея возраженія. Но чтобъ въ полномъ порядкѣ и совершенно отчетливо войти въ дальнѣйшій разборъ этой трагедіи, мы покажемъ теперь ходъ ея, такъ, какъ слѣдуютъ дѣйствія и явленія одно за другимъ.

Дѣйствіе I. *Явленіе 1-е.* Венеціанскій дожъ излагаетъ сенату теченіе дѣлъ: Флорентинцы ищутъ соединенія съ Венеціанскою республикою противъ герцога Миланскаго. Послы послѣдняго, напротивъ того, стараются поддержаль миръ — и съ этимъ намѣреніемъ они остаются въ Венеціи, гдѣ находится также и графъ Карманьола, какъ частный человѣкъ, однако жъ имѣющій въ виду быть назначенъ военачальникомъ Венеціанскаго войска. Въ это время дѣлаютъ покушеніе на жизнь его, и открывается, что это было стараніемъ Миланскихъ пословъ, такъ-что съ этѣхъ поръ можно было считать невозможнымъ всякое примиреніе между герцогомъ и Карманьолою.

Явленіе 2-е. Этотъ послѣдній, призванный въ сенатъ, выказываетъ свой характеръ, свои правила и свои чувства.

Явленіе 3-е. Онъ удаляется—и дожъ даетъ ходъ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли выбрать его военна-

чальникомъ. Сенаторъ Марино держится мнѣнія противнаго, какъ политикъ подозрительный и дальновидный; но другой сенаторъ, Марко, съ жаромъ и совершенно открыто беретъ сторону графа. Явленіе оканчивается тою минутою, когда сенатъ хочетъ подавать голоса о томъ, на что рѣшиться.

Явленіе 4-е. Графъ одинъ у себя. Приходитъ къ нему Марко и извѣщаетъ его, что война объявлена, и что онъ назначенъ военачальникомъ, причемъ пользуется случаемъ, чтобъ умолять графа, со всею горячностію дружбы, удерживать иногда вспыльчивый характеръ, упрямство и надменность — самыхъ опаснѣйшихъ враговъ его, потому-что этимъ всѣмъ онъ оскорбляетъ множество людей тщеславныхъ и сильныхъ. Начиная отсюда, главное положеніе лицъ ясно обозначено для зрителя, изложеніе окончено—и мы не боимся съ своей стороны прибавить, что оно превосходно.

Дѣйствіе II. *Явленіе 1-е.* Насъ переносятъ въ лагерь герцога Миланскаго, гдѣ множество *condottieri* собраны подъ начальствомъ Малатести. Онъ защищенъ болотами и лѣсами, и къ нему нѣтъ иной дороги, кромѣ одной узкой плотины, что дѣлаетъ положеніе его неприступнымъ. Карманьола, весьма искусный въ военномъ дѣлѣ, никакъ не думаетъ осаждать ихъ, но ищетъ, какъ бы раздражить ихъ и вывести изъ себя, возбуждая ихъ безпрестанно рѣзкими оскорбленіями и частными сшибками. Хитрость ему удается. Самые молодые изъ воеводъ герцогскаго войска настаиваютъ, чтобъ выступить

навстрѣчу дерзкому непріятелю. Пергола, старый и опытный въ военномъ дѣлѣ, держится противнаго мнѣнія. Другіе въ нерѣшимости, и главный начальникъ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какихъ требовало бы занимаемое имъ мѣсто. Начинается жаркій споръ, въ которомъ выставляются и настоящій ходъ дѣлъ и характеры различныхъ военачальниковъ герцогскаго войска — и конецъ спора есть торжество увлеченія и дерзости надъ благоразуміемъ. Все это дѣйствіе превосходно и навѣрное было бы чрезвычайно поразительно при представленіи.

Явленіе 2-е. Изъ этаго шумнаго лагеря мы переходимъ въ уединенный шатеръ графа. Едва только этотъ воинъ открылъ состояніе своей души въ короткомъ монологѣ, какъ вдругъ приходятъ извѣстить его о приближеніи непріятеля, который наступаетъ на него, оставя свое сильно укрѣпленное положеніе. Въ одно мгновеніе собираются подчиненные ему начальники отрядовъ. Карманьола въ короткихъ словахъ и съ жаромъ отдаетъ имъ свои приказанія. Всѣ принимаютъ ихъ безспорно, готовясь исполнить ихъ съ радостію и въ полной увѣренности на успѣхъ.

Это явленіе короткое, быстрое и, такъ сказать, преисполненное дѣйствія, удивительно хорошо противопоставлено предшествовавшему, гдѣ все тянется долго, гдѣ все проходило въ спорахъ и несогласіи— и эта часть трагедіи Манцони одна изъ тѣхъ, въ которой является вся высота его какъ поэта.

Дѣйствіе III. *Явленіе 1-е.* Графъ въ своемъ шатрѣ

съ комисаромъ республики, который, поздравляя его съ побѣдою, изъявляетъ ему желаніе видѣть, что она будетъ преслѣдуема съ тѣмъ же жаромъ, и такъ, что можно будетъ собрать плоды ея. Не таково мнѣніе графа; онъ тѣмъ болѣе выказываетъ жесткости и надменности въ своихъ отказахъ, чѣмъ сановникъ, отряженный сенатомъ, менѣе объявляетъ своихъ требованій.

Явленіе 2-е. Споръ между ними начинаетъ доходить до-нѣльзя, какъ вдругъ приходитъ другой комисаръ, и явно жалуется на то, что всѣ *condottieri* даютъ свободу воинамъ, захваченнымъ ими въ плѣнъ. Графъ не только-что одобряетъ этотъ обычай, сдѣлавшійся военнымъ правомъ, но, узнавши, что собственные его плѣнники еще не освобождены, тотчасъ же призываетъ ихъ и, въ присутствіи комисаровъ, даетъ имъ свободу. Такимъ образомъ онъ оскорбляетъ ихъ безъ всякаго къ нимъ снисхожденія. Это еще не все. Въ ту минуту, какъ плѣнники его удаляются, онъ узнаётъ между ними сына Перголы, того престарѣлаго и знаменитаго *condottiero*, который служитъ во враждебномъ войскѣ. Онъ обращается съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ и даетъ ему порученіе передать чувства уваженія и дружбы его отцу. Нужно ли что-нибудь еще, чтобъ возбудить недовольство и подозрѣніе?

Явленіе 3-е. Сенатскіе комисары, оставшись наединѣ, разсуждаютъ и рѣшатъ дѣло. Они соглашаются оба въ одномъ, что лучше всего притвориться, показать, что одобряютъ все, что ни дѣлаетъ

графъ, выказывать передъ нимъ совершенное равнодушіе къ дѣлу—но наблюдать за нимъ и тайно доносить на него.

Дѣйствіе IV. *Явленіе 1-е.* Мѣсто дѣйствія перенесено въ Венецію, въ залъ совѣта десяти. Марко, другъ графа, является тутъ передъ лицемъ Марино, врага Карманьолы. Ему причитаютъ въ преступленіе дружбу къ графу, котораго поведеніе, разобранное самою холодною и самою строгою политикою, представлено преступнымъ, вопреки всему, что можетъ представить въ защиту его самая благородная и самая чистая дружба. Марко принимаетъ назначеніе отправиться тотчасъ же въ Өессалонику, чтобъ дѣйствовать тамъ противу Турокъ, и ему даютъ замѣтить, что онъ долженъ считать за милость такое легкое наказаніе. Онъ тотчасъ же понимаетъ, что погибель графа рѣшена неизбѣжно; чувствуетъ, что никакая хитрость, никакая сила человѣческая не въ состояніи спасти его: малѣйшее слово, самый легкій намекъ, который могъ бы достичь до Карманьолы со стороны Марко, погубилъ бы ихъ обоихъ въ ту же минуту.

Явленіе 2-е. Монологъ Марко въ этомъ затруднительномъ положеніи составляетъ вполнѣ оконченную картину сомнѣній и мученій совѣсти самыхъ чувствительныхъ, самыхъ глубокихъ.

Явленіе 3-е. Графъ, въ своей палаткѣ, разговариваетъ съ Гонзагою о своемъ положеніи. Исполненный довѣрія къ самому себѣ, убѣжденный въ томъ, что онъ необходимъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго

предчувствія того удара, который ему готовится. Онъ опровергаетъ подозрѣнія и безпокойства своего друга и показываетъ готовность принять приглашеніе, присланное ему письменно — пріѣхать въ Венецію.

Дѣйствіе V. *Явленіе 1-е.* Графъ является передъ дожемъ и совѣтомъ десяти. Сначала показываютъ, что совѣщаются съ нимъ объ условіяхъ мира, предлагаемаго герцогомъ Миланскимъ; но скоро обнаруживаются подозрѣніе и немилость сената; личина притворства спадаетъ: графа заключаютъ въ темницу.

Явленіе 2-е. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Карманьолы. Жена и дочь ожидаютъ его. Гонзага приноситъ имъ роковое извѣстіе.

Явленіе 3-е. Графъ является еще однажды: онъ въ тюрьмѣ; тутъ собрались дочь, жена и Гонзага. Послѣ короткаго прощанія, его ведутъ на смерть.

«Мнѣнія о способѣ веденія дѣйствія и распредѣленія явленій въ трагедіи могутъ быть различны. Что касается до насъ, то мы рѣшительно говоримъ, что все это намъ у него очень нравится: первое, въ немъ много характеристическаго и самостоятельнаго; второе, онъ доставляетъ поэту способъ быть въ одно и то же время быстрымъ и полнымъ. И точно, отъ этаго собственно, одно лице поступаетъ на мѣсто другаго, одна картина слѣдуетъ за другою, одно происшествіе замѣняется другимъ безъ всякаго приготовленія и безъ запутанности. Какъ все цѣлое, такъ и всякая отдѣльная часть изъясняется тот-

часъ же сама собою, ясно содѣйствуетъ нераздѣль-ности дѣйствія и общему впечатлѣнію.

Этимъ способомъ поэтъ, нигдѣ не преры-вая и не измѣняя ни своего плана, ни своег развитія, успѣлъ быть краткимъ. Отличительную черту его прекраснаго таланта составляетъ особый взглядъ на міръ нравственный — взглядъ открытый естественный и обширный, которому безъ усилі подчиняются зритель и читатель. Точно таковъ ж и языкъ его: простъ, благороденъ и полонъ; избав ленный отъ разсужденій, онъ возвышаетъ и плѣ няетъ воображеніе живыми и сильными мыслями вытекающими прямо изъ положенія лицъ. Все впе-чатлѣніе сочиненія не мгновенно, не мимолетно и что всего главнѣе, истинно, подобно тѣмъ впечатлѣ ніямъ, какія всегда оставляютъ по себѣ высокі изображенія человѣческой природы.

«Послѣ того, какъ мы такъ охотно познакомил нашихъ читателей съ ходомъ и дѣйствіемъ сочине нія Манцони, безъ сомнѣнія они ждутъ, что мы съ тѣмъ же участіемъ разберемъ и самые характе ры. Стòитъ только бросить взглядъ на списокъ лиц и тотчасъ догадаешься, что авторъ имѣлъ дѣло с придирчивою публикою, которую ему надобно был преклонить на свою сторону мало-по-малу. Вѣроят но по этому только онъ и раздѣлилъ дѣйствующі лица на два разряда: на историческія и вымыш ленныя, а никакъ не по своему убѣжденію, ни п собственному своему желанію.

«Послѣ того, какъ мы совершенно искренно сказа

ли, что мы вполнѣ удовлетворены его сочиненіемъ, мы просили позволенія посовѣтовать ему—впередъ не прибѣгать къ подобному раздѣленію. Собственно говоря, въ поэзіи нѣтъ лицъ историческихъ. Только развѣ, когда поэтъ хочетъ изобразить нравственный міръ, имъ себѣ представленный, тогда онъ дѣлаетъ нѣкоторымъ лицамъ, встрѣченнымъ имъ въ исторіи, ту честь, что онъ заимствуетъ ихъ имена для того, чтобъ потомъ придать ихъ существамъ собственнаго творенія. Трагическіе дѣятели Манцони, мы говоримъ это̀ въ его похвалу, суть произведенія его творчества; всѣ они равно идеальны. Родъ ихъ принадлежитъ извѣстной мѣстности, извѣстной эпохѣ нравственнаго и политическаго міра, но ни одинъ не взялъ изъ дѣйствительности ни одной черты личности. Впрочемъ (чѣмъ мы тоже должны восхищаться у нашего поэта), не смотря на то, что каждое изъ его лицъ есть выраженіе опредѣленной идеи, оно при этомъ одарено жизнію, столь полною и столько именно ему принадлежащею, столько отличною отъ всякой другой, что, если бы нашлись актёры съ внѣшностію, голосомъ и чувствомъ, необходимыми для того, чтобъ въ совершенствѣ изобразить эти поэтическія существа, тогда невозможно было бы не принять ихъ за дѣйствительныя лица, составляющія трагедію.

«Войдемъ теперь въ нѣкоторыя частности. Намъ немного остается сказать о графѣ Корманьола; наши читатели знаютъ его уже довольно, и безъ сомнѣнія они найдутъ, что онъ совершенно удовлетво-

ряетъ условію, требуемому древними теоріями отъ трагическихъ героевъ, именно—не быть неукоризненнымъ и совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Рожденный пастухомъ, сильный волею, и рѣзкій, какъ твореніе природы, содѣлавшееся великимъ собственными своими усиліями, Карманьола не знаетъ иныхъ правилъ, инаго закона, кромѣ своей необузданной воли.

«Въ немъ нельзя открыть никакаго слѣда нравственной обработки, даже той, которая необходима человѣку для его личной пользы. Если онъ искусенъ и хитръ, то это только на войнѣ, потому-что, имѣя какую-то политическую цѣль, которой впрочемъ нельзя хорошенько распознать, онъ вовсе не умѣетъ приняться такъ, чтобъ ее достигнуть, и здѣсь мы еще разъ должны замѣтить глубину поэтическаго творчества, которое изображаетъ намъ человѣка, несравнимаго ни съ кѣмъ, въ качествѣ воина и вмѣстѣ падающаго самымъ жалкимъ образомъ на мѣстѣ политика. Мы видимъ въ немъ дерзкаго мореплавателя, который, пренебрегая компасъ и лотъ, и настаивая на то, чтобъ итти на всѣхъ парусахъ даже въ самую сильную бурю, при всемъ этомъ не можетъ избѣжать кораблекрушенія.

«Человѣку такаго характера поэтъ не долженъ былъ и не могъ придать, для содѣйствія, никого, кромѣ его преданныхъ приверженцевъ, крѣпко соединенныхъ между собою и столпившихся кругомъ однаго его. Самый приверженный изъ всѣхъ, тотъ, который постоянно сражается съ нимъ ря-

домъ — Гонзага, человѣкъ характера спокойнаго, прямаго, благороднаго и открытаго. Занятый сохраненіемъ своего друга, онъ предвидитъ угрожающія ему опасности, и напередъ ихъ предсказываетъ. Превосходная сцена въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ Карманьола, считая себя болѣе проницательнымъ и мудрымъ, нежели каковъ его товарищъ, хочетъ разувѣрить его, какъ человѣкъ, который не можетъ не находить себя сильнымъ, потому-что онъ ничего не боится. Гонзага, не могши прояснить понятій героя, сопровождаетъ его сначала въ опасности, потомъ на смерть, и послѣ принимаетъ на себя попеченіе о вдовѣ его и дочери. Орсини и Толентино, два другіе *condottieri* Корманьоліева отряда, точно также совершенно ему преданные, произносятъ весьма мало словъ, и не имѣютъ надобности говорить болѣе для того, чтобъ обрисовать себя людьми съ характеромъ и волею.

«Переходя въ лагерь герцога, мы находимъ все совершенно иначе, нежели какъ мы видѣли въ лагерѣ Карманьола. Главный военачальникъ Малатести, человѣкъ безъ способностей, въ началѣ дѣла нерѣшительный, но который потомъ, будучи принужденъ избрать что-нибудь одно, рѣшится на самое отчаянное дѣло, увлеченный Сфорцою и Фортебраччіо. Чтобъ уговорить его, эти послѣдніе представляютъ нетерпѣніе воиновъ, какъ неоспоримое доказательство въ пользу ихъ предначертанія — дать полное сраженіе. Пергола, состарѣвшійся въ битвахъ, полный опытности, и Торелло, хотя и не

старый годами, но который ясно видитъ положеніе дѣла, оба они принуждены молчатъ и повиноваться. Однажды принято рѣшеніе драться. Тотчасъ же героическое и открытое примиреніе полагаетъ конецъ сильному спору, начавшемуся между различными военачальниками. Ни однаго изъ нихъ, послѣ пораженія, нѣтъ между плѣнными. Тутъ находятъ только сына Пергала, который доставляетъ Карманьолѣ случай высказать со всѣмъ великодушнымъ чистосердечіемъ высокое уваженіе, питаемое имъ къ старому воину.

«Войдемъ на минуту въ Венеціанскій сенатъ. Въ немъ предсѣдательствуетъ дожъ, изображающій собою высокій умъ государства, во всей чистотѣ его. Онъ тутъ точно тоже, что иголка, или стрѣлка въ вѣсахъ, наблюдающая сверху за равновѣсіемъ двухъ концевъ коромысла. Это родъ полубога, предвидящаго безъ недовѣрія, разсуждающаго беззаботно, по этому ясно, и наклоняющаго на сторону предохранительную всякій разъ, какъ только является надобность держаться какой-либо стороны. Марино представляетъ начало эгоистическое, исключительное и строго наблюдающее личныя, или мѣстныя выгоды, начало, безъ котораго ничто въ мірѣ не двигается впередъ, и которое впрочемъ здѣсь не имѣетъ ничего презрительнаго, потому-что онъ не стремится къ выгодамъ собственнымъ, но къ выгодамъ общимъ своей страны и нѣкоторымъ образомъ къ выгодамъ неопредѣленнымъ. Это человѣкъ бдительный, всегда на сторожѣ противу насилія и смотря-

щій на существующее и установленное, какъ на самое лучшее и самое возвышенное. Въ глазахъ такаго человѣка Карманьола не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ для пользы республики, орудіемъ, которое должно бросить, едва только оно начинаетъ быть ненужнымъ, и изломать, едва только оно дѣлается опаснымъ.

«Благородная сторона человѣчества олицетворена въ Марко. Это существо высшей природы, которое распознаетъ, чувствуетъ и даже предчувствуетъ все нравственно прекрасное, которое, чтя вездѣ, гдѣ только можетъ встрѣтить, достоинство, величіе и силу, оплакиваетъ ошибки, могущія къ нимъ примѣшаться и запятнать ихъ, но которое впрочемъ вѣритъ улучшенію людей, и въ немъ не отчаявается. Глубоко привязанный къ единственному прекрасному существу, какое когда-либо знавалъ, онъ этимъ именно, самъ того не замѣчая, становится во враждѣ съ обязанностями своего положенія.

«Два комисара отъ сената, лица высокаго званія, изображены превосходно, совершенно сообразно ихъ назначенію; они вполнѣ убѣждены въ собственномъ своемъ достоинствѣ, превосходно понимаютъ, что̀ имъ нужно дѣлать, и какое могущество избрало ихъ своими исполнителями; но поведеніе Корманьола скоро даетъ имъ чувствовать ихъ минутное безсиліе. Два характера оцѣнены очень вѣрно. Первый, болѣе пылкій, весьма бы охотно прибѣгнулъ къ явному сопротивленію; столько же негодующій на поведеніе графа, какъ и удивлен-

ный имъ, онъ съ трудомъ можетъ удержать себя въ предѣлахъ благоразумія. Едва только онъ остается наединѣ съ своимъ товарищемъ, тотчасъ дѣлается ясно, что зло никакъ не укрылось отъ проницательности сего послѣдняго. Болѣе тихій и искусный, этотъ старый комисаръ, ясно раскрываетъ, что невозможно дѣйствовать противъ графа открытою силою и лишить его начальства, или даже остановить; поэтому необходимо нужно выиграть время и притвориться — и вотъ на что̀ соглашаются они оба, но не безъ неохоты со стороны перваго.

«Этаго, кажется, довольно о дѣйствующихъ лицахъ Манцоніевой трагедіи для сохраненія равновѣсія съ тѣмъ, что мы сказали сначала о ходѣ дѣйствія и послѣдовательности явленій. Теперь намъ остается только поговорить о хорѣ.

«Хоръ не составленъ изъ лицъ, принимающихъ участіе въ дѣйствіи, но изъ другихъ, совершенно отдѣльныхъ, соединеніемъ своимъ какъ бы представляющихъ публику и служащихъ ея выраженіемъ. По-этому, при представленіи, имъ надобно назначать особенное мѣсто, гдѣ бы они были почти тоже, что музыканты, которые идутъ всегда рука объ руку съ тѣмъ, что̀ происходитъ на сценѣ, даже, въ балетѣ и оперѣ, составляютъ нераздѣльную часть представленія, однако жъ нисколько не соединяются съ лицами дѣйствующими, говорящими, или поющими.

«Послѣ всего, что̀ мы сказали объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, послѣ всего, что̀ мы хва-

лили въ немъ, намъ осталось бы еще многое для указанія и развитія; но, думая, что всякое истинно художественное произведеніе должно объявлять о себѣ, изъяснять себя и говорить о себѣ само собою, что никакой разборъ никогда не можетъ быть его толкователемъ, мы считаемъ долгомъ поздравить Манцони съ тѣмъ, что онъ такъ удачно освободился отъ старыхъ правилъ, и что онъ пошелъ по новой дорогѣ шагомъ, до такой степени вѣрнымъ, что, по одному его примѣру, можно было бы составить новыя правила. Мы должны прибавить, что онъ постоянно изященъ, правиленъ и благороденъ въ подробностяхъ, и что послѣ самаго отчетливаго и самаго строгаго разбора, какаго только можно ожидать отъ иностранца, мы не нашли въ его произведеніи ни однаго мѣста, гдѣ можно было бы желать прибавить, или убавить хоть одно слово. Простота, сила и ясность слиты въ его языкѣ въ одно нераздѣльное, и въ этомъ отношеніи мы не усомнимся назвать его сочиненіе классическимъ. Пусть же продолжаетъ онъ говорить и заставлять говорить другихъ языкомъ столь обработаннымъ и столь сладкозвучнымъ, какъ обработанъ и сладкозвученъ языкъ Итальянскій, и къ-тому же предъ судомъ народа столь талантливаго, какъ народъ Итальянскій. Пусть продолжаетъ онъ пренебрегать слабыми и ничтожными сторонами человѣческой природы и заниматься предметами, способными возбудить въ насъ движенія сильныя и глубокія.

«Манцони употребилъ въ своей трагедіи стихъ

ямбическій, пятистопный, съ различными дѣленіями (цезурами), при помощи которыхъ онъ такъ подражаетъ свободному речитативу, что если бы его читать съ умѣньемъ и чувствомъ, тогда можно было бы вторить ему музыкою.»

Чтобъ полнѣе представить нашимъ читателямъ понятіе Гёте не только о трагедіи *Графъ Карманьола*, но и о самомъ Манцони, я приведу здѣсь еще отрывокъ изъ записокъ Виктора Кузена о посѣщеніи, сдѣланномъ имъ великому Германскому поэту въ Веймарѣ, 28 Апрѣля 1825 года.

Оставляя все постороннее, я выпишу здѣсь только то изъ ихъ разговора, что относится къ Александру Манцони.

Во время этаго посѣщенія Кузенъ болѣе всего говорилъ съ нимъ о Франціи, но вотъ собственныя слова ученаго Французскаго мыслителя.

«Видя, что я ничего не могу услышать отъ него о Франціи, я перемѣнилъ предметъ разговора. По крайней мѣрѣ, говорю я, счастливъ я тѣмъ, что между предметами, васъ занимающими, вы помѣстили новѣйшую Итальянскую литературу и моего друга Манцони.

«А, Манцони,» отвѣчалъ Гёте, поднявъ глаза и заговоривши голосомъ человѣка размышляющаго. «Это молодой человѣкъ очень замѣчательный. Онъ началъ удаляться отъ принятыхъ правилъ и особенно отъ единства мѣста. Но старовѣры (anciennistes), сказалъ онъ улыбнувшись самъ при этомъ словѣ, не хотятъ этаго. Да, на него за это серди-

лись, и однако жъ онъ удалился отъ правилъ съ умѣренностію — это мнѣ нравится. Прекрасно начато. Впрочемъ этѣ распри останутся навсегда, и въ этомъ нѣтъ ничего худаго; надобно, чтобъ каждый дѣлалъ по своему убѣжденію. Да, я получилъ Адельги. Я уже сдѣлалъ изъ нея извлеченіе, которое, можетъ быть, напечатаю, если мнѣ представится случай. Я хорошо изучилъ ее. Есть превосходныя мѣста. Я не люблю останавливаться на частностяхъ; надобно всегда смотрѣть на цѣлое. Постойте-ка, помните вы того Лонгобардскаго солдата, у котораго собираются заговорщики, который только и думаетъ о собственномъ возвышеніи?»

«Здѣсь Гёте, утомившись и постоянно кашляя, какъ, казалось, ни занятъ былъ разговоромъ, однако жъ не кончилъ и къ немногимъ словамъ, которыя могъ произнести, присоединилъ движенія и взгляды, какъ бы желая заставить меня понять то, чего онъ не могъ выразить.

«Какъ онъ употребляетъ намѣренія всѣхъ къ своей цѣли (продолжалъ Гёте)! И потомъ, при дворѣ Карла какъ онъ кажется покровителемъ тѣхъ, которымъ измѣнилъ! Да, да, Манцони держится исторіи и дѣйствительныхъ лицъ, ею доставляемыхъ; но,» продолжалъ онъ, слегка улыбнувшись, «онъ возвышаетъ ихъ до насъ характерами имъ приписанными; онъ придаетъ имъ наши человѣколюбивыя чувства, даже вольнодумство—и онъ правъ. Мы можемъ принимать участіе только въ томъ, что, хотя немного,

похоже на насъ, а не въ Ломбардáхъ, или въ Лонгобардахъ, и не во дворѣ Карла Великаго, который былъ бы немного грубоватъ. Возьмите напримѣръ Адельги: это характеръ Манцоніева изобрѣтенія.»

«На это я отвѣчалъ ему съ нѣкоторымъ движеніемъ души: чувства умирающей Адельги суть чувства самаго Манцони. Всегда оставаясь лирическимъ поэтомъ, Манцони изобразилъ самаго себя въ Адельги.

«Да, это такъ. Я давно уже познакомился съ его душею и чувствами въ его *Inni sacri* (священные гимны). Это католикъ чистосердечный и добродѣтельный.»

«Какъ другъ Манцони, я выразилъ ему свою благодарность за то, что онъ былъ такъ добръ, что, вовсе не будучи съ нимъ знакомъ, защитилъ его противъ критики Quaterly Review. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это съ чувствомъ истиннымъ и глубокимъ.

«Я на это смотрю очень, очень серьёзно. Предметъ *Адельги* общирнѣе; но въ *графѣ Карманьола* больше глубины. А лирическая часть трагедіи до того прекрасна, что самъ этотъ злой Англійскій критикъ похвалилъ ее и даже перевелъ.»

«Я ему сказалъ, что теперь Манцони пишетъ романъ, въ которомъ онъ вѣрнѣе исторіи, нежели Вальтеръ Скоттъ, и что тутъ онъ во всей строгости сдѣлаетъ приложеніе своей исторической системы.

«А какой предметъ романа?»

«Шестнадцатый вѣкъ въ Миланѣ.

«Шестнадцатый вѣкъ въ Миланѣ? Манцони самъ Миланецъ. Онъ вѣрно хорошо изучилъ этотъ вѣкъ.... Если вы увидите Манцони, скажите ему, что я очень уважаю его и люблю.»

Ѳ. Чижовъ.

Ѳ. И. МИДДЕНДОРФЪ.

Ѳедоръ Ивановичь *Миддендорфъ* родился 1776 г. 28 апрѣля въ Эстляндіи. Отецъ его былъ пасторъ, въ должности совѣтника Евангелической консисторіи. Получивъ домашнее воспитаніе, сынъ, на 17-мъ году отъ роду (1793 г.), поступилъ въ Домское училище въ Ревелѣ при директорѣ Тидебёлѣ, гдѣ учился два года; а потомъ поѣхалъ за границу и окончилъ свое образованіе въ Іенскомъ университетѣ 1795—1798 г. Тамъ онъ слушалъ курсы: богословія у профессоровъ Гризбаха и Паулюса, имѣвшихъ на предметъ не одинакіе взгляды, философіи у Фихте, литературы у Шютца и исторіи у знаменитаго поэта Шиллера. Возвратившись на родину со степенью доктора философіи, онъ былъ домашнимъ учителемъ у ландрата фонъ Клюгена съ 1798 по 1803-й годъ.

Въ 1804 г., когда министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Завадовскій, а попечителемъ Санктпетербургскаго учебнаго округа Новосильцовъ, Миддендорфъ поступилъ въ казенную службу, опредѣлившись учителемъ Нѣмецкаго языка въ Санктпетербургскую губернскую (нынѣ вторую) гимназію, находившуюся тогда подъ дирекціею Дольста. Съ 1811 года Ѳ. И. Миддендорфъ началъ пользоваться благоволеніемъ и довѣренностію тогдашняго попечителя Санктпетербургскаго округа С. С. Уварова, ко-

торый въ этомъ году опредѣлилъ его инспекторомъ упомянутой гимназіи при директорѣ И. О. Тимковскомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ кругъ дѣйствій Ѳ. И. Миддендорфа расширился. Подъ покровительствомъ просвѣщеннаго попечителя онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ образованіи и управленіи втораго разряда педагогическаго института, учрежденнаго въ 1818 г, для приготовленія бо̀льшаго числа учителей, въ которыхъ въ то время былъ ощутительный недостатокъ. Своею добросовѣстною дѣятельностію онъ доставилъ полное довѣріе гимназическому образованію и тѣмъ привлекъ въ гимназію столько учениковъ, что для желающихъ поступить туда недоставало мѣста. Въ 1823-мъ году С. С. Уваровъ возложилъ на Ѳ. И. Миддендорфа трудъ образованія нынѣшней 3-й гимназіи. При ея открытіи туда переведены воспитанники существовавшаго дотолѣ втораго разряда педагогическаго института. Въ числѣ тогдашнихъ учениковъ находились извѣстныя нынѣ лица: Куторга, Колмыковъ, Лапшинъ, Клеймеповъ и проч., а г. Миддендорфъ сдѣланъ ближайшимъ начальникомъ этой гимназіи въ званіи инспектора (директора не было) и состоялъ въ сей должности по 1827 г. Хотя онъ, по обстоятельствамъ, на нѣкоторое время и вышелъ въ отставку; но вскорѣ въ 1829 году вызванъ для образованія учрежденнаго въ предшествовавшемъ году главнаго педагогическаго института въ должности директора, въ чинѣ статскаго совѣтника.

Съ 30 августа 1829 — времени открытія глав-

наго педагогическаго института — по 1-е ноября 1846 г., въ теченіе болѣе 17 лѣтъ, съ 53-го до 71-го года своей жизни, г. Миддендорфъ былъ директоромъ главнаго педагогическаго института и изумлялъ всѣхъ знавшихъ его своею неусыпностію, проницательностію, обходительностію и твердостію характера. Необыкновенная дѣятельность изнурила почтеннаго старца — и если бы не строгій его образъ жизни, то институтъ, можетъ быть, давно лишился бы сего незабвеннаго начальника. Еще вскорѣ по вступленіи въ должность директора онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; потомъ получилъ ордена: св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени и многія другія награды.

Уже нѣсколько разъ по разстроенному здоровью Ѳ. И. Миддендорфъ намѣревался вытти въ отставку: но любовь къ службѣ и заведенію, имъ устроенному и доведенному до цвѣтущаго состоянія, и милостивое вниманіе къ нему высшаго начальства, равно любовь и уваженіе сослуживцевъ и воспитанниковъ, удерживали его на поприщѣ педагогики. Нынѣ домашнія обстоятельства, усилившіеся болѣзненные припадки и несчастное паденіе съ лошади на прогулкѣ во время пребыванія его въ его помѣстьѣ Пёраферъ (Лифлянд. губ.) въ лѣтніе каникулы, при чемъ онъ потерпѣлъ сильное поврежденіе въ ногѣ, вынудили его настоятельно просить увольненія отъ службы. Государь Императоръ, снисходя на прошеніе его, представленное г. министромъ народнаго

просвѣщенія, въ 23 день октября 1846 г. соизволилъ на увольненіе его вовсе отъ службы — и «въ «ознаменованіе особаго Своего благоволенія къ нему «за отличныя заслуги, оказанныя въ продолженіе «долговременной службы,» Всемилостивѣйше пожаловалъ въ тайные совѣтники.

Увѣдомляя г. Миддендорфа о таковой Монаршей милости, его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Сергій Семеновичь Уваровъ, въ предложеніи своемъ отъ 1-го ноября, между прочимъ сказалъ: «Оканчивая нынѣ мои 35-лѣтнія «служебныя отношенія къ вашему превосходитель- «ству, считаю долгомъ изъявить вамъ мою полную «признательность за благородное ваше непрерывное «усердіе къ пользѣ общей, коего плоды ощутитель- «ны по всему пространству Высочайше ввѣреннаго «мнѣ министерства, и за постоянное содѣйствіе и «личную преданность, которыя я находилъ всегда «въ вашемъ превосходительствѣ, и кои немало слу- «жили къ успѣху предпринятыхъ министерствомъ «мѣръ.»

Такъ кончилъ слишкомъ сороколѣтнюю службу свою неутомимый педагогъ.

3-го ноября 1846 г., въ воскресенье, происходило прощаніе Ѳ. И. Миддендорфа съ его питомцами. Студенты и воспитанники главнаго педагогическаго института, со слезами на глазахъ, лишаясь какъ бы отца въ особѣ своего воспитателя, собрались послѣ обѣдни еще разъ въ церковь — въ домъ Отца Небеснаго, и за молебномъ, въ присутствіи

виновника собранія, выразили свои чувства благодарности Богу за прошедшее и упованіе на Промыслъ въ будущемъ. Неописанная тоска оковала уста всѣхъ — и никто не былъ въ состояніи сказать болѣе одного слова: прощай!

4-го ноября 1846 года г. Миддендорфъ утромъ оставилъ главный педагогическій институтъ, будучи напутствуемъ искренними благословеніями своихъ ближнихъ—и отправился въ свое помѣстье Пёраферъ.

А. Смирновъ.

5-го Ноября, 1846 года.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

50. *Явтухъ Горемыка, или Наслѣдство и проклятіе.* Малороссійская опера въ четырехъ отдѣлахъ. *Н. Д.* Въ 8; 128 стр. Таганрогъ.

Несообразность нѣкоторыхъ обстоятельствъ повѣсти обнаруживаетъ въ авторѣ оперы писателя еще неопытнаго; но драматическое движеніе всей пьесы, яркость красокъ и мѣстами вѣрно выраженный голосъ сердца ясно говорятъ въ пользу несомнѣннаго его таланта. Видно, что авторъ внимательно изучалъ простонародный Малороссійскій бытъ. Всѣ сцены, основанныя въ этой сферѣ, исполнены у него истины и прелести. Но тамъ, гдѣ онъ удаляется отъ роднаго элемента, онъ впадаетъ въ несообразности и въ подражаніе Гоголю. Впрочемъ, судя по драматической живописи нѣкоторыхъ мѣстъ его пьесы, можно смѣло надѣяться, что онъ и въ явленіяхъ не-Малороссійской жизни съумѣетъ со-временемъ отыскать характеристическія черты и облечетъ свои представленія въ поэтическую одежду. Въ разсматриваемой нами оперѣ передъ глаза читателя выступаютъ два быта, почти исключительно господствующіе въ Малороссіи. Одинъ — бытъ простолюдиновъ, развившійся естественнымъ образомъ изъ элементовъ страны. Другой — бытъ очиновлен-

ныхъ панковъ, образовавшійся подъ инымъ вліяніемъ и отрозненный отъ перваго. Въ первомъ вы видите полноту нравовъ, чувствъ, обычаевъ, находите мѣстную пѣсенность и собственный, цѣльный языкъ. Во второмъ, вмѣсто характеристическихъ нравовъ, вы находите безхарактерность, вмѣсто обилія семейныхъ и общественныхъ чувствъ — сухой и мелочной эгоизмъ, вмѣсто обычаевъ страны — правила, какъ угождать высшимъ и прижимать низшихъ, вмѣсто мѣстной пѣсенности — безвкусный наборъ театральныхъ куплетовъ и романсовъ, вмѣсто языка — странную смѣсь Русскихъ и Малороссійскихъ словъ. Что̀ изсушило такъ эту вѣтвь Украинскаго народонаселенія? это вопросъ историческій. Авторъ *Явтуха Горемыки* представилъ предметы такъ, какъ они есть — и пьеса его пробуждаетъ въ душѣ самое горестное чувство.

51. *Практическое руководство къ употребленію всѣхъ донынѣ извѣстныхъ землеудобрительныхъ веществъ, или туковъ*, съ критическимъ разсмотрѣніемъ обыкновенныхъ способовъ ихъ приготовленія и употребленія. Сочиненіе *Якова Іонсона*, доктора философіи, магистра агрономіи, технологіи и лѣсоводства; члена Императорскаго вольнаго экономическаго и состоящаго при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ ученаго общества. Съ двумя литографированными таблицами. Въ 8; 102 стр. Спб.

Сочинитель, въ теченіе двадцати лѣтъ, внимательно наблюдалъ успѣхи отечественнаго и иностраннаго сельскаго хозяйства, а пятнадцать лѣтъ

посвятилъ исключительно практическимъ занятіямъ надъ дѣйствіями землеудобрительныхъ средствъ. Теперь онъ предлагаетъ публикѣ плоды своихъ знаній. Такъ-какъ сельское хозяйство состоитъ въ тѣсной связи съ науками естественными, то онъ, прежде изложенія предмета своего, помѣстилъ въ сочиненіи главнѣйшія основанія, необходимыя для объясненія законовъ питанія растеній. Кромѣ введенія, книга содержитъ семь отдѣленій: 1. о животныхъ тукахъ; 2. о животно-минеральныхъ тукахъ; 3. о животно-растительныхъ тукахъ; 4. о растительныхъ тукахъ; 5. о неорганическихъ средствахъ удобренія почвъ; 6. о смѣшанныхъ тукахъ, и 7. о вліяніи атмосферы, воды и электричества на плодородіе почвы и на развитіе растеній. Каждое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ нѣсколько главъ по различію предметовъ. Словомъ: это полная, замѣчательнѣйшая книга по своей части. Сельскіе хозяева могутъ ею воспользоваться для улучшенія пахатныхъ земель своихъ.

52. *Военное обозрѣніе похода Россійскихъ войскъ въ Европейской Турціи, въ 1829 году.* Соч. полковника Генеральнаго Штаба *А. Веригина.* Въ 8; 80 стр. съ картою. Спб.

Мы постоянно держались въ своемъ журналѣ того мнѣнія, что совершенствованіе отечественной исторіи должно начаться спеціальною разработкою событій. Теперь наступила эпоха, въ которую эта истина принята большинствомъ Русскихъ писателей, Каждый годъ выходитъ въ свѣтъ нѣсколько книгъ,

посвященныхъ изложенію отдѣльныхъ происшествій Русской исторіи. И другое наше мнѣніе видимо осуществляется: исторіею военныхъ дѣйствій должны первоначально заниматься люди, на практикѣ изучившіе войну в всѣ ея принадлежности. Писатель, кабинетнымъ образомъ знакомящійся съ ея движеніями, не въ силахъ сообщить сочиненію своему всей яркости красокъ и точности описаній. Книга г. Веригина, въ томъ и другомъ отношеніи, обращаетъ на себя особенное вниманіе. И то уже важно, что она первое полное сочиненіе о войнѣ Русскихъ съ Турками въ 1828 и 1829 г. Книга г. Лукьяновича, о которой въ свое время говорено въ изданіи нашемъ, остановилась на первой половинѣ событій. Правда, что г. Веригинъ не вошелъ въ подробное изложеніе кампаніи, но онъ достаточно указалъ на порядокъ главнѣйшихъ случаевъ. Для обработки этаго происшествія въ прагматической исторіи онъ свелъ въ одно цѣлое необходимые матерьялы. Отчетливость и ясность его расказовъ заключаютъ въ себѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что онъ призванный судія въ дѣлѣ.

53. *Керченскія древности.* О Пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками. Въ-листъ: 42 и III стран. съ 12 рисунками. Одесса.

Древности какой-нибудь страны составляютъ важное дополненіе и объясненіе ея исторіи. Ихъ изслѣдованіе требуетъ предварительныхъ знаній. Въ Россіи Крымъ особенно богатъ древностями, какъ страна, въ которой съ незапамятныхъ временъ по-

очередно обитали народы, занимавшіеся торговлею, искуствами и науками. Замѣчательнѣйшіе тамъ памятники принадлежатъ періоду владычества Грековъ. Нынѣшняя Керчь (древняя Пантикапея) особенно богата историческими памятниками, что и подало поводъ учредить тамъ музеумъ. Директоръ его, г. Ашикъ, ревностно занимается изысканіями. Еще въ 1834 году, раскапывая курганы, онъ замѣтилъ, что у ихъ подошвы попадается впадина, замѣтная по влажной землѣ и зелени, болѣе яркой, нежели въ прочихъ мѣстахъ. Это заставило его раскапывать замѣченныя впадины, что и довело до открытія древнихъ катакомбъ. Продолжая свои разысканія, онъ въ 1841 году нашелъ катакомбу, которой стѣны покрыты были живописью. Стиль ея и содержаніе показываютъ, что все это уцѣлѣло отъ временъ владычества здѣсь Грековъ. Г. Ашикъ составилъ обстоятельное описаніе своихъ открытій, приложивъ къ нему рисунки найденныхъ имъ изображеній. Такимъ образомъ теперь не одна Италія своими древностями можетъ привлекать ученыхъ и художниковъ. Наше отечество можетъ равно доставить пищу ихъ любознательности.

54. *Благоговѣйное приношеніе вѣрноподданной*, въ незабвенный день бракосочетанія Е. И. В. Государыни Великой Княжны Ольги Николаевны съ Е. К. В. Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ 1-го іюля 1846 года. Сочиненіе *Варвары Зубовой*. (Съ портретомъ Ихъ Высочествъ). Въ 4; 26 стран. Спб.

Сочинительница своею книжкою удовлетворила

не только чувствованіямъ вѣрноподданической любви, передавъ памяти для всѣхъ насъ умилительное событіе, но и чувствованіямъ души благотворительной, потому-что опредѣлила всю сумму отъ продажи изданія въ пользу двухъ малолѣтныхъ дѣвицъ, по стеченію обстоятельствъ впавшихъ въ крайнее положеніе.

55. *Слово о полку Игоря.* Перевелъ *Д. Минаевъ.* Въ 8; 88 стран. Спб.

Послѣ переводовъ Слова о полку Игоря прозою и стихами, послѣ объясненій, написанныхъ на него въ такомъ количествѣ, одно могло бы привлечь читателей къ новому труду, посвященному опять этому же Слову: новый взглядъ на него со стороны филологической и исторической. Достигнуть этаго можно совершеннымъ отчужденіемъ отъ себя всѣхъ мнѣній предшественниковъ, которыя обыкновенно вводятъ насъ въ старыя ошибки, и дѣйствительнымъ, яснымъ уразумѣніемъ какъ законовъ южныхъ нарѣчій Славянскаго языка, такъ и частностей жизни народовъ, сходившихся между собою на югѣ нынѣшней Россіи. Новый переводчикъ Слова о полку Игоря пошелъ дорогою давно избитою. Онъ даже не подорожилъ и тою степенью въ вѣрности переложенія, какой достигли его предшественники. Ему только захотѣлось представить намъ нѣсколько собственныхъ стиховъ, посреди которыхъ мелькали бы выраженія и обороты древняго пѣвца. Правда, что въ этомъ собраніи встрѣчаются мѣстами стихи звучные и счастливые; не тутъ не отыщешь и тѣни Слова о пол-

ку Игоря. Намъ кажется, г. Минаевъ лучше бы поступилъ, если бы онъ, проникнувшись духомъ древнихъ пѣснопѣній Русскихъ, написалъ книжку собственныхъ стихотвореній, ограничивъ себя заимствованіемъ предметовъ и красокъ и не называя подобнаго труда переводомъ Слова о полку Игоря, или чего-нибудь другаго.

56. *Картина, или похожденія двухъ человѣчковъ.* Шутка. Соч. *В. П. Алферьева.* Часть первая и вторая. Въ 16; 215 стран. Спб.

Авторъ вздумалъ пошутить, вообразивъ, что это легче всего. Книжка его доказала противное. Въ его шуткѣ нѣтъ ничего забавнаго, а скучнаго такъ много, какъ въ самомъ серьёзномъ произведеніи безталантливаго автора.

57. *Талисманъ.* Хитрая сказка про мудреное дѣло. Въ 8; 80 стран. Спб.

Еще шутка, да и въ стихахъ. Результатъ чтенія выходитъ тотъ же, какъ и выше — безпредѣльное сожалѣніе о напрасной тратѣ времени.

58. *Стихотворенія Александры Бѣдаревой.* Въ 12; 37 стран. Кіевъ.

Здѣсь собраны, какъ можно догадаться по содержанію пьесъ и ихъ отдѣлкѣ, первоначальные опыты. Грѣшно было бы судить ихъ строго. Лучше подождать, пойдетъ ли со временемъ сочинительница далѣе въ своихъ опытахъ. Мы ей совѣтуемъ читать побольше, да обдумывать прочитываемое.

59. *Правосудіе и взятка.* Сказка въ двухъ главахъ. Въ 8; 35 стран. Спб.

Стихотворецъ взялся за сатиру и облекъ ее въ аллегорію. Тутъ есть и вымыселъ и краски. Недостаетъ самобытной поэзіи. Лучшія мѣста составляютъ намеки на стихотворческія картины другихъ поэтовъ. По крайней мѣрѣ стремленіе автора заслуживаетъ похвалу. Утвердившись на избранномъ поприщѣ, онъ можетъ достигнуть и независимости въ изложеніи.

60. *Стихотворенія Владиміра Иванова.* Въ 8: 72 стран. Спб.

Смѣшеніе простонародной поэзіи съ искуственною странное производитъ впечатлѣніе на читателя. Въ стихотвореніяхъ г-на Иванова встрѣчаются удачныя выраженія въ томъ и другомъ родѣ; но нѣтъ единства ни въ направленіи, ни въ колоритѣ. Это и становится причиною, что читатель не принимаетъ ни въ чемъ участія. Для старины надобно больше простоты и вѣрности, а для новаго искуства необходимо собственное убѣжденіе въ тѣхъ истинахъ, или картинахъ, которыя передаешь сердцу другихъ.

61. *Владиміръ Заревскій.* Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Въ 8; 63 стран. Спб.

Въ драмѣ, называемой Владиміръ Заревскій, вся задача сочинителя по-видимому состояла въ томъ, какъ женить не-князя Заревскаго на дочери однофамильца его, но князя. Преградою къ союзу была жена перваго. Къ счастію, она скончалась во-время — и авторъ свободенъ. Вы ищете драматической жизни; ея движеній, власти надъ зрителемъ: этѣ

принадлежности не входили въ соображеніе сочинителя.

62. *Комнатка съ хозяйскими дровами.* Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Татаринова.* Въ 16; 48 стран. Спб.

Намъ всего болѣе нравится утвердившееся у современныхъ писателей обыкновеніе предупреждать читателя или зрителя характеристическимъ наименованіемъ выдаваемой пьесы. Если ужъ самъ авторъ назвалъ ее *шуткою* — вы обязаны заранѣе улыбаться. За тѣмъ, что бы ни послѣдовало — все равно: вамъ весело было минуту—и цѣль достигнута. Другихъ впечатлѣній напрасно и ожидать отъ этихъ эфемерныхъ плодовъ пера, которому незнакомы ни острота, ни истинная веселость, ни нравы общества.

63. *Дѣдушка Назаръ Андреевичь.* Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Скриба.* Передѣланный съ Французскаго *П. С. Ѳедоровымъ.* Въ 8; 28 стр. Спб.

Лучше всего производится у насъ передѣлка театральныхъ пьесъ съ иностраннаго на Русской языкъ. Если бы добросовѣстность не принуждала передѣлывателей объявлять объ ихъ заимствованіи, никто не вздумалъ бы и подозрѣвать ихъ въ этомъ. Въ подлинникѣ, какъ на прим. у Скриба, пьеса дѣйствуетъ на читателя или зрителя очень пріятно, забавляетъ его игривостію ума и граціею куплетовъ. Передѣлка же вышла точно новое оригинальное сочиненіе: ни одной чертой не напоминаетъ оно своего законнаго происхожденія.

64. *Дугласъ Черный.* Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Въ 8; 58 стран. Спб.

Сочинитель, печатая эту пьесу, поступилъ какъ герой. Въ предисловіи къ ней онъ откровенно объявляетъ, что драма его, во время ея представленій здѣсь въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ, принята была публикою безъ малѣйшаго участія. Въ слѣдствіе того онъ и рѣшился напечатать ее. Пусть, подумалъ онъ, къ испытанному равнодушію присоединится новое.

65. *Путешествіе Апраксинскаго купца и благополучное возвращеніе.* Фарсъ-водевиль въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. *П. Г.* Въ 8; 40 стран. Спб.

66. *Опекуны.* Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. *Е. Дементьева.* Въ 8; 36 стран. Спб.

Обращаемъ вниманіе читателей на обѣ пьесы вмѣстѣ: онѣ заимствованы, сколько у сочинителей достало на то искуства, изъ современнаго Русскаго быта. Еще примѣчательнѣе, что въ этѣхъ двухъ пьесахъ заключенъ полный кругъ общества нашего— отъ Апраксинскаго купца до предводителя дворянства. Недостаетъ только дѣйствительности физіономіи и этаго склада, которымъ Русскій умъ и истинно-Русская рѣчь отличаются отъ иноплеменнаго сгиба. За успѣхъ мудрено и взяться: ужъ довольно добраго намѣренія.

67. *Русская азбука*, изданная *Николаемъ Гречемъ*. Въ 8; 84 стран. Спб.

Въ новой книжкѣ, напечатанной нынѣ г-номъ Гречемъ, помѣщена не только собственно называе-

мая азбука, но и вычислены слова, 1) сходныя между собою по ихъ выговору, 2) пишущіяся отлично отъ произношенія ихъ, 3) получающія новый смыслъ отъ перемѣны ихъ ударенія, и 4) собственныя, особенно иностранныя имена, составленныя не по естественному строенію словъ Русскихъ. Первоначальное обученіе языку очень важно по своимъ слѣдствіямъ— и потому оно должно быть основательно, легко и правильно. Г-нъ Гречь, опытный въ этомъ дѣлѣ наставникъ, новымъ своимъ сочиненіемъ пріобрѣлъ новыя права на благодарность родителей и воспитателей.

68. *Текстъ Русской Правды*, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій. Издалъ *П. Калачовъ.* Въ 8; VI и 48 стран. Моск.

Изученіе древнѣйшаго памятника Русскаго законодательства составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей исторіи. Всякое новое облегченіе въ этомъ дѣлѣ есть услуга общественная. Г. Калачовъ напечаталъ теперь текстъ Русской Правды по слѣдующимъ четыремъ спискамъ: Кормчей книги XIII вѣка, Татищева — XIV в , Новгородской лѣтописи — XV в., и Князя Оболенскаго—XVII в. Юридическіе термины и другія техничеекія слова, собственныя имена, встрѣчающіяся въ Русской Правдѣ, помѣщены при этомъ изданіи въ видѣ особаго указателя. Такимъ образомъ теперь каждому удобно предаться изученію этой достопримѣчательности древнѣйшей письменности Русской.

69. *Объ употребленіи индикатора, или динаме-*

тра для паровыхъ машинъ. Составилъ капитанъ-лейтенантъ *Р. Скаловскій.* Въ 12; 120 стран. Спб.

Паровыя машины столько уже усовершенствованы какъ за границею, такъ и у насъ, что новое улучшеніе какой-нибудь ихъ принадлежности требуетъ какъ бы новаго открытія или въ механизмѣ, или въ законахъ дѣйствующихъ на него силъ. Индикаторъ и его употребленіе приняты вездѣ, чтобы опредѣлялось напряженіе силъ, дѣйствующихъ въ машинѣ. Новыми его объясненіями сочинитель не только не упростилъ дѣла, но еще внесъ въ него ошибочныя понятія сбивчивостію и невѣрностію своихъ поясненій. Къ счастію, ложная теорія безсильна тамъ, гдѣ все основывается на предварительныхъ опытахъ и примѣненіи ихъ къ практикѣ. И-такъ эта книга останется безъ вліянія на предметъ, который она, въ другой сферѣ, могла бы поколебать.

70. *Сифилитическая болѣзнь,* представленная въ историческомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. *Ѳедора Коха,* доктора медицины, акушера и старшаго ординатора Петропавловской больницы. Въ 8; 408 стран. Спб.

Успѣхи медицины въ наше время такъ безостановочны и быстры, что ни одному врачу нельзя продовольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыми онъ запасся нѣкогда при вступленіи на свое поприще, ежели онъ желаетъ проходить его съ честію для себя и съ пользою для другихъ. Докторъ Кохъ, сочинитель разсматриваемаго нами сочиненія, видимо проникнутъ этимъ убѣжденіемъ. Онъ не только вни-

мательно слѣдовалъ во время своей практики за открытіями другихъ врачей, здѣшнихъ и иностранныхъ, но и самъ велъ записки опытовъ своихъ и наблюденій. Плоды этихъ познаній являются нынѣ въ его книгѣ, предназначенной для совершенствованія спеціальной части медицины. Въ ней все можетъ обратиться въ руководство другимъ врачамъ, желающимъ пользоваться успѣхами товарища своего. Мы ожидаемъ, что его книгою воспользуются не только у насъ, но и вездѣ, гдѣ только она сдѣлается извѣстною.

II.

71. *Чтенія въ* Императорскомъ *Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.* Засѣданіе 1-го Іюня 1846 года. Въ 8; 162, 72, 82 и 60 стран. Моск.

72. *Тожъ.* Засѣданіе 28-го Сентября, 1846 года. Въ 8і 153, 66, 73, 38, 52 и IV стран. М.

73. *Торжественное собраніе Московской 3-ей реальной гимназіи*, 24 Сентября, 1846 года. Въ 4; 64 стран. Моск.

74. *Путешествіе по солнцу. Демокрита Терпиновича.* Расказы *третій* и *четвертый.* Въ 8; 71 стран. Спб.

75. *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.* Фортификація. Часть *вторая.* Фортификація долговременная. Составилъ полевой инженеръ-полковникъ *Аркадій Теляковскій.* Въ 8; 390 стран. Спб.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

8. *Путешествіе на Корсику, на островъ Эльбу и въ Сардинію.* Соч. *Валери,* переводъ съ Французскаго *Екатерины Бурнашовой.* Двѣ части. Въ 8; 267 и 277 стран. Спб.

Книги, написанныя въ родѣ разсматриваемой здѣсь, не теряютъ цѣны ни отъ перемѣны вкуса въ литературѣ, ни отъ политическихъ измѣненій. Авторъ снабдилъ свое сочиненіе положительными расказами, которые всегда и всякому полезны. Специальной цѣли нѣтъ у него. Петешествіе—его цѣль. Временное направленіе, распространеніе идей, любимыхъ авторомъ, скоро обращаются въ старыя фразы, между тѣмъ, какъ истина, схваченная изъ природы и жизни, поучительна во всѣхъ нашихъ обстоятельствахъ. Это заставляетъ насъ радоваться, что переводчица избрала подобное сочиненіе. Ея трудъ не потерянъ, тѣмъ болѣе, что и въ отдѣлкѣ Русскаго языка у нея видно знаніе и отчужденіе пестроты, преобладающей во многихъ современныхъ намъ литературрыхъ явленіяхъ.

9. *Вдовья аллея.* Романъ *Карла Рабу.* Переводъ съ Французскаго *В. П.* Часть *первая.* Въ 8; 269 стран. Спб.

Вотъ странная услуга: вамъ предлагаютъ заняться чтеніемъ первой части дюжиннаго романа, пока явятся остальныя. Но развѣ это было необходимо, чтобы романъ безъ конца выпущенъ былъ въ публику? И въ журналахъ, наполняемыхъ романами, скучненько ожидать послѣднихъ частей — а въ отдѣльной книгѣ это нѣсколько смѣшно.

II.

10. *Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ*, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ *четвертый*. *Книжка 2*. Въ 8; 231 — 496, 131 — 274 стран. Моск.

11. *Руководство къ медицинской клиникѣ*, или частная патологія и терапія, обработанныя съ клинической точки зрѣнія. Сочиненіе доктора *Карла Канштата*. Перевелъ съ Нѣмецкаго докторъ медицины и членъ Московскаго физико-медицинскаго общества *Александръ Реми*. Книга *третья*: частная патологія и терапія. Отдѣленіе первое: о болѣзняхъ головы. Переведено со втораго умноженнаго изданія. Въ 8; 232 стран. Моск.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

20. *Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души*. Поэма *Н. Гоголя*. Изданіе *второе*. Въ б. 8; X и 471 стран. Моск.

Текстъ поэмы отпечатанъ безъ измѣненія. Но при этомъ изданіи авторъ приложилъ родъ предисловія, подъ названіемъ: *Къ читателю отъ сочинителя.* Оно можетъ наконецъ вразумить многихъ, какая была цѣль автора при сочиненіи книги. Онъ заботится единственно о томъ, чтобы ни одна изъ его картинъ не осталась непровѣренною по наблюденіямъ ближайшимъ.

21. Полное собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ. *Сочиненія фонъ-Визина.* Въ 18; 712 стран. Спб.

22. Тожъ. *Сочиненія Озерова.* Въ 18; 452 стр. Спб.

23. *Собраніе сочиненій новѣйшихъ Русскихъ писателей.* Выпускъ *первый.* Избранныя сочиненія *М. В. Ломоносова*, съ его портретомъ, біографіею, снимкомъ съ почерка и съ изложеніемъ содержанія статей о Ломоносовѣ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ и др. изданіяхъ. Въ 15; CXLVI, 376 стран. Моск.

24. *Хрестоматія*, извлеченная изъ лучшихъ Французскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ съ Французско-Россійскимъ словаремъ. Составлена *А. Нувелемъ. Третье* изданіе. Въ 8; 212 стран. Спб. (Тожъ заглавіе на Французскомъ языкѣ).

25. *Книга для чтенія и упражненія въ языкѣ*, составленная для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназіи. Въ 8, 272 стран. Спб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Всѣмъ извѣстное и для обученія дѣтей Отечественной Исторіи классическое у насъ сочиненіе: *Исторія Россіи въ расказахъ*, *А. О. Ишимовой*, вышло на-дняхъ изъ печати *третьимъ* изданіемъ. Каждый разъ сочинительница, со всею добросовѣстностію и любовію къ дѣлу, совершенствуетъ свою книгу, глубоко чувствуя *важность ея назначенія*, дорого цѣня общіе благосклонные отзывы объ ея трудѣ и внимательно слѣдуя за успѣхами науки. Мы нашли въ новомъ изданіи много дополненій въ текстѣ и въ выборѣ стихотвореній, приводимыхъ ею съ прекраснымъ намѣреніемъ, чтобы событія навсегда запетлѣлись въ воображеніи дѣтей помощію картинъ поэзіи. Нѣкоторыя мѣста совсѣмъ передѣланы и еще болѣе доведены до соразмѣрности съ прочими частями. Словомъ: это такое явленіе въ современной литературѣ, которое не можетъ не радовать родителей, воспитателей и самыхъ дѣтей. Нельзя при этомъ случаѣ не выразить общей благодарности сочинительницѣ *Исторіи Россіи для дѣтей* и за другія изданія, которыми она такъ облегчила въ Россіи трудное дѣло воспитанія, основавши его на вѣрномъ развитіи умственныхъ способностей, на образованіи вкус а, на простыхъ и точныхъ законахъ Русскаго языка и на

истинной, въ благородномъ смыслѣ взятой, народности, на современномъ состояніи наукъ и воспитанія, на благочестіи и высокой нравственности. Всѣ сочиненія ея проникнуты этими началами воспитанія и обученія дѣтей. Книги ея составляютъ, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ первоначальную библіотеку, которая полнотою, обработкою и даже высшими литературными совершенствами вполнѣ равняется съ лучшими иностранными по этой части твореніями, превосходя ихъ для насъ Русскихъ примѣняемостію къ нашей жизни. Особенно всѣ признали неисчислимыя выгоды, доставляемыя общественному и частному воспитанію прекраснымъ журналомъ А. О. Ишимовой: ЗВѢЗДОЧКОЮ, издаваемымъ ею въ видѣ особыхъ двухъ журналовъ *для старшаго* возраста и *для младшаго*. Можемъ обрадовать безчисленныхъ почитателей таланта ея и вкуса, что *обѣ Звѣздочки* будутъ на прежнемъ основаніи выходить и въ 1847 году, и что Санктпетербургскій Почтамтъ уже распорядился ежемѣсячно доставлять подписчикамъ каждое отдѣленіе *Звѣздочки* по всей Россіи со всегдашнею его исправностію.

II.

Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденная при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, приступила къ изданію собранныхъ ею Малороссійскихъ лѣтописей. Изданіе начато лѣтописью Самуила Велички, бывшаго канцеляристомъ войска Запорожскаго въ с. Жукахъ Полтавскаго уѣзда. Эта

лѣтопись раздѣляется на двѣ части. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «О войнѣ Козацкой съ Поляками чрезъ Зиновія Богдана Хмельницкаго, Гетмана войска Запорожскаго, въ осьми лѣтехъ точившейся, а до двѣнадцати лѣтъ отъ Поляковъ съ иншими Панствами провлекшейся, якою онъ Хмельницкой при всесильной помощи Божественной зъ Козаками и Татарами отъ тяжкаго ига Лядскаго выбился и подъ Высокодержавное Пресвѣтлѣйшаго Монарха Россійскаго Алексія Михайловича владѣніе добровольнѣ поддался.» ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «Повѣствованія лѣтописная о Малороссійскихъ и иныхъ отъ части поведеніяхъ, собранная и здѣ описанная.» Сказанія эти основаны на оффиціальныхъ актахъ; около 120 актовъ помѣщено въ самой лѣтописи. Они заключаютъ въ себѣ договоры, универсалы, посланія, рѣчи и переписку лицъ, имѣвшихъ вліяніе на тогдашнія событія. Но замѣчательнѣйшимъ источникомъ этой лѣтописи были записки Самуила Зорки, секретаря Гетмана Хмельницкаго. Въ лѣтописи находится нѣсколько стихотвореній, портреты шести Гетмановъ: Бруховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Ханенка, Самойловича и Мазепы, также рисунокъ, изображающій осаду Чигирина Турками. Коммиссія, слѣдуя принятому ею правилу для изданія памятниковъ, печатаетъ текстъ безъ всякихъ измѣненій со всѣми прибавленіями и документами, чтобы изданіе съ возможною вѣрностію выражало оригиналъ по формѣ и содержанію. Такъ-какъ текстъ лѣтописи писанъ на южно-Русскомъ нарѣчіи, то Коммиссія почла необходимымъ присоединить пере-

водъ на Русскій языкъ. Въ концѣ будутъ приложены снимки съ замѣчательнѣйшихъ въ палеографическоми отношеніи почерковъ. Лѣтописи будутъ выходить ежемѣсячно, тетрадями отъ 10 до 15 листовъ. Цѣна 12-ти тетрадямъ, которыя выйдутъ въ теченіи 1847-го года, 10 руб. сер. съ пересылкою. Желающіе получать это изданіе могутъ присылать свои требованія въ Кіевъ, во Временную Коммиссію для разбора древнихъ актовъ, прилагая подробный адресъ и годовую плату. Въ Санктпетербургѣ подписка принимается у книгопродавца Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ по Зеркальной линіи.

РАЗНОЕ.

— Студенты Санктпетербургскаго Университета, съ 13-го Октября, и въ нынѣшнемъ году, какъ было прежде, начали запятія свои музыкою. Они исполняютъ различныя пьесы цѣлымъ оркестромъ и концертныя соло, что бываетъ въ большой Университетской залѣ *по Воскресеньямъ отъ часу до 3-хъ по полудни*. Въ оркестрѣ участвуютъ, кромѣ самихъ студентовъ, молодые люди, бывшіе прежде тоже студентами Санктпетербургскаго Университета, посторонніе любители музыки и артисты. Исполненіе полнымъ оркестромъ классическихъ произведеній ве-

ликихъ музыкантовъ представляетъ много затрудненій, и потому вообще бываетъ не только у насъ, но и вездѣ довольно рѣдко. Чтобы родственники студентовъ и другіе любители музыки могли воспользоваться музыкальными занятіями студентовъ и слушать исполненіе лучшихъ музыкальныхъ пьесъ полнымъ оркестромъ, имъ дозволено присутствовать въ этихъ еженедѣльныхъ собраніяхъ. Билеты для входа въ залу получаются въ Университетѣ въ квартирѣ Г. Инспектора студентовъ—и одинъ билетъ (цѣн. 5 р. сер.) на всю зиму до великаго поста служитъ для цѣлаго семейства. Собираемая такимъ образомъ небольшая сумма обращается на покупку нотъ и наемъ нѣкоторыхъ артистовъ для оркестра. Къ общему исполненію пьесъ студенты приготовляются въ особые дни. Многіе изъ молодыхъ людей, уже не состоящихъ въ вѣдѣніи Университета, пожелали и во время приготовительныхъ занятій студентовъ пользоваться уроками въ музыкѣ для усовершенствованія себя на какомъ нибудь одномъ изъ инструментовъ, входящихъ въ полный оркестръ. Имъ это дозволено съ платою 20 р. сер. въ годъ, чтобы изъ составляющейся отъ того суммы можно было доставить средства также образоваться на какомъ-нибудь одномъ для оркестра инструментѣ тѣмъ изъ студентовъ, у которыхъ не достаетъ на это собственныхъ средствъ. Съ открытія музыкальныхъ по Воскресеньямъ собраній въ нынѣшнемъ году до 1-го Декабря ихъ было шесть. Каждый разъ исполняемо было по три большихъ пьесы (увертюръ, симфоній и концертовъ)

Керубини, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Россини, Гуммеля, Вебера, Мендельсона Бартольди и Карла Шуберта, дирижёра Университетскаго оркестра.

— Недавно получено въ Санктпетербургѣ небольшое число экземпляровъ стихотвореній А. С. Пушкина, переведенныхъ прозою на Французскій языкъ и напечатанныхъ въ Парижѣ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont attaché à l'Institut de voies de communication de Saint-Pétersbourg. Они продаются у книгопродавца Белизара. Изъ числа большихъ пьесъ переведены: Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Русланъ и Людмила, Кавказскій Плѣнникъ, Братья Разбойники, Цыгане, Графъ Нулинъ, Домикъ въ Коломнѣ, Полтава, Анжело, Мѣдный Всадникъ, Каменный Гость и проч. и проч Переводчикъ видимо старался сохранить всю свѣжесть, всю яркость, всю грацію поэзіи Пушкина. Сколько можно было это сдѣлать во Французской прозѣ — онъ успѣлъ совершенно. Вникая въ образъ каждой фразы его, чувствуешь, что онъ менѣе дорожилъ отдѣлкою своего роднаго языка, нежели оригинальностію выраженія Русскаго. Для доставленія иностранцамъ опредѣлительной и ясной идеи о какомъ бы то ни было великомъ поэтѣ надобно всегда начинать переводомъ въ прозѣ. Такихъ переводчиковъ-поэтовъ, которые, какъ Жуковскій, вполнѣ обнимаютъ всѣ совершенства оригинала и передаютъ ихъ равносильно, нигдѣ нѣтъ и не

было. Обыкновенные переводчики въ стихахъ показываютъ только себя, а не того, кого переводятъ. Вотъ почему и благодарны мы Французскому переводчику Пушкина, что онъ передалъ его близко и внятно.

— Въ ночь на 3 Ноября въ $^1/_2$ 12 часа скончался Тегнéръ, знаменитый Шведскій поэтъ. Въ Стокгольмѣ открыта національная подписка для сооруженія ему памятника. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ только изрѣдка являлся на литературномъ поприщѣ, но есть поводъ думать, что немалое число новыхъ стихотвореній, даже большаго объема, составятъ его завѣщаніе потомству. Шведская Академія, по смерти его, установила на мѣсяцъ трауръ между своими членами, къ которымъ и онъ принадлежалъ. Сверхъ того она опредѣлила изготовить мраморный бюстъ его, выбить въ честь его медаль и произнести похвальную ему рѣчь на особомъ академическомъ торжествѣ. Русскихъ ознакомилъ съ поэтическимъ геніемъ Тегнéра Я. К. Гротъ, профессоръ Императорскаго Александровскаго Университета: онъ перевелъ *Фритіофа*, лучшее національное созданіе Тéгнера. Францéнъ, другой знаменитый Шведскій поэтъ, въ собраніи прекрасныхъ біографій, нѣсколько лѣтъ уже имъ составляемыхъ, помѣстилъ и біографію Тегнéра, которую мы представили нашимъ читателямъ (Современ. т. XXI, стран. 53). Необыкновенно оригиналенъ и любопытенъ отвѣтъ Тегнéра, когда у него спрашивали, какъ объясняетъ онъ самъ себѣ чрезвычайный успѣхъ свой въ отечествѣ. Вотъ онъ:

«Шведъ, подобно Французу, особенно любитъ въ поэзіи легкое, ясное, прозрачное. Онъ требуетъ и глубокаго, которое умѣетъ даже цѣнить, но то должно быть прозрачно-глубокое. Онъ хочетъ видѣть на днѣ рѣки золотой песокъ. Ему противно все мутное и темное, все, что не представляетъ яснаго образа, какъ бы оно глубокомысленно ни было. По немъ, кто темно выражается, тотъ и мыслитъ темно, и ничто безъ ясности не можетъ на него подѣйствовать. Этимъ онъ отличается отъ Нѣмца, который, по своей созерцательной природѣ, не только переноситъ, но и предпочитаетъ все таинственное и туманное, гдѣ онъ любитъ угадывать что-то глубокомысленное. У него болѣе «Gemüth» и угрюмой важности, нежели у Шведа, который поверхностнѣе и легкомысленнѣе. Вотъ источникъ мистики чувствъ и гемороидальныхъ припадковъ въ Нѣмецкой поэзіи, и она намъ не нравится. Что касается до самаго духа поэта и его воззрѣнія на міръ, то мы любимъ въ особенности кипящее жизнью, бодрое, смѣлое, даже дерзкое. Это справедливо и въ отношеніи къ Шведскому національному характеру. Какъ ни разслабленъ, ни суетенъ и не испорченъ пародъ нашъ, все-таки въ основаніи его духа есть что-то богатырское — черта, которую намъ пріятно находить и въ поэтѣ. Племя первобытныхъ великановъ * еще не угасло. Въ народѣ живетъ какое-то титановское презрѣніе опасности. Вотъ нѣсколько строкъ (въ под-

* Готовъ, которые, по преданію, были первобытными жителями Скандинавіи.

линникѣ стиховъ) изъ *Герды:* «Сѣверъ силенъ отвагою, и паденіе—для насъ побѣда: тому весело пасть, кто бился до конца. Шумитъ ли буря, онъ спокойно борется съ нею, спокойно обнажаетъ грудь, чтобы молнія знала, куда ей лучше ударить.» Морозный, но свѣтлый и здоровый день, который напрягаетъ и будто желѣзитъ всѣ человѣческія силы, чтобы онѣ могли бороться съ суровою природой и побѣждать ее — вотъ настоящій образъ сѣвернаго характера. Гдѣ есть эта ясная погода, это здоровое дуновеніе, тамъ нація сознаетъ жизнь своего собственнаго духа, и снисходительно смотритъ на другіе поэтическіе недостатки. Я не знаю лучшаго объясненія моему успѣху.»

— Историческія, критическія, анекдотическія и біографическія публичныя лекціи графа де Сюзора о Французской литературѣ, возвѣщенныя въ Русскихъ газетахъ, начались въ залѣ второй гимназіи 24 Ноября.

— Мы говорили о прекрасномъ предпріятіи *г. Бернардскаго* издать *Сто рисунковъ къ сочиненію Н. В. Гоголя: Мертвыя души* (XLIV, 123). Вышло, что это предпріятіе осуществилось, какъ нельзя болѣе, кстати. Въ одно и то же время являются второе изданіе Мертвыхъ Душъ (съ предисловіемъ автора, которое необыкновенно замѣчательно), и Сто рисунковъ къ этой книгѣ. Г. Бернардскій представляетъ обѣщанные выпуски съ буквальною точностію каждую субботу. И вотъ публика получила уже *пять* выпусковъ. Выборъ сценъ, выраженіе ха-

рактера въ лицахъ, постановка ихъ, отдѣлка костюмовъ и прочихъ принадлежностей изумительно хороши въ каждой изъ *двадцати* картинокъ, доселѣ вышедшихъ. Рисованныя сцены доведены до возвращенія Ноздрева съ ярмарки.

ПОДРАЖАНІЕ ИНДѢЙСКОМУ.

Изъ Гита-Говинды.

Я думаю о немъ, когда большія слезы
Струятся по щекѣ трепещущимъ ручьемъ,
И улыбаяся — какъ пурпурныя розы
Мнѣ улыбаются — я думаю о немъ.

Подъ сѣнію игольчатыхъ деревъ
На берегахъ Ямуны
Не блещутъ чашечки цвѣтовъ,
Не распѣваютъ струны —
Но пылкій стонъ
Колышетъ дѣвственныя груди,
И ожерелій тонкій звонъ
Уже разслушали внимательные люди.
Вотъ онъ, вотъ онъ!

Я думаю о немъ, заполонивъ вниманье
Моимъ плѣнительно-рѣчивымъ языкомъ;

А если замолчу, то это замолчанье
Какъ будто говоритъ: я думаю о немъ.

Кругомъ любимца моего
Толпятся бѣлыя дѣвицы:
Одна взираетъ на него
Глазами голубицы,
Другая рѣзвою рукой
Его куда-то увлекаетъ,
А третья много обѣщаетъ
Счастливящей слезой
И ароматами напитанной косой.

Я думаю о немъ, поникнувъ головою,
Обремененною передразсвѣтнымъ сномъ —
И, восхищаяся лучистой бахрамою
Дневнаго факела — я думаю о немъ.

Какъ бабочка съ цвѣточка на листокъ,
Его порхаютъ глазки;
Смѣняетъ сладостный упрекъ
Восторженныя ласки —
А въ быстро-сплетшихся рукахъ
Красавица. Ихъ волосы смѣшались.
Какъ звѣздочки въ лазурныхъ небесахъ
Зардѣлись щечки... Ахъ!
Они поцѣловались.

Я думаю о немъ, хотя одушевилъ онъ
Неопытную грудь сжигающимъ огнемъ,
Хотя случайною измѣной загубилъ онъ
Многолюбившую. Я думаю о немъ.

Д. Коптевъ.

25 Октября, 1846 г.

ПРИЗЫВЪ.

Унынья мрачной пеленою
Какъ мертвыхъ саваномъ повитъ,
Ты спишь, когда передъ тобою
Жизнь человѣчества кипитъ.
Для одпаго тебя безмолвны
Ночей и дней живыя волны.
Подобно жителю могилъ,
Безъ чувствъ, безъ страсти, безъ волненій,
Для всѣхъ житейскихъ впечатлѣній
И слухъ и взоръ ты затворилъ.

Проснись, питомецъ обаяній!
Свой малодушный сонъ прерви,
Вступи въ ряды живыхъ созданій,
И жизнью общею живи.
Не искушай хулой сомнѣнья
Путей святаго Провидѣнья;
Подъ руку крѣпкую смирись:
Отецъ людей любвеобильный
Ведетъ тебя рукою сильной
Чрезъ мракъ и смерть во свѣтъ и жизнь.

Пусть велики твои страданья,
Пусть горекъ плодъ твоихъ утратъ:
Тѣмъ больше мѣра воздаянья
Твоихъ вѣнцовъ, твоихъ наградъ.

О, торжествуй! Судья вселенной,
Прозрѣвши кладъ въ тебѣ безцѣнной,
Тебя страданіемъ почтилъ.
Любовь превѣчная судила
Тебѣ пройти сквозь огнь горнила,
Чтобъ ты и чистъ и свѣтелъ былъ.

Возстань, возьми свой одръ печали,
И новой жизнію ходи!
Уже ль поэзіи скрижали
Напрасно носишь ты въ груди?
Смотри: въ огняхъ, гремя, блистая,
Вѣнецъ таинственный Синая
Тебя властительно зоветъ.
Иззуй себя отъ тлѣнья страха,
И съ твердой вѣрою безъ страха,
Начни пророческій восходъ.

Не устрашись стези далекой:
Творецъ твой путь благословитъ,
И тайны мудрости высокой
Онъ духомъ устъ тебѣ внушитъ.
Твой умъ постигнетъ мысль и слово;
Ты будешь вѣстникъ Іеговы,
Глашатай воли Божества;
Къ тебѣ склонятъ свой слухъ народы,
И пронесутся въ родъ и роды
Могучихъ устъ твоихъ слова.

ОГЛАВЛЕНІЕ XLIV ТОМА.

Стран.

Котъ въ сапогахъ. Сказка въ стихахъ. В. А. Жуковскаго . . . . 5.
Жизнь моей матери . . . . 13.
Русскіе Самоѣды. Изъ писемъ Кастрена. 40.
Лжедимитрій. Статья А. Я. Комарницкаго . . . . 72.
Предисловіе *Шеллинга* къ посмертнымъ сочиненіямъ Стефенса . . . . . 85.
Самое обыкновенное происшествіе. П. А. Кулѣша . . . . 131.
Фихте. Съ *Нѣмецкаго*. К. К. Герца . 157.
Общественные недуги въ западной Европѣ. Съ *Нѣмецкаго* . . . . . 170.
Литературныя новости . . , ... 181.
Мелкія статьи Альмквиста . . . . . 186.
Е. А. Баратынскому. Н. М. Языкова . 224.
Бываетъ. И. С. Аксакова . . . . . . 226.
Воспоминаніе . . . . 228.
Приплытіе. Н. Будьдобраго . . . . 230.
Совѣтъ. И. С. Аксакова . . . . . . 231.
A ma femme . . . . 232.
Три взгляда . . . . 233.
Антологичес. стихотвор. Д. И. Коптева. 234.
О Современникѣ въ 1847 году . . . 236.
Къ читателю Современника. П. А. Плетнева . . . . 243.
Обзоръ исторической литературы за 1-ю половину 1846 года. К. К. Герца. 251.
Расказы Андерсена . . . . 263.
Мнѣніе Гёте о Манцони. Ѳ. В. Чижова. 292.
Ѳ. И. Миддендорфъ. А. И. Смирнова . 320.
Объявленія . . . . 351.
Подражанія Индѣйскому. Изъ *Гита-Говинды*. Д. И. Коптева. . . . 360.
Призывъ . . . . 362.
Новыя Сочиненія . . . . 94, 196 и 325.
Новые Переводы . . . . 121, 218 и 338.
Новыя изданія . . . . 122, 220 и 349.
Разное. . . . . 123, 222 и 354.

КОНЕЦЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.